

Кира Фэй

Любыми

Свадьба по-русски

путями

Маша Табелева — сильная и самостоятельная девушка, настолько неприступная, что мало кому известно, какая временами хрупкая натура скрывается за всей этой оболочкой. И вот однажды Марию посещает её первая любовь Стас. И вроде бы прекрасная возможность вспомнить былое, только пришёл он не один — за его спиной стоит миловидная девушка, сияющая от счастья. И пришли они не чай с баранками пить, а пригласить на свадьбу... Только вот Мария искренне верит, что Акулина совсем не подходит Стасу. Во что бы то ни стало, девушка решает предотвратить этот ошибочный, по её мнению, брак. И с чего же начать? Быть может, стоит найти общий язык с бывшим парнем Акулины и уже вместе поломать голову?

---

1 ПРОЩАЙ, СКУКА! ЗДРАВСТВУЙ, СТАСИК!

— Какое из трёх слов тебе не понятно, милый? Пошёл? На? Или те самые три весёлые буквы? — нет, ну до чего тупой народ мужчины. Собаки и то с первого раза команду понимают, а этому представителю противоположного пола я уже в пятый раз пытаюсь втолковать, что я не желаю знакомиться. Но в ответ я снова получила непонимающее выражением голубых зенок. Я закатила глаза. Ещё бы, он не понимает в чём дело, почему я не желаю с ним знакомиться, ведь он половой гигант и т. д. и т. п. ....

— Эм...ты меня что, прогоняешь? — аллилуйя! Свершилось! Я чуть ли не танцевала от счастья.

— Да! — утвердительно кивнула я.

— Меня?

— Нет, блин, домовёнка Кузю, вон под столиком прячется! — я с трудом удержалась от хмыканья, когда парень заглянул по стол. Офигеть! Таких одарённых я ещё не встречала.

— Неужели я тебе не понравился? — гм, хороший вопрос. Вполне себе симпатичный молодой человек, коренастый, широкоплечий... Вот только рот раскроет и всё в впечатление коту под одно место. Кем он себя вообразил? Думает, если парочку раз дёрнит своими бицепсами все девицы с томными вздохами падут к его ногам? Что ж, большинство, может, и падут, но уж никак не я.

— А ты сам пораскинь двумя бусинками, что у тебя в голове вместо мозга? — согласна, грубовато, но в самом деле, день не задался, а ведь суббота, законный выходной. И несмотря на посещения праздника День Города, который проводился в только открывшемся парке аттракционов и удачном захвате столика в летнем кафе недалеко от сцены, мне всё равно было паршиво. — Если бы понравился, я бы тебя не отшивала... — в самом деле, что тут трудного-то? Простая логика!

— Да ты кокетничаешь! — мать моя женщина! За что мне это наказание?

— Ты чего такой трудный-то? — я уже начинала злиться. Во-первых, моя подруга модельной внешности опаздывала на встречу. Во-вторых, из-за того, что эта самая подруга модельной внешности опаздывала, а значит, тем самым не принимала на себя весь поток тестостерона в радиусе километра, ко мне подходили знакомиться всякие там мужеподобные существа. Я, конечно, не феминистка (на это утверждение все мои знакомые дружно бы рассмеялись!), но вот такие типы, уверенные в себе на все сто процентов и считающие женщин сёстрами половых тряпок, как-то не располагали мою вспыльчивую натуру к общению.

— Кто? Я? — ага, включил режим быдло. Отлично. Будет проще отделаться.

— Не знаю кто ты и узнавать не собираюсь, иди поищи кого-нибудь ещё, тебя вон на том конце кафе с потрохами мысленно сожрали, а ты мне и без них в одно место не упёрся... — ох, нет, мать, ты в самом деле что-то сегодня мегера. Я искоса взглянула на официанта, который так приспокойненько оперевшись спиной на ограждение, наблюдал за тем, как слабую даму обижают.

— Сука рыжая! — вот и всё. Режим быдло полностью активирован. Ну да ничего... пообзывается и отвянет... Так, ой-ой, слишком близко, и чего он лапы-то ко мне тянет? Я быстро прыгнула со стула и попятилась назад. Спина тут же упёрлась в метровую ограду,

так что путей для отступления было немного.

— А ну стой, сейчас я тебе покажу! — я прикусила язык, дабы не высказать свои сомнения относительно того, что он мне покажет. Нет, мне ещё моя рыжая шевелюра дорога. Благо парень оказал не особо поворотливым, зато я ловко преодолела ограждение, а затем стала варьировать между танцующими и тупо стоящими и смотрящими на сцену, даже успевая исполнить несколько па. Вот что я люблю делать, так это танцевать, полностью окунаясь головой в музыку подстраивая биение своего сердца под ритм. Так что в итоге я немного увлеклась танцами и позабыла о бугае, который меня преследовал. Поэтому когда огромные лапища схватили меня за руки, я только беззвучно открыла рот от неожиданности. Вот гадина!

— Пусти, — прошипела я. Но настойчивому парню прямо зачесалось со мной познакомиться.

— Ты оборзела, за кого ты себя принимаешь? Дешёвая шляха! — при таком близком расстоянии я чётко чувствовала пары алкоголя, исходящие от этого индивидуума. Мамочки, да если он ещё раз на меня дыхнёт, я сама запьянею!

— Ещё раз меня оскорбишь и без биологических детей останешься, — завуалировала я угрозу, начиная злиться. Мне как-то обычно по барабану на всякие обзывания, но этот тип уже перешёл всякие границы и его пальцы на моих запястьях сжимались слишком сильно. А я не люблю, когда меня загоняют в угол, люблю свободу.

— Ты просто... — в следующий момент произошло несколько вещей. Какой-то перепитой парень практически упал на девушку справа от меня. Девушка соответственно упала вниз, мы с бугаём моментально отпрыгнули (не знаю, как под ним земля не провалилась) в сторону, он не успел произнести оскорбление, но я уже приподняла коленку для удара, и в этот момент на моё плечо легла чья-то рука. Нет, я определённо из стадии "особа опасна" перешла на режим "бешенная стерва".

— Ты что устроил-то? — дыхнули мне в волосы эти слова. Я поморщилась, но мои запястья были уже свободны, правда, чья-то конечность ещё была на плече. Я обернулась, сквозь неоновые лучи мне удалось разглядеть самца человека, возрастом примерно 25–30 лет. Я девушка рослая, но перед этим верзилой почувствовала себя Дюймовочкой. Столько верзил-то развелось? Не только на моей улице опрокинулся грузовик с "Растишкой"?

— Да я вон с ба... — мой навязчивый ухажёр как-то сразу стушевался, ну теперь понятно — пиво сделало из него козла, вернее сказать, явило миру истинную сущность всего рода мужского. Стандартная ситуация: с дамой решил познакомиться, а она не даёт... Я презрительно фыркнула, крутанула плечом так, что назойливая конечность с него свалилась, и, сдув рыжую прядь волос со лба, хотела было удалиться, дабы не покрыть этих двоих трёхзаборным матом с ног до головы, но меня тормознули аж две руки. Сейчас я им клешни-то повырываю!

— Хватит меня трогать! — испепеляя взглядом обоих, заявила я. Бациллами своими меня тут заражают, а мне потом болей... И чего прицепились? Я не пугливая, меня двумя пьяными верзилами не испугать, но уже реально стали доставать.

— Мой друг хотел бы извиниться, — произнёс мой "спаситель". Я бросила на него хмурый взгляд и взглянула на своего "ненаглядного". Тот правда выглядел виноватым. Посмотрев на него ещё секунд пять, я поняла, что он стал напоминать мне медвежонка. Ой, а вот это не очень хорошо. Я мишек страсть как люблю, сейчас ещё расклеюсь... И он так напоминает мне моего самого любимого Тэдика, с которым я сплю в обнимку.

— Ты прости меня... Я пьяный, несчастный...

— Мишка, — улыбнулась я, но потом прикусила губу, поняв, что сморозила глупость и снова сделала серьёзную морщину, мол, я ещё подумаю, прощать тебя или нет.

— А ты откуда знаешь как меня зовут? — ну надо же! Как корабль назовёшь, так и поплывёт!

— Ведьма я, — пробормотала я.

— Ага, в самом деле, вон глаза синющие... Блин, Романыч, ты гля, глаза у неё, правда, синие, — Мишка наклонился ко мне близко-близко, мне тут же стало некомфортно. Благо Романыч вовремя схватил его за воротник рубашки и подтянул к себе. Та ещё парочка! Вот только надо сматываться от них, а то ещё прилипнут на весь вечер...

— Всё, пошли, у тебя на почве нервного срыва начались галлюцинации... — пробормотал Романыч, — Извините, девушка, — я лишь отмахалась от слов парня и двинулась в сторону кафе, надеясь, что мой столик ещё не заняли. Как оказалось, его заняли, но там уже сидела моя подруга, и вокруг неё вился целый рой мужчин. Эка пчелиная матка! Ещё бы она не смогла отвоевать столик... Да если она улыбнётся, ей не то, что полцарства отдадут, а всё, плюс казна.

— Привет, Катюха, — растолкав пару субтильных мужичков, я приземлилась на стул рядом с подругой. Её по-детски очаровательное лицо повернулось ко мне, огромные жёлто-карие глаза с длинными ресницами сияли, волосы песочного цвета рассыпались волной до талии. Настоящая принцесса из сказки, что говорить, не удивительно, что у всех кобелей в округе языки на бок...

— Машенька, привет, а ты где была? — а, забыла сказать, что помимо внешности принцессы, Катя отличалась ещё и наивностью этого персонажа, а так же его добротой и верой в мир во всём мире. Конечно, с птичками и зверьками она в лесу песенки не распевала, но её романтический взгляд на реальность видно невооружённым глазом. Наверное поэтому мы и подружились — я как раз ничем таким не отличалась. Она делала меня мягче, а я иногда спускала её с облаков на землю, снимала с неё розовые очки и помогала вернуться в реальность.

— Домовёнка Кузю изгоняла... — пробормотала я, кивнув официанту. Он тут же притащил мне очередную порцию апельсинового сока. Не люблю я пить, слишком уж буйной становлюсь в подобном состоянии. Да и вкус алкоголя мне противен. И за рулём я. — Да какой-то урод нарисовался...

— Надеюсь, в этот раз обошлось без черепно-мозговых? — серьёзно спросила она, чуть надув губы. Справа от меня скрипнул стул, какой-то парень отодвинулся подальше. Правильно, бойся! И чего они вообще присели за наш столик? Борзота!

— Нет, и даже без моральной травмы, — улыбнулась я. Нет, ну в самом деле, как можно ТАК беспокоиться об окружающих? Сама невинность, даже страшно.

— Я тобой горжусь, это надо отметить, — прозвучало чуть громче, поклонники Кати тут же как горные козлы намерились перемахнуть через барную стойку, где разливались напитки, стремясь угодить ей с заказом. Бармен как-то ступешался, но сумел пробормотать, что примет все заказы. А она как всегда смущалась и мило сносила все ухаживания. Забыла сказать, у Кати, как и у всякой принцессы, был принц, да ещё и на белом коне. Она вообще, как бы была замужем, причём уже два года. Как и положено принцессе она вышла замуж рано и теперь жила долго и счастливо со своим ненаглядным Арсением, который в данный момент сидел дома и сверлил красными глазами телефон, ел собственные ногти и ждал,

когда позвонит Катя и скажет, чтобы он за ней приезжал. Не знаю, как он такой ревнивый вообще её куда-то отпускает. Нет, ну со мной можно. Я кого хочешь напугаю. А так?

— Ой, давай без этого, голова болит жутко...

— Неудачный день? — подруга сочувственно на меня посмотрела.

— Не знаю...просто никакой. Проснулась, съездила к брателло, а меня там на порог не пустили, видите ли они заняты переездом...Конечно, сексом они заняты. Потом пошла в бассейн...пришла. Теперь здесь. Всё. Скучно мне, Кать...Надо найти какое-то занятие. До конца лета остались каких-то четыре недели! — я опустила глаза на свой стакан с апельсиновым соком.

— Тебе влюбиться нужно... — тихо заметила подруга, так тихо, что я с трудом расслышала. Она знала мою реакцию на подобные разговоры и она последовала в виде незамедлительного краткого ответа:

— Бред.

— Не бред...Заведи парня, столько проблем появится, что скучать будет некогда!

— С таким же успехом я могу завести хомячка...Так же воняет, такой же вредный и требует жрать как не в себя. Тоже проблем много, зато не требует стирать носки и носить тапочки в зубах. Если только не хомячѐк-тиран...

— Ой, перестань, кстати, парень, сидящий за столиком слева, с тебя глаз не сводит... — я устало покосилась в сторону, куда указала Катя.

— Ну что ж за наказание такое! — взвыла я, выпивая залпом стакан сока. Миша сверлил меня своими виноватыми глазами и видимо надеялся, что я всё-таки с ним познакомлюсь. Ну сдалась я ему? Вон сколько девушек вокруг. — Этот дибил и ко мне уже сегодня приставал...

— Выглядит вполне здоровым, ты не соврала, — удовлетворѐнно кивнула подруга. — Ой, да ладно тебе, поболтай с ним, пускай угостит тебя коктейлем. Дай парню шанс.

— Да я бы не дала ему шанс, будь он даже Колином Фаррелом, — но потом я призадумалась и добавила, — Хотя нет, будь он Колином Фаррелом, шанс у него был бы и не один...

— Маша! — вот ненавижу, когда она на меня так смотрит, будто бы я ребёнок, а она всё-всё знает. Я насупилась.

— Тебя одну оставлять на растерзания этих стервятников нельзя, меня Арсений прибѐт, когда я притащу твоѐ бездыханное тело домой. Ты умрѐшь от избытка комплиментов в воздухе, — Катя лишь отмахалась и снова послала меня к Мише. Кхм...а почему бы и нет? Всё равно уже узнали друг друга с плохой стороны.

— Губу подбери, наступишь, — весело пробормотала я, присаживаясь рядом с парнем. Он тут же перестал тупо пялиться в одну точку и взглянул на меня. Где-то позади очередная приглашѐнная "звезда" из миллионной по счѐту Фабрики Звѐзд надрывала голос и пыталась изобразить пение.

— Ты похожа на мою бывшую, сильно, — решил рассказать всё по чесноку Миша. Я постаралась не закатить глаза и убийственно взглянула на по-ангельски улыбающуюся Катю. Ну-ну, я её крылышки на суп пушу, после того как выслушаю сопливую триаду Михаила о своей нелѐгкой косолапой жизни.

— Я тебе сочувствую, даже если она хоть на капельку похожа на меня. Я человек непростой, — слабо улыбнулась я, думая, что это на самом деле так. Со мной сложно. Человек я конкретный и прямой, а для бабы эти качества сродни неумению готовить и

стирать — в общем, отталкивающие. Если человек меня бесит — я покажу ему это, если нравится — тоже. Люблю правду и прямоту.

— Она меня бросила ради какого-то эмо...или гота...или панка. Короче считай, ради бабы, со спины не разберёшь, — проворчал он. Мне даже стало как-то по-человечески его жалко. Хорошо хоть не стал меня душить из-за сходства с бывшей девушкой. А вот, наверное, эмо-гото-панко-мальчикам не везёт. Тем более они все как на подбор, души не хочу.

— Так ты живи и радуйся, избавила тебя от себя. Ты ведь Миша, да? — я протянула руку, и он аккуратно пожал её. Надо же, какие мы нежные. Я даже как-то расчувствовалась. Нет, ну точно мой любимый Тедик! — Тебе может заказать чего? Ну, может водки или там...виски? Не знаю, что пьют в таких случаях...

— Ему уже хватит, — опередил ответ Миши вовремя подоспевший Романыч. Ну вот, теперь всё выглядит так, будто бы я собиралась бессовестно споить неповинного не в чём Михаила. Вечно я плохая.

— По-моему это кому-то хватит командовать, — нахмурилась я. Вот он, припёрся, авторитет. Я, конечно, видела его от силы секунд тридцать, но сразу видно — Романыч парень серьёзный, хмурый, лицо невозмутимое. Правда, симпатичный. Наверное, если улыбнётся, то перестанет быть таким устрашающим.

— О-па, а это интересно, — Миша стал с интересом за нами наблюдать. Я медленно поднялась со стула и хорошенько выпрямилась. Ага, всё-таки не такой ты и большой, как мне показалось, правда, для этого мне пришлось поставить грудь колесом, сильно-сильно вытянуть шею и задрать голову, ну ещё и на носочки чуть приподняться.

— Действительно, кому-то хватит и это точно не я, — вкрадчивым голосом отчеканил Романыч. — Девушка, вы уже определитесь, бегать от Михаила будете или преследовать. А-то всё как-то не понятно, — его глаза сверкнули. Что говорить, а от этого парня так и веяло какой-то силой, обычная женщина пала бы к его ногам, моля оттащить к себе в пещеру.

— А вот это уже моё дело! — фыркнула я, собираясь вернуться к Кате. — Также мне, терминатор всея Руси...

— Также мне, бестия крашенная...

— Между прочим, это натуральный цвет! — рявкнула я. Да, и я им очень горжусь: натуральный огненный цвет волос. И я готова защищать его натуральность голыми руками.

— Ещё скажи, что и грудь натуральная, эти сказки будешь рассказывать своему бой-френду, — из меня аж воздух вышибло. Не удержавшись, я взглянула на свою грудь: ну обычная, третьего размера, нормальная. Почему сразу не настоящая?

— Хах, вот ему как раз рассказывать и не надо. Сам знает, что настоящая, — я почувствовала, что мои глаза непроизвольно сузились. Ой, я сейчас, кажется, буду злиться и делать плохие вещи...

— Наверное, его только эта настоящая грудь и держит, у тебя язык — помело, — не останавливаясь Романыч. Меня снова передёрнуло. Нет. Не от его обидных слов, а от того, что кулаки зачесались сильно-сильно. В школе я была первой в драках и таскала за космы не только девчонок, но и мальчишек. А вот этого бугая я навряд ли свалю...

— Романыч, слышь, ты это, палку-то не перегибай, — вмешался Миша, который теперь стал моим защитником. О-па, как мы всё переиграли! Но удивление не выбило из меня дурные мысли по поводу того, чтобы хорошенько расцарапать глаза Романычу.

— Да она первая... — начал было парень, на данный момент являвшийся для меня кошкоубийцей, педофилом и Джеком-Потрошителем в одном флаконе. В общем, враг номер

один. Но в наш спор вмешалась вовремя подоспевшая Катя. Она схватила меня за руку и мило улыбнулась парням, из которых тут же выбило всё, кроме одного единственного инстинкта — быть безмозглыми осликами с атрофированными мозгами. Они, раскрыв рот, уставились на мою подругу, а я лишь хмыкнула. Всё-таки у девушек больше власти над мужиками.

— Машенька, немедленно успокойся, — прошептала мне девушка. Я, правда, успокоилась, но решила отомстить этим козлам. Взяв Катю за правую руку, я продемонстрировала парням, что на ней присутствует обручальное кольцо. Сказать, что они разочаровались, это ничего не сказать. Миша завыл волком, Романыч, кажется, впал в депрессию, лишь только мне было весело. Так-то! Можно подумать, такие девушки долго одиноки бывают? — Отвезёшь меня домой, Сеня уже, наверное, волнуется, — я лишь только хмыкнула над её "наверное", он там, наверное, уже все морги и больницы обзвонил.

— Конечно, отвезу, пошли уже отсюда, а то эти амёбы скоро в себя придут после величайшего разочарования в своей жизни, — а Катя не поняла смысла моих слов. Ну вот не понимала она, насколько у неё сногсшибательная энергетика. Она убивала собой всех мужиков в радиусе двадцати метров, и что самое странное совершенно об этом не догадывалась, ведь для неё существовал только Арсений.

В общем, Катю я домой довезла в целостности и сохранности. Даже до квартиры проводила и передала из рук в руки. Сеня тут же в неё вцепился, словно в туфли от "Prada" за полцены. Но эти странные люди были по-настоящему влюблены друг в друга и чего говорить, кто-то очень противный и мелкий, слабенький, внутри меня позавидовал.

Я, конечно, всю сознательную жизнь была самостоятельной и так сразу не скажешь, что мне двадцать лет. Никто не давал мне истинный возраст. Но не из-за того, что у меня был горб или морщины глубиной с ров у замка спящей красавицы, а по глазам...

Но я тут же пришла в себя, быстренько нацепила ухмылочку и пошла обратно в машину, в свою ненаглядную Лану, это я так ласково называла свою ненаглядную машину. В общем, села и поехала домой. И пофиг, что ещё рано и все празднуют День Города. Я жутко хотела спать.

Прошлый вечер удался, ничего не сажаешь. Проснулась я с какой-то глупой улыбкой, вспоминая двух косолапых. Странные парни, ничего не скажешь. Особенно меня позабавил Миша, уж больно хорошенький и невинный. А вот его друг эмоции вызывал куда более отрицательные. В общем, поразмышляв о вчерашнем, я всё-таки поднялась и стала собираться в бассейн. После него, мы с Катюшкой планировали прогуляться по торговому центру, может в киношку сходить. Девушка ловко отмазалась от мужа, чтобы не ехать в деревню и не рубить деду дрова на зиму. Катя ведь принцесса и такая работа не для неё. А вот из меня отличный дровосек бы вышел, ничего не скажешь. Ага, железный, без сердца...

Ну так вот, пока я собиралась, раздался звонок в дверь.

Скажу сразу, знала бы кто пришёл — не открыла. Но так как я торопилась, то открыла дверь практически в чём мать родила — а зря. Прямо передо мной, только руку протяни, стоял парень, который был моей первой и единственной любовью, который был у меня первым, с которым у меня были единственные в жизни серьёзные отношения. Звали его Стас Матросов.

— Стас? — удивилась я, в голове тут же промелькнула куча воспоминаний. Вот он мой репетитор по математике, вот мы начинаем встречаться, первый поцелуй, секс, а потом он меня бросает. Но я, знаете ли, не из тех девиц, который режут по ночам в подушку из-за

таких. Я попусту стала сильнее и пошла дальше, лишь изредка каря себя за то, что поддавалась минутной слабости и поверила представителю мужского пола. Правда, внутри всё равно оставался какой-то осадок, всё-таки Стас был долгое время неотъемлемой частью моей жизни, которую я, кажется, любила. Помотросил и бросил...

Наш роман начался, когда я только перешла в десятый класс. Шестнадцать лет, знаете ли, хочется с кем-то встречаться, хочется иметь такого человека, из-за которого будешь ночами реветь в подушку. Ну, со Стасиком мы всю жизнь проучились в одной школе. Он учился в старшем классе и имел прекрасную соображалку по математике, которая у меня напрочь отсутствовала. Вскоре выяснилось, что наши мамы неплохо знакомы, и мы стали заниматься вместе. Тогда-то я и поняла, что нашла того единственного, который будет со мной мучиться. Я преступила к активным действиям и вот уже через пару месяцев мы стали парой. Отношения наши продлились чуть больше года. Не было тяжелого разрыва, всё стало скучным и в итоге мы поняли, что можем остаться друзьями. Но вот только одно дело, когда я заявляю, что мы остаемся друзьями, а другое, когда он говорит, что тоже думал мне так сказать...Ох, ладно, признаюсь, ни о чём таком я не думала. Это он меня кинул, гад.

В итоге, после того как Стасик поступил в универ на какой-то жуткий факультет компьютерных технологий, мы практически перестали общаться. Ну а спокойненько себе училась в универе на другом конце города и жила припеваючи, подрабатывала в клубе зажигалкой. До этого дня.

Залюбовавшись за три года похорошевшим Стасом, я как-то сразу не заметила у него за спиной довольно-таки милую блондиночку. Моя пятая точка сразу же почувяла неладное. И правильно, кстати, почувяла, нюх у неё отменный. Был бы у меня хвост — непременно бы шерсть на нём стала дыбом.

— Привет, Маша, как ты поживаешь? — улыбнулся Стас. Я ещё раз осмотрела его: шапка тёмных волос, прям такой же лохматый как мой брат Андрей, смеющиеся карие глаза, худая фигура, высокий рост, миленькая рубашка, потёртые джинсы...А он изменился и ещё как! Теперь даже можно было назвать его мужчиной!

— Гм. Я отлично, да ты проходи... — я снова покосилась на его смущённую спутницу. Тю, блондинка. Не люблю я блондинок, аллергия у меня на них. Вся такая маленькая, аккуратненькая, бледная, словно фарфоровая куколка, глаза чуть сонные, макияжа минимум, одежда большего размера, чем нужно, и милая такая вязанная береточка...Ага, а на улице, наверное, градусов тридцать жары.

Парочка завалилась в моё скромное обиталище. Однокомнатная квартира на окраине города и здоровый рыжий кот, по кличке Кот, в честь животного из фильма "Завтрак у Тиффани" — вот что нужно для счастья современной девушке. Я усадила гостей на диван, минут десять назад ещё бывшей кроватью. Девушка тут же прижалась к моему бывшему возлюбленному и во мне полыхнула ревность. Ну ни фига себе, а ведь три года прошло! Я постаралась заткнуть свои чувства за пояс и выяснить, зачем всё-таки эти двое припёрлись.

— Ну-с, с чем пожаловали? — мило так улыбнулась я, накидывая халатик поверх футболки и шортов, в которых я спала. От меня не утаилось, что Стасик внимательно так разглядывал меня. Ну да, изменилась я, даже грудь появилась.

— Маша, знакомься, это — Акулина, — я чуть в голос не заржала, услышав имя девушки. Да нет, на Акулу она не тянет, максимум на рыбу-клоуна. — Моя невеста, — вот тут-то я и подавилась собственным ядом. Сколько Стасику лет? Двадцать два? И он собрался жениться? Мне всегда почему-то казалось, что такие как он вряд ли позволят окольцевать

себя раньше, чем в тридцать лет. Я ещё раз взглянула на его невесту. Хах, в тихом водоёме акулы водятся...

А мне вдруг что-то стало так неприятно. Всё внутри завопило "Эй, камбала, отвали от МОЕГО Стасика!". И вправду...старые чувства неожиданно явились на порог и даже не постучавшись охватили меня с ног до головы. Стасик мой! Я у него была самая первая! И чего эта швабра его окольцевать вздумала? Ага щас! Но я постаралась взять себя в руки. Что за бред я несу? У нас с ним всё давно уже в прошлом и то, что меня бесит его счастье нормально...Наверное.

— Очень приятно, меня зовут Маша, — спокойно улыбнулась я и пожала почти прозрачную руку девушки. Вот так вот, и никаких актёрских курсов не надо. Она даже и не догадывается о моих смертоносных мыслях. А Матросов ничего таким стал...привлекательным. И как я раньше его проглядела? Единственный мужчина в моей жизни, который более или менее смог меня удержать. Ни до, ни после него я таких ещё не встречала. Неожиданно меня накрыло какой-то тоской. А мне ведь с ним было хорошо...А теперь он женится. На Акуле. Меня снова замутило, и в голове появились нехорошие мысли помешать всему этому...

Но Господи, что за идиотские мысли? Они, наверняка, любят друг друга безумно. А я тут со своей старой любовью. И что за бредятина такая?

— В общем, Маш, я понимаю, что то, что я сейчас скажу, прозвучит очень и очень бредово, — а другого я сейчас и не ожидала, — Но мы с Акулиной путешествовали по Азии... — я пыталась усиленно слушать, но тем временем в моей голове прокручивались картинки из прошлого. Хорошие такие картинки. А он, гад, женится... — И, в общем, поэтому мы хотим, чтобы ты была свидетельницей на свадьбе, — и картинки такие, даже эро...Стоп! Чего они хотят? Я ещё раз прокрутила в голове, то, чего там буробил Стас и выявила ключевую фразу.

— Я? Свидетельница? — с дуба рухнули! Да я его три года, считай, не видела, а он тут заявляется весь таков ко мне на порог со своей рыбиной и давай уговаривать стать свидетельницей на свадьбе и ещё мило так смотрит своими щенячьими, ни капли не изменившимися, глазками.

— Согласно одному азиатскому приданию, если брак благословит первая любовь жениха и первая любовь невесты, то они непременно будут счастливы, — улыбнулась Акулина. Ха! Значит, не уверены вы в своём счастье? Тогда чего жениться-то? Можно подумать обоим уже по семьдесят лет и это их последний шанс не умереть в одиночестве?

Я нахмурилась. Что-то здесь не так. Да и что-то они не особо подходят друг другу. Обе как вяленые рыбы, а эта его девка...Словно из сонного царства. Я нахмурилась. Да они же помрут со скуки! Стасу нужна девушка, способная пробудить в нём мужское начало и ген "моя добыча — несу в пещеру!". Да, именно такая...да и вряд ли они любят друг друга, так, за ручки держатся и всякий бред мелят. Обкурились что ли? В общем, не подходят они друг другу и пытаются держаться друг за друга, потому что в глубине души думают, что больше никого не встретят. Ладно, по поводу странной Акулины я согласна, может, и никого, но Стасик-то чего в себе сомневается? Вон как похорошел, даже моя оскорблённая натура это признаёт. Ага, и что-то внутри меня локти кусает, жалеет...

В общем, к таким великолепным умозаключениям я пришла секунд за пять, и то, что это могло быть совсем не так и что эти двое действительно любят друг друга тогда в мою дурью башку не пришло. А зря, было бы проще.

— Кхм, а я согласна, — лучезарно улыбнулась я. А почему бы и нет? Как раз и посмотрю, подходят они друг другу или нет. Я душа добрая, помогу, чем смогу. Конечно, все мои мысли кричали о том, что я поступила глупо и вообще это идиотизм и я, в придачу ко всему, дура. Но куда деваться, сказала А, значит надо говорит Б.

— Вау! — удивился Стас, одаривая меня шокированным взглядом, — А ты изменилась, — сейчас он снова скользнул взглядом по моей фигуре, и я ещё больше убедилась, что не Акулина ему нужна...совсем не Акулина, а такая клевая рыжеволосая бестия...Стоп! Ну что за фигня в голову лезет? — Я думал, ты нас на порог непустишь, — я его не стала посвящать в то, что я их и правда хотела веником гнать, а лишь мило улыбалась. А что? Это будет интересно! Интересно проверить отношения своей первой любви...Всё-таки внутри меня что-то колыхнулось, когда Стасик сюда завалился со своей золотой рыбкой и я не намерена отдавать то, что принадлежит мне. Так что надо всё проверить.

— Ну да, есть во мне перемены, — стала я феминисткой и мужененавистницей, Матросов, а ещё верю в женское счастье без козла, то есть, мужа под боком. Но тебе об этом знать не стоит. Мне решительно захотелось выглядеть в глазах своего бывшего самой невероятной женщиной в мире. Всё-таки он, как ни крути бывший, и должен пожалеть о том, что не смог удержать такую, как я.

— Мы очень рады, что ты согласна, Маша, — улыбнулась Акулина. Интересно, она действительно такая милая или стоит только Стасу отлучиться и она покажет свою акулюю пасть? Вот только бы зубы не пообломала.

— Мне не трудно, — так, а теперь надо показать, что мне это действительно интересно. Хотя и вправду интересно, свидетельницей я ещё ни разу не была. Противная Катька отказалась брать меня на сия почётную должность, потому что я обязательно что-нибудь, да натворила бы. В принципе, это всё равно случилось и девочка, ставшая свидетельницей вместо меня, лишилась прекрасных туфель, на которых я преспокойно пообломала каблучки. Но это уже другая история. — Когда состоится это чудесное торжество?

— Перового сентября этого года, — в один голос сказала сладкая парочка. Я лишь откинулась в кресле и стала на них внимательно смотреть. Кхм...сегодня четвёртое августа, так это через четыре недели...

— Скоро, давно решили пожениться?

— Я понял, что женюсь на этой девушке, как только встретил её...в библиотеке, — мне пришлось скрыть свой дикий смех за кашлем. Вот это экшен-поворот! Он встретил её в библиотеке! Интересно, а спят они уже на разных кроватях? А может вообще в разных комнатах?

— А давно вы познакомились? — не останавливалась я.

— Перового сентября того года, — снова в один голос произнесли они. Чего, репетировали что ли? Что ж, похвально, только вот я оценила и хлопать в ладоши не буду.

— Очень и очень мило, я так счастлива, что Стас встретил такую девушку как ты, Акулина, — я само очарование, ей Богу, а то, что при этих словах у меня внутри всё как-то неприятно скукоживается, это ничего, это я потерплю. — Вы прекрасная пара и я буду безумно рада погулять на вашей свадьбе... — всё бормотала я, а их глаза с каждым моим словом светились ещё больше. Неужели, правда, любят друг друга, олухи? Эх...что ни говори, а внутри меня зародилась какая-то зависть. Я не любила, наверное, никогда. Если только Стаса...Я снова взглянула на парочку. Но он для меня уже потерян, он уже в прошлом. Если только...

— Кстати, со свидетелем мы уже договорились, — как-то безрадостно заявил Матросов, а я тут же наострила уши. Так, кажется, первая парень Акулины не оказался таким паинькой, как я. Интересно-интересно.

— Стасик, снова ты за своё... Он согласился и это главное.

— Да, только я сомневаюсь, что он принесёт нашему празднику радости и счастья... Такая ро... — он оборвал себя. Ну а что, рожа вполне нормально слово, часто употребляемое в разговоре, — лицо. Такой хмурый и неприступный. Да кем он себя возомнил? Как ты вообще могла с ним встречаться?

— Родной, мне было шестнадцать, а он был старше и казался мне пределом мечтаний. Но знаешь, со временем начинаешь понимать, что действительно нужно ценить в людях, — она нежно погладила его по плечу. А я принялась активно изучать цветочки у себя на потолке, которые я видела уже в миллион первый раз. Вот интересно, что там за бывший-зверюга такой у Акулины? Вся эта ситуация стала интересовать меня ещё больше и мне уже не терпелось приступить к своим обязанностям. Абсурдно всё это конечно, но как весело, а?

— Ну и как подготовка к свадьбе? Список гостей написали? Ресторан заказали? Заявление подали? — посыпала я вопросами, изображать интерес не пришлось. Ответы меня вполне устроили, что и говорить, к этому событию они подошли основательно, и это было не спонтанно. Ну, ещё бы, познакомились-то ведь в библиотеке, а не на каруселях!

В итоге, сладкая парочка удалилась только через два часа, поэтому я безнадежно пропустила бассейн. Зато получила приглашение сегодня на сбор друзей. Голубки собирались пойти в бильярд со своей свитой. Что говорить, в бильярде я была бомба, так что согласилась.

Вот только почему-то на душе скреблись кошки. Я попыталась выдать весь позитив из этого события, но один существенный недостаток отсюда никак не убрать — моя первая любовь жениться и это неприятно. Учитывая, что я своё "счастье" так и не нашла. И Акулина мне эта не нравится... такое ощущение, что она лживая насквозь стерва. Что ж, поживём — увидим, а пока Катьке надо звонить, говорить, что я всё-таки приду на встречу...

2 И ВСТРЕТИЛИСЬ ДВА ОДИНОЧЕСТВА или ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ

— Ну ни фиги себе, — когда наступило крещендо моего рассказа Катька застыла с открытым ртом, из которого тут же вывалилось всё мороженое. Я тоже немного прифигела, учитывая, что так моя подруга обычно не выражается. Верхом её восклицаний было что-то вроде: "Невероятно!", а иногда, как и у одного персонажа из мультсериала смешарики, "Феноменально!".

— Маша тоже в шоке, — усмехнулась я, активно превращая мороженное в кашицу. Ну вот такая тупая у меня привычка — люблю когда мороженое больше похоже на суп-пюре или на отходы жизнедеятельности человека при диарее, как сказала бы Катя.

— А Маша согласилась? — тупо переспросила Катька, а потом, поняв, что вопрос звучит так сказать нелепо, перефразировала, — Маш, ты согласилась?

— Конечно, я же вся такая-растакая! — ухмыльнулась я, да видимо немножко злобно, потому как проходящий мимо официант оступился, глаза у него выпучились и он рухнул на пол, эту и без того шикарную композицию украсило ещё и мороженое, спокойно распластавшееся на голове бедняги. Катька тут же кинулась помогать, а официант прошептал что-то вроде "Я умер и попал в рай", а скосив глаза в мою сторону плюнул "Чур меня! Ведьма!". Ну а я лишь подтверждала свой статус и дико смеясь, сгибалась пополам.

Балаган прекратился так же быстро, как и начался и вскоре добродушная Катя снова сидела со мной за одним столиком. Девушки, сидевшие в кафе со своими парнями, поспешно покидали свои места, уводя с собой своих питомцев, те уже свешивали язык на Катю. А та как всегда решительно ничего не замечала.

— Я, кстати, о таком обычае не слышала, — нахмурилась девушка, поедая мороженое.

— Да что с них взять? В Азию видите ли они ездили! Тю, сектанты обыкновенные, — рассмеялась я, хотя на душе всё-таки было тошно.

— А ведь эта свадьба зацепила тебя, — тут же прознала подруга и как-то хитренько посмотрела на меня. Дело в том, что Екатерина поставила перед собой беспощадно глупую цель заставить меня признать, что я не бесчувственная феминистка, а настоящая женщина, и как настоящая женщина я должна быть не равнодушна к мужскому полу. Ну а я рьяно отбивалась от этой сумасшедшей и заявляла, что любить мужиков это всё равно, что любить тараканов — абсурд. Просто я не верила в то, что кто-то может полюбить меня больше, чем я сама.

— Ну да, есть такое дело, — неохотно признала я, рассматривая руки. Ох, прям такое чувство, будто бы я сижу перед директором школы, который размахивает передо мной тёмной прядью волос и спрашивает, как теперь её обратно Люське из 5Б класса вернуть, ну а я с невинным личиком отвечала, чтобы пришить попробовали, лучше машинкой, так надёжнее.

— Мааааш, — протянула Катька, словно прочтя мои мысли. Я аж поморщилась. Ох, совесть ходячая, ничего не могу от неё утаить.

— Да не подходят они друг другу совсем! Ты бы их видела, две амёбы, блин, и правда сектанты. А эта Акулина... Ой, ну что за имя? Хотя, правда, как улыбнётся, так голова сама отваливается, так страшно. В общем, я думаю, что они не подходят друг другу и надо... — я

как-то заглохла, когда увидела двоих парней, входящих в кафе. Вы спросите почему? Ну, парни как парни, шикарные, ничего не скажешь, но уж больно знакомые. Катька проследила за моим взглядом и обернулась. Когда она весело замахала им ручкой, я уже думала о том, куда бы это ручку засунуть, чтобы неповадно было. Спорить сейчас с двумя бугаями как-то совсем не хотелось. Но позняк метаться, эти двое, почувствовав на себе очарование Екатерины, чуть ли не бежали к нам как крысы на звуки флейты.

— Добрый день, — промурлыкал Михаил, его губы тут же сложились трубочкой и он потянул свою косую лапу к Катьке, но я вынырнула из-за меню и рывкнула как цепной пёс:

— Руку убрал! Собственность Арсения Блинова! Клеймо показать? — я тут же схватила Катю за руку и напомнила парням об обручальном кольце. Чувствительный и любвеобильный Михаил расстроился и с горя даже забыл убраться подальше от нашего столика, а опечаленный опустился рядом с Катей.

Я перевела взгляд с этого умалишенного Тэдика на Романыча. Тот как раз на Катю внимания обратил мало, зато уставился на меня во все глаза. Не узнал, наверное. Просто в повседневности я предпочитала уютный и простой стиль. И чего он уставился? Нормально я одета, футболка, джинсы, кеды. Конечно, при встрече Катя тут же меня осадила:

— Опять эта одежда? — нет, Катя подруга классная, вот только по поводу моих шмоток у неё бзик. Я ещё раз посмотрелась в витрину, нормальный наряд: джинсы, кеды, футболка. Это по клубам я хожу в, как любит говорить Блинова, "нормальной женственной одежде", а так, целыми днями бегать на каблуках с парадным макияжем это не для меня. А вот конский хвост, ноль макияжа и удобные шмотки — самое то.

— Ну да, а что такого-то? Да удобно это...

— Как была пацанкой, так и осталась, — вздохнула Катя.

— Не понимаю ваших претензий, но так и быть переобуюсь, — я выудила простые белые балетки и нацепила их на ноги, их я прихватила для встречи в бильярде, о которой подруге ещё предстояло рассказать. Пусть и немного, но Катька оттаяла.

— Куда не шло...ещё бы майку понаряднее надела, — она с сомнением уставилась на изображение знаменитого мышонка Джерри на моей футболке.

— Так, Джерри не трогать! — встала я на защиту любимого персонажа мультфильмов, — Он мой кумир!

— Оно и видно, дорогая, понятно, откуда в тебе столько несдержанности, в этих же мультиках сплошное насилие! — мда уж, может она и права. Блинова-то наверное всю жизнь смотрела сопливые мультики про принцесс, а я обожала про всякие войнушки и драки. Отличия между тем, в кого мы выросли очевидны.

Я выпрыгнула из своих мыслей, Романыч всё ещё сверлил меня взглядом и я вынуждена была ему вежливо объяснить, что он меня смущает:

— Тебя контузило, приятель? Что уставился как блондинка на йоркширского терьера? — рывкнула я. Катька одарила меня недовольным взглядом, а я лишь хмыкнула. Романыча мои приветствия ни капли не смущили и он опустился рядом со мной. Я тут же вжалась в стену. Всё-таки большой он какой!

— И вам здравствуйте, — кивнул парень, ну а потом эти трое стали вести разговор. Я лишь кое-где вставляла едкие фразочки, но вскоре это мне надоело. Зато Катя наслаждалась общением с противоположным полом, она умудрялась быть жутко милой ни капли не флиртуя. В общем, когда, наконец, решили разойтись, парни были очарованы и околдованы.

— Ну, наконец-то, избавились, — рыкнула я, глядя в спину удаляющимся парням. Нам

уже было пара уходить, потому как мне ещё надо было отвести Катю домой. Таким как она путешествовать в общественном транспорте было просто противопоказано.

— А по-моему они очень милые, — девушка ещё раз помахала этим имбицилам ручкой, а те разулыбалась. Я быстро сцапала эту самую ручку и потащила подругу к выходу. Прямо как знаменитые пингвины: Улыбаемся и машем! Улыбаемся и машем!

На улице нас ждал "сюрприз". А в кавычках, потому что неприятный. Мой великолепный Мицубиши Ландсер последней модели не менее великолепного красного цвета забаррикадировал собой какой-то страшилище-джип. Я нахмурилась. Потом разозлилась. Потом постаралась найти у себя в сумочке гвоздь и нацарапать на этом самом страшилище что-то неприличное, но Катя во время меня остановила. Нам пришлось обращаться к охранникам на входе торгового центра. Фиг бы они нам помогли, если бы опять же не природное обаяние моей подруги. Блинова лишь минуту разговаривала с секьюрити, а через две уже по всему торговому центру разливалось объявление администрации, в котором упоминалась машина и номер, а так же просьба убрать тачку. На мой вкус в этом заявлении не хватало парочки оскорблений, и оценки интеллектуальных способностей владельца, но я решила Катке об этом не говорить и на том спасибо.

Этого самого нерадивого владельца мы ждали минут пять. И когда он появился, причина задержки стала ясна. Владельцем оказался Романыч, который, судя по виду, всё ещё отходил от того факта, что любовь всей его жизни, коей наверняка стала Екатерина, замужем. То-то он за столиком вёл себя как на голову пришибленный. Странно на меня поглядывал, но с Катей общался мило.

— Явился, не запылится, — прошипела я, но больше добавлять ничего не стала. Пускай сначала тачку свою отгонит, а там я уже скажу ему пару ласковых.

— И почему я не удивлён? — пробормотал он и полез в карман за ключами. Правда, через минуту стало ясно, что их там нет, потому как хозяин джипа очень недвусмысленно выругался, а я вслед за ним...

— Разиня. Как, интересно, я теперь Катю домой отвезу? У неё муж — зверь, — шипела я, расхаживая из стороны в сторону.

— Машенька, успокойся, ну Рома просто потерял ключи...

— Ага, как он голову не потерял?

— Сейчас ты язык потеряешь, стерва...

— А ты не оскорбляй меня, в бубен давно не получал?

— И кто же мне в бубен планирует дать, ты что ли? — искреннее рассмеялся он, правда смех получился какой-то жуткий. Мда, весёлым Романыча явно не назовёшь. Интересно, у него имя-то есть или его всю жизнь по отчеству называют?

— А ты сомневаешься в моих способностях? — нет, вы не думайте, я так нарывалась не потому что была уверена в том, что он женщину бить не станет. Просто мозгов у меня нет и вспыльчивая я сильно, сильно-сильно.

В ответ на мою реплику бугай сделал пару шагов назад, задумчиво потёр свой скульптурный подбородок, окинул мою фигуру долгим взглядом. Что говорить, с женственными и хрупкими линиями Кати мне не сравниться. Девушка я высокая, сто семьдесят шесть сантиметров чистой красоты, фигура у меня есть, только ко всему прочему я довольно-таки мускулистая, ну, не бодибилдер конечно, но если ручку-то согнуть, мышцы проявятся. А всё потому что люблю активный образ жизни: танцы, плавание, походы.

— Интересно, ты про какие сейчас возможности? — как-то неожиданно томно

проговорил он. Меня аж перевернуло. Это он что, сейчас меня как женщину воспринял? Я с ужасом покосилась на Катю, та лишь загадочно улыбнувшись, принялась звонить в такси.

— Гм...физические, — брякнула я. В тёмных глазах Романыча мелькнули искры.

— Думаю, ты выносливая, — снова протянул он, — Может, проверим? — это он сейчас про рукопашную схватку или...про что-то другое? Вот извращенец грязный!

— Боюсь, тут не меня проверять нужно, а с тобой и так всё ясно — не протянешь, — как мне показалось, ответила я нормально. Про что бы он там не говорил, этот ответ подходит, если он имеет в виду рукопашный бой или же...что-то другое.

— Говорить мы можем что угодно, но проверить это можно только одним способом... — он подошёл ко мне совсем близко. Мне стало как-то некомфортно. А потом я усмехнулась.

— Хочешь проверить, да? — прошептала я его интонацией, и он изучающее взглянул на меня. А вдруг блефую? И правильно подумал. И когда он наклонился ко мне, чтобы поцеловать, я взяла и врезала ему. Да не как-нибудь, а кулаком в самый глаз. Признаюсь, потом я поняла, что это было слишком даже для меня. Но в тот момент меня посетило такое чувство триумфа, что я даже издала боевой клич и побила себя по груди.

А Романыч такого расклада явно не ожидал. Стоит отдать ему должное — он вынес удар как настоящий мужчина, правда за глаз всё-таки схватился. Моей руке тоже досталось и что-то мне подсказывает, завтра она будет выглядеть так, словно прошлым вечером я засунула её в пчелиный улей, предварительно намазав мёдом.

— Маша! — ахнула Катя. Да-да, Блинова, я уже поняла, что перегнула палку, но не с твоих слов, а по разъярённому, словно ревел свежеекастрированный бык, воплю Романыча. У него выбор был сложнее: бить меня или не бить, вот в чём вопрос?

— Ты настоящая... — после всего перечисленного безнадежно раненным, я поняла, что он в чём-то даже прав. Ну что вот на меня нашло? Зачем я ему врезала? Что он мне сделал? Ну подумаешь, загородил мою тачку своей, ну подумаешь, бесит он меня. Что вообще со мной такое? Наверное, это ПМС.

— Ой, — только и пискнула я, когда Романыч настиг меня и, схватив в охапку и потащил в какой-то переулочек между ТЦ и офисным зданием. Катя даже пискнуть не успела, а мы уже испарились. Ничего не скажешь, силы парню не занимать: я извивалась как змея, но он всё равно удержал меня, а потом хорошенько прижал к стене. Я заглянула в глаза Романыча, они у него, кстати, каре-зелёные. Ага, и злые-злые.

— Пусти, — мне стало по-настоящему страшно. Вот из-за своего характера я вечно впутываюсь в не Бог весть что. И вот сейчас надо мной навис мужик, который сильнее меня не меньше чем в три раза, которому я минуту назад дала в глаз. И я планирую легко отделаться? Что-то я сомневаюсь. Скорее всего, мой окровавленный и растерзанный труп найдут уборщики в мусорном баке. Ох, Катя бы ещё не глупила и домой скорее улепётывала.

— Нет уж, сейчас я тебя наказывать буду, прощмандовка, — проворчал он, прижав меня к стенке ещё плотнее. Какая бы ситуация страшная не была, но я всё равно ощутила себя странновато от прижатого ко мне мужского тела в переулке. Гм, наверное, красивого такого мужского тела. У меня в кровь тут же выбросил адреналин...

А этот гад меня убивать не планировал. Он меня поцеловал. Сначала я сжала губы как только могла, но он был настойчивым, а губы такими горячими...В общем, я сдалась и позволила себя поцеловать считай совсем незнакомому человеку. Да ещё как поцеловать!

Похоже, мы сами от себя не ожидали подобной реакции, но мои пальцы тут же оказались в пушистом тёмном ёжике его волос, мягких, кстати. А его руки крепко сдавили мою талию. Ох ни фигя себе, ощущения почти как от американских горок! И когда я, к слову, каталась на этих самых горках? Ну, в смысле, когда я последний раз целовалась и...

Мысли куда-то постепенно ушли и я стала наслаждаться процессом. Ну и фиг с ним, что козёл. Зато целуется хорошо, и в объятьях его я такая хрупкая-хрупкая. И что говорить, это лёгкое наказание за то, что я его чуть без глаза не оставила...

Но через пару минут наше прекрасное занятие нагло прервал телефонный звонок. Я почти застонала, но удержалась. Ещё чего, вдруг подумает, что мне понравилось? Совсем нет, это я так... претворялась.

— Б... — выругался Романыч где-то возле моего рта, а потом выпрямился, его левая рука по-прежнему крепко держала меня за талию, пальцы слегка поглаживали, а правой он достал мобильный и ответил. Ну а я разгорячённая, раскрасневшаяся и растрёпанная стояла в переулке прижатая незнакомым мне парнем и старалась не улыбаться. Давно у меня таких приключений не было! Поцеловаться с незнакомцем... А что, есть в этом своя прелесть. Особенно когда этот мужлан такой красавчик, чего уж таить.

— Да? — рявкнул бугай. Я как-то поёжилась. Блин, отпустил бы меня что ли, наказал он меня достаточно... Ой, хотя я бы ещё разок не отказалась... Так, соберись тряпка! У тебя должна быть гордость!

— У тебя? Отогнал? Я сейчас, — судя по разговору, чёрный монстр уже отогнали. Я дёрнулась в сторону, но Романыч снова меня прижал и стал изучать внимательным взглядом.

— Надо же, — как-то неопределённо сказал он.

— Чего? — я уже начала злиться. Будет плохо, если он захочет продолжить знакомство. Нет уж, фигушки.

— А глаза-то у тебя, правда, синие, бестия, — его уголки губ чуть дрогнули в улыбке, у меня аж рот раскрылся. Ну ни фигя себе, да у него ямочки на щеках! У такого монстра такие милые ямочки!

— Наказал? Теперь отпускай... — он уже хотел было это сделать, но потом снова прижался ко мне и наклонился совсем близко, его губы были возле моих и он заговорил, его тепло дыхание коснулось моего лица, и я снова раскрыла рот как дура.

— Может, продолжим? — сказал он всего два слова, его пальцы дрозняще пробежались вниз от моей талии к бедру. Я поглубже вдохнула, стараясь не обращать внимания на такие прикосновения, и спокойно ответила:

— Нет, на беспорядочные половые связи я сегодня не настроена, — хмыкнула я и хорошенько пихнула его в плечо. Он как-то странно вздохнул, я уже собиралась удрать, но он снова схватил меня за руку, притянул к себе.

— Тогда попросаемся? — и снова меня поцеловал. А я так и обмякла в его руках, я не дотрагивалась на него, но всё-таки поцеловала в ответ и слышала какой-то победный звук. Поцелуй явно уходил в затяжку, но останавливаться почему-то совсем не хотелось, губы его были умелыми и что говорить, впервые я немного растерялась в присутствии парня. Но я быстро очнулась, мысленно дала себе пинка под зад и отстранилась первая.

— Пока, Романыч, — хмыкнула я, когда мы вышли из переулка и парень пошёл к своему джипу, стоявшему уже на другом конце стоянки.

— До свидания, Маша, — хитро прищурился он, и мы скрылись в своих машинах. Минут пять я тупо сидела, ни о чём не думала и улыбалась. Катя сидела рядом и молчала. Её

такси уже подъехало, но она давала мне собраться с мыслями.

— Ну так что? — наконец, спросила она. — В том переулке он тебя явно не бил... — она многозначно повела бровями. Она, может, конечно, и принцесса, но два года замужества за пояс не заткнёшь.

— Да поцеловал он меня...

— Ого, а номерами телефонов обменялись?

— Нет конечно, — презрительно фыркнула я, — Ты же знаешь — я долго не встречаюсь с мужчинами...

— Ага, ты не встречаешься с мужчинами больше одного раза, дорогая, а встречаешься если только твоим гормонам совсем не вмоготу... — усмехнулась она.

— Ох, если хочешь, называй меня шлюхой, мне всё равно. Зато я чувствую себя свободной...

— Нет, милая, ты совсем не шлюха, это парни у тебя как девицы лёгкого поведения — на одну ночь, — может и так, но зато я такая свободная и могу себе позвонить приключения вроде этого. Не родился ещё человек, способный завоевать моё сердце. Ну а если найдётся, то я приму его только тогда, когда он у меня на сердце вырежет своё имя перочинным ножиком. Может, тогда я уже буду не в силах пороться. Хотя судя по тому, что я почувствовала, когда пришёл Стас со своей Акулиной, то возможно, вероятно, может быть, наверное, во мне что-то ёкнуло.

— Ладно, пока, милая, и постарайся не натворить глупостей на сегодняшней встрече, — улыбнулась мне Катя и вышла из машины.

Что ж, стоит отдать мне должное, несмотря на все приключения, я всё-таки не опоздала и в бильярде появилась вовремя. Первым делом я начала высматривать знакомую лохматую макушку Стасика и белобрысую мочалку Акулины. Но вместо этого нашла глазами внушительную тёмную голову. У меня даже рот раскрылся, и нехорошее слово вырвалось. Нашла я своими расчудесными глазками не кого-то, а того самого Романыча, с которым поругалась на Дне Города, то бишь вчера, и чего уж там, целовалась в подворотне, то бишь сегодня, буквально два часа назад. Стоял он ко мне спиной, но я почему-то сразу поняла, что это он. То ли по большому росту, то ли по тёмной макушке, то ли по широченным плечам, а может потому, как ёкнуло сердце... Вот он повернулся ко мне в профиль, и я окончательно убедилась, что это он. И чего теперь делать-то? Ну не подходить же здороваться, тем более виделись. Ага. Два часа назад. В подворотне. Тьфу ты, и чего я так к этому событию прилепилась-то?

Я быстренько хотела улизнуть, но неожиданно меня окликнули. Лицо у меня тут же стало такое, словно я лизнула лимон. Дерьмо!

— Маша? — выразительный бас так и заставил меня замереть на месте.

— Эм? — только и смогла провякать я. Романыч уже двигался в мою сторону, нагло ухмыляясь. Можно подумать нарочно меня здесь поджидал. А что, вариант. Он наверняка какой-нибудь маньяк, а я с ним так неблагоразумно по подворотням ошивалась. Ну чего уж таить, это того стоило. Правда моего мнения на сей счёт он никогда не узнает. Ещё чего, буду я ещё ему рассказывать, как он классно целуется...

— Неожиданная встреча, — ухмыльнулся он, — Следишь за мной?

— Угу, всю ночь под твоими окнами стояла, слюни пускала, — хмыкнула я и попыталась разглядеть из-за его широкого плеча ненаглядную парочку. Но её пока не наблюдалось.

— А я думаю, кто же так томно кряхтел, спать мне не давал, — всё это было сказано с сарказмом, только на суровом лице и нормальной ухмылки, не похожей на звериный оскал, не дождёшься. Я вдруг вспомнила, как в той самой подворотне Романыч чуть не улыбнулся, и я увидела у него на щеках ямочки. Мамма мия!

— Ну да, это я была. А теперь прости, идти надо, природа зовёт, — и я двинулась в сторону женского туалета, единственного неприкосновенного места для самцов гомо сапиенса. Что ж, парень явно не ожидал, что такого как он могут вот так просто кидануть и стремительно направился за мной.

— И что ты такая холодная? Мне казалось в том переулке у нас всё срослось... — я резко ударила по тормозам и ошарашено взглянула на парня. Да что он тут вообще буробит? Я его и пяти минут не знаю, а то, что мы целовались, так это...наказание было. Бред, в общем-то.

— Эм, давай кое-что проясним, — вздохнула я, — Что было — то прошло. Тут даже вспоминать нечего, так что оставь меня в покое, я друзей жду.

— Не думал, что ты такая, — как-то разочарованно заявил он. Я снова остановилась.

— Ты на что намекаешь? — зло прищурилась я.

— Видимо обжиматься с незнакомым парнем в переулке для тебя в порядке вещей...

— Тааак, — взревела я, а потом чуть понизила голос, увидев пару любопытно обернувшихся, — Стопэ, ковбой. Во-первых, ты сам меня туда притащил...

— ...потому что ты дала мне в глаз, болит кстати.

— ...жить будешь. Во-вторых, ты сам меня поцеловал...

— ...а ты мне неплохо ответила...

— ...чтобы ты скорее от меня отвалил. Не знаю, чего ты пристал ко мне, я продолжать знакомство не намерена, прости, Романыч, — я бесцеремонно пожала плечами и, перед тем как исчезнуть в уборной, поймала на себе тот самый мужской взгляд, означающий, что он не может поверить в то, что его отшили.

И рано я, кстати, обрадовалась, что заняла безопасную позицию в окопах женского туалета. Враг и не думал отступать, дыша как разъяренный (и как недавно было подмечено кастрированный) бык по время корриды, Романыч вошёл за мной в помещение дамской комнаты. Пара девиц с визгом покинули комнату, а у меня даже слов не нашлось, чтобы охарактеризовать всю негативность моего отношения к данному поступку. Я попусту охренела.

— Нет уж, красотка, мы закончим, когда я скажу. Я смотрю ты очень дикая и возомнила из себя царицу мира...

— Королеву, — бесцеремонно вставила я.

— Чего? — не понял Романыч, явно не ожидавший такой наглости. Будешь знать, я нахалка и ещё какая.

— Того, королева я, мира этого твоего, а ты продолжай, а то я давно не слышала в свой адрес ничего подобного...Холодная стерва, бла-бла-бла, думаешь только о себе, — я демонстративно зевнула, — Придумай что-то другое. Всё это я прекрасно знаю. И уж прости, если недавний поцелуй так много значил для тебя, крошка, я не хотела разбить твои чувства. Но то, что было, осталось в прошлом, так что утри слёзки и забудь меня, смело иди по жизни, — да уж, вот так всегда у меня с мужчинами. Мне попадались сплошные тряпки не способные взять в свои руки ничего. Короче приходилось быть мужиком в юбке.

— Ты идиотка, — хах, интересная реакция, обычно после этого мужики чувствуют себя

полными дибиллами, но этот ничего, крепенький, держится.

— Не оскорбляй меня, — прошипела я и хотела было дезертировать, но этот нахал схватил меня за руку.

— Отпустил. Кричать буду, — нет, это я вру. Кричать я не собираюсь, а собираюсь драться, но такие маньяки как он боятся всеобщего внимания, а не драчливых девиц. Я-то уж подумала, что он нормальный, а он...

— Да плевать, ори хоть на всю Иванскую, — прошипел он, тёмные глаза как-то опасно засверкали, и признаюсь, на секундочку мне даже страшно стало. — Да не трясись ты, я всего-навсего хочу из тебя всю эту дурь выбить...

— Хах, удачи, я с места не сдвинусь, — и я так демонстративно сложила ручки на груди. Но Романыч оказался находчивым, он взял и перебросил меня себе через плечо! Мир на секундочку смазался, а потом и вовсе перевернулась. От шока я только раскрыла рот, а сказать толком ничего не успела, пока он не вынес меня из туалета... А там уже понеслось...

— Да ты кретин педальный! Животное! Пусти меня, я тебя потомства лишу, упырь! — всё эти ласковые словечки я подкрепляла активными телодвижениями, признанными снова привести меня в вертикальное положение, но Романыч держал крепко. Никто даже не решался помочь даме в беде, а зрители мужского пола лишь одобрительно кивали, пока я не обратилась и к ним с речью:

— Вот накатаю на вас заяву и пойдёте как соучастники, — заверила я группу поддержки.

— Ты что, в лесу выросла? Откуда такая дикая? — ворчал где-то над моей пятой точкой Романыч. А я тем временем продолжала делать ему комплименты...

— ...неандерталец отсталый, кретин на ножках, дурака кусок, я тебе глаза на детородный орган надену и всё это пришью на лоб, — неожиданно Романыч остановился, но я всё продолжала. — Пусти меня, я тебе покажу харакири, будишь у меня кипятком писать, наглое чмо! — оскорблений у меня было припасено ещё много, но я оборвала себя, когда услышала знакомый голос:

— Рома? — удивленно проговорил этот женский голос.

— Акулина? — тут уже Романыч вступил. А меня передёрнуло, либо это совпадение либо... Ах вот чёрт, ни фига не совпадения, вот знакомое лицо Стасика пытается разглядеть обладательницу столь шикарного зада...

— Привет, Стас, — мило так улыбнулась я, будто бы не висела вверх головой на плече огромного пещерного человека и не выглядывала из-под его широкой руки.

— Маша? — аж побледнел Матросов. Блин, корваольчику ему бы кто накапал? Так, а теперь пора включить мыслительные процессы... Эти двое знают Романыча, Романа то есть. Значит он один из тех друзей? Вот блин-то! Я почувствовала, как моё лицо наливается краской, вот только не понятно от прилива крови к голове в связи с перевёрнутым положением или от чувства конфуза, которое посещало меня крайне редко.

— Вы знакомы? — голос Акулины стал ещё пискливее, чем сегодня утром. Мама дорогая!

— Пусти, — прошипела я, впиваясь в спину своего похитителя ногтями. И как сразу-то не догадалась? Ногти у меня пусть и не очень длинные, зато если надавить... В общем, он аж подскочил и чуть меня не выронил, но мне каким-то чудом удалось сползти назад и отбившись, оказаться в вертикальном положении.

— Ох, ничего себе, забавно, — глупо улыбнулась я, пытаюсь сориентироваться в

пространстве.

— Вроде того, — под внимательный и какой-то злостный взгляд Акулины, ответил Роман. Да, кстати, по поводу этого дибила... Я взяла и хорошенько так, со всей душой и всей ступнёй наступила ему на ногу, на самые пальцы... Он так и скукожился. Эх, говорила Катька обушь мне что-нибудь на каблуке.

— Вот это совпадение! — разулыбался Стасик, явно не вникая в реакцию своей невесты. А она была, на мой взгляд, очень даже очевидна. Цаца жутко ревновала, наверное, до хруста в плавниках. Вот акула противная, не себе не людям!

— Не то слово, — ещё больше разулыбалась я. Улыбайся — люди любят идиотов.

— Мир тесен, может быть даже лучше, что моя и твоя первая любовь встретились, — подмигнул Матросов своей невесте. Я тут же вскинула брови. Вот это поворот! Неужели Романыч первая любовь Акулины? Я внимательно посмотрела на него, он внимательно посмотрел на меня. Забавно так вышло. Что ж, на свадьбе драка точно будет, и скорее всего, подерутся свидетели. Как-то у нас сразу не заладилось. Хотя...

— Как интересно! — невинно захлопала я ресницами, — Ромочка, зефирчик, ты и не рассказывал о своих бывших, — затеяла я интересную игру. Говоря всё это, я смотрела на Акулину, та в свою очередь на Рому, а Рома чуть прибалдел от моей наглости. Ничего, милый, привыкай, нам с тобой ещё на свадьбе в конкурсах участвовать. Благодаря этим словам стало понятно одно — в отличии от глупенького Стасика, который меня в упор не видит, Акулина очень даже ревнует своего бывшего. Сильнее, чем полагается счастливой невесте. Я буквально услышала, как заработали колёски в моём мозгу. Нет уж, Стасика я один раз упустила, чего-то больше не хочется, больно он...надёжный. И как я могу допустить, чтобы он жестоко ошибся, женившись на той девушке, которая его не любит?

— Рома, а ты не рассказывал, что у тебя есть девушка... — нахмурилась Акулина. Тут я рассмеялась и игриво толкнула Романыча, к слову, стоящего с каменной рожой, в плечо. Всё-таки прав был Стасик по поводу его лица, ничего не скажешь. Ох, Ромочка, ничего, спасибо мне ещё скажешь, вон сам как на свою бывшую смотришь, того и гляди сейчас слопаешь...

— Да какая я ему девушка? — мне показалось, или на лице Акулины появилось облегчение? Ага, щас тебе будет контрольный в голову! — Мы считай уже одной ногой в могиле брака, — рассмеялась я. Романыч тут уже совсем не выдержал.

— Кстати, лапонька, по поводу могил и кладбищ... Давай поговорим, а? — он грубовато схватил меня за руку и чуть извиняющиеся улыбнулся Акулине. А я тут же прибалдела от его ямочек и растеклась лужицей по полу. Нет, ну ямочки это моя слабость...

Романыч, пыхтя как паровоз, отбуксировал меня на другой конец зала и... начал орать шепотом, да-да, именно так.

— Ты чего там устроила, курица сумасшедшая? — а глаза-то какие у него краснющие, прям как у наркомана. Может тоже сектант, как те двое? — Что ты за бред там несёшь? Неужели ты первая любовь этого хлюпика Стаса?

— Так-так, ковбой, — я ткнула указательным пальцем в грудь парня, — Во-первых, если мой Стасик не пережрал в детстве "Растишки", это не значит, что он хлюпик, а во-вторых, это твоя Акулина швабра. И да, я первая любовь того красавчика, — произнесла я и мило так улыбнулась Стасику, тот нам помахал. Эх, наивный, не знает чего удумала моя дурья башка.

— Нет, ты определенно сбежала из дурки...

— Нет, Конан-варвар, считай, я там родилась. А вообще перестань смотреть на меня как

на полоумную, ответь мне всего на один вопрос.

— Какой ещё? — чуть успокоился Роман и, сложив руки на груди, стал гневно смотреть в сторону молодожёнов. Хах, тут уже можно и не спрашивать, всё на лбу написано.

— Тебя тоже бесит этот будущий брак? — вопрос-таки заставил Романыча удостоить меня взглядом каре-зелёных глаз. Лицо у него тут же посуровело, хотя казалось, куда уж больше, и он сделал ко мне шаг, мне пришлось упереться спиной в стену, чтобы сохранить дистанцию. Ох, больно уж знакомая ситуация...

— А что, если я отвечу да? — на это я по-дьявольски улыбнулась, ему, наверное, даже страшно стало.

— А то, что я считаю, что Акулина ревнует. Она меня чуть взглядом не испепелила, — клятвенно заверила я, глаза Романа на это прищурились.

— Думаешь? — так, идём в верном направлении. Он снова посмотрел в сторону парочки. Теперь Акулина внимательно за нами наблюдала.

— А смотри, — просияла я в улыбке, — Туда только смотри, — и положила руку на плечо Романа и так кокетливо рассмеялась, а потом запустила пальцы в его волосы. Акулина подавилась своим заказанным напитком. А я увлеклась перебиранием прядей парня, какие мягкие волосы...

— Ты права, — гордо заявил он. — Но что из этого? — нет, ну что все такие тугодумы?

— А то, что Стасика на поле боя брака я терять не хочу, дороги мне воспоминания о наших с ним отношениях и я была бы непротив всё вернуть. Первая любовь не проходит бесследно, Ромочка, и у нас с тобой есть все шансы её вернуть. Ты же этого хочешь? — и коварно так заглянула ему в глаза. Где-то в глубине билась мысль, отчаянно верещавшая "Что ты делаешь, идиотка?", но я лишь отмахнулась от неё. Вот ещё! Мы же делаем это во благо человечества!

— Корыстная стерва ты, они же счастливы... — произнося это, он снова взглянул в сторону парочки и его лицо перекосило.

— Ну а как же наши чувства? Как же твои чувства? И не говори, что тебе не хочется удушить Стасика, я всё это прекрасно вижу... — ох, что я делаю-то? Разлучницей я никогда не была, но почему-то мне так отчаянно хотелось побороться за что-то. Стасик единственный мужчина, с которым у меня хоть что-то получилось. С другими, видимо, не выйдет, так что остаётся только вернуться к старому... А я была не против, тем более, когда это самое старое так привлекательно.

— Это полный абсурд, — вздохнул он, но согласно так вздохнул. Я даже в ладошки захлопала и запрыгала.

— Я знала, что ты согласишься.

— На что? — недоверчиво спросил он.

— Сделку с дьяволом! — зловеще произнесла я, — Мы с тобой свидетели, о тугодум моей души, мы будем ближе всего к ним...на всех вечеринках, встречах, мальчишнике и девичнике...А ещё моя мудрая головушка только что продемонстрировала Акулине, что между нами что-то есть. Ты же видел, она чуть на британский флаг от злости не порвалась? Шевели мозгами, Романыч...нам надо заставить их ревновать. Поверь мне, если мы так относимся к их браку, то и они не останутся равнодушными к нашему, так сказать, счастью... — отчеканила я. Пару минут Роман молчал. А я в нетерпении переминалась с ноги на ногу.

— В который раз убеждаюсь, что бабы — зло, — вздохнул он, а потом посмотрел мне в

глаза, — Но я согласен на этот абсурд, хотя бы потому, чтобы посмотреть что из этого выйдет...И они не подходят друг другу, — он говорил это, но мне показалось, что в его глазах мелькнуло ещё что-то, о чём я не должна была знать.

— Вот и отлично, — я похлопала парня по плечу, — Кстати, по поводу...

— Забей, ты не в моём вкусе, — так, это оскорбление? Я тут же вспетушилась.

— То есть? — прорычала я. Он самодовольно заявил:

— Знаешь ли, меня взбалмошные бестии-разлучницы, у которых мозги на бикрень, не интересуют, а вот Акулина, — он почти мечтательно уставился в сторону бывшей. Я заскрипела зубами. Оскорбил он меня конкретно.

— А меня уж точно не интересуют неандертальцы-переростки без царя в голове и с рожей Франкенштейна, — прошипела я. Мы ещё пару минут посверлили друг друга ненавистными взглядами, но куда деваться, на всё я готова ради счастья Стасика, счастья Стасика со мной.

— Партнёры? — прошептала я, протягивая руку Ромке.

— Партнёры, — кивнул он, — Только не отступать назад, ни при каких обстоятельствах, ясно, рыжая?

— Ясно, коричневый, — усмехнулась я, — А теперь давай лапу и пошли на дело. Сегодня я покажу тебе, как заставить ревновать, — усмехнулась я. Но вместо того, чтобы взять меня за руку, Роман по-хозяйски обхватил мою талию и, поплотнее прижав к себе, двинулся в сторону нашей ненаглядной парочки. А что, оперативно мы с ним всё решили, ничего не скажешь, десять минут назад были готовы убить друг друга, а тут уже объединили силы, чтобы предотвратить брак, который, по моему мнению, нарушит равновесие во вселенной.

— У вас всё хорошо? — тут же поинтересовалась белобрысая.

— Да, Уля, всё хорошо, — кивнул серьёзный Роман. Ага, это только на меня, значит, он орёт и злиться, а так — каменная глыба.

— Мы просто немного повздорили из-за того, в какой позе лучше заниматься сексом, — беспардонно заявила я. Стасик чем-то подавился, Акулина подавилась своим ядом или чего там у акул, Роман виду не показал, но его взгляд пообещал меня придушить, ну а я сделала вид, что так оно и должно быть.

— А давно вы знакомы? — принялась за расспросы Уля. Всё с тобой понятно. Я сама себя с утра так же вела, только вот с актёрской игрой у меня куда лучше и то, что я из тебя уху сварить готова, я как-то сумела скрыть.

— Нееет, — протянула я и взглянула на Романа. Мол, чего стоишь, как девушка с вислом, я одна что ли отдуваться буду?

— Было это недели две назад. Эта бестия загородила своей тачкой мою, и я не смог выехать, — я закатила глаза и тихонько ущипнула Романа за бок. Кто ещё тут парковаться не умеет? Сам своего чёрного монстра оставил посреди дороги, а моей Ларке вовсе деться было некуда. Да уж, и было это не две недели назад, а два часа.

— Ага, ну он в истерику впал, как же я выйду? Ну а я в магазинчик отошла, на три минутки. А номер телефона прилепила на лобовое стекло, ну мало ли кому помешаю? Так он мне позвонил и давай визжать в трубку, что я овца драная и так далее. Я не выдержала, вернулась, а Ромочка таким чуть ли не крокодилыми слезами обливается, мол, уехать не могу, супостатка ты... — я чуть приостановилась, поняв, что немного перегнула. Вряд ли можно поверить, что такой мужчина как Романыч может уливаться слезами. Скорее уж пить

кровь поверженных врагов. Конан-варвар воплотит.

— Ну, в итоге с горем пополам Мария машину отогнала, ну а я решил продолжить знакомство, — заключил Роман. А что, неплохо сочинили и даже на правду похоже вполне. Я быстро оценила реакцию слушателей, ага, прокатило, Стасик вон как уши наострил, а Уля слюнки глотает и глазки щурит. Нет, ну стерва обыкновенная, сразу видно.

— Как трогательно, — захлопала она глазками, — И у вас всё прямо так серьёзно, уже через две недели? — чёрт, зря я всё-таки лягнула про брак и могилу. Рановато. Но Роман ловко разрулил ситуацию, перед этим хорошенько вмяв меня в себя:

— Когда мужчина чего-то хочет, он этого добивается и ждать год совсем не обязательно, — таки как ловко он и свои достоинства подчеркнул и Стасика моего опозорил. А что говорить, молодец, надо к себе интерес подогревать, а к врагу остывать.

— Верно, милый, надо брать быка за рога, — хмыкнула я, — Но и покой и мир должен быть, всё должно быть последовательно, — улыбнулась я Стасику и тот согласно закивал.

— Может, уже в бильярд пойдём играть? Хватит в баре торчать, — заявил Рома. Ого, а он из непьющих? Уважаю, ничего не скажешь. Мы двинулись к заказанному столу и начали игру, не дожидаясь остальных. "Американку" я очень любила и быстро повела в счёте, по дороге не забывая изображать для Стасика особенно сексуальные позы, пока Роман заговаривал свою сушёную рыбу.

В итоге через час подтянулась остальная часть компании: одна девушка и два парня. Тася, так звали новоприбывшую девицу, как ни странно показалась мне вполне нормальным человеком. Простая девушка без излишеств макияжа и заморочек по поводу одежды. Её брат-близнец Денис не сильно-то на неё походил и был очень ярким парнем, одетым в кислотные цвета с ярко-красной шевелюрой. Эти двое были друзьями Акулины. А вот второй парень Коля был закадычным другом Стаса и тут же свесил на меня язык.

— Ой, девушка, вы такая красивая, — прогавкал он мне на ухо, когда я наклонилась для удара. Вот козёл, весь вид на меня Стасику загородил.

— Молодой человек, соблюдайте личное пространство, иначе мой жених вас покалечит, — всё это я сказала ангельским голоском. Романыч в подтверждении лишь хмуро кивнул и продолжил очаровывать Акулину. А выходило у него, наверное, неплохо, выглядел он хорошо, улыбался мило, говорил приятные вещи... Скучно, но мило очень. Молодец.

В общем, разошлись около полуночи. Мне пришлось активно притворяться, что та шикарная красная машина совсем не моя. Ох, Ларочка, прости за измену, но куда деваться, на что только не пойдёшь, чтобы Стасик катался в тебе.

— Давайте, пока-пока, — я расцеловала Акулину в щёки и сжала её плечи сильнее, чем нужно. Так, следующий Стас... В общем пока Романыч лобызал рыбёгу в щёки, я томно вздохнула и запечатлела поцелуи на уголках губ Стаса, — Спокойной ночи, — проворковала я, в этот момент Роман уже сцапал меня за руку как клещ и мы понеслись в сторону его чёрной зверюги под недоверчивый взгляд Ули и добрый взгляд улыбающегося Стасика. Ну а я бросила ещё один тоскливый взгляд на Ларку. Ох, прости меня, дорогая...

— Залезай, чего встала, — Роман даже удосужился открыть мне дверь своего монстра. А для меня было богохульством сесть в чужую машину. Конечно, большинство денег, потраченных на Ларку мне дали родители, но и моего честно заработанного капитала было не мало. Тем более родителям я постепенно возвращала сумму.

— Я тебе чего, лошадь такие барьеры брать? — это я сейчас про то, что джип был огромным, и залезть в него было нелегко. В общем, я просто решила покапризничать.

— Вообще пешком пойдёшь, — угрожающе прорычал Роман. Ну а я, закусив губу, убрала ногу с подножки, томно обхватила широченные плечи парня и прижалась к нему. Из него вышел весь воздух.

— Приятель, сейчас ты ко мне наклонишься близко-близко, словно мы целуемся, ракус подходящий, но только попробуй свой язык распустить, я с тебя кожу сдеру, — промурлыкала я, забрасывая свою ногу на бедро парня, он в долгу не остался и тут же обхватил эту самую ногу своей широкой ладонью. Мой организм чего-то там воскликнул про гормональные потребности, но я тут же заставила его заткнуться. Роман наклонился ко мне близко-близко, но целовать не стал. Ну да, признаюсь, я чуть-чуть разочаровалась, было бы неплохо так проводить время, пока мы разлучаем эту парочку. Я тут же одёрнула себя, так, стопэ, надо думать о деле. Да и идиот он, этот дибил.

— Как тебя хоть полностью зовут? — я чуть улыбнулась комичности ситуации. Стоим, прижавшись, а знать друг о друге ничего не знаем. Хотя у меня такое происходило постоянно.

— Роман Павлович Городовой, — представился он, — Двадцать семь лет от роду, — я быстренько пораскинула мозгами. Так, этой акулице вроде бы сейчас двадцать один...

— Японский городовой! Да вы педофил, мужчина! — это я сказала тихо, а потом, звонко рассмеявшись, наклонилось назад, увлекая Романыча за собой. Я чуть выглянула из-за его плеча и поняла, что наша сценка удостоилась внимания парочки.

— Шесть лет не такая уж большая разница, — хмыкнул он, — А тебе сколько лет?

— Двадцать, — немного неуверенно бросила я, а потом заглянула ему в глаза.

— Ты выглядишь старше, — задумчиво бросил он. Это был первый момент в нашем знакомстве, когда мы не хамили друг другу, мы оба были серьёзными и это меня испугало. Я тут же выпуталась из рук парня и насмешливо бросила, ловко запрыгивая в машину:

— Никогда не говори такое женщине, Японский Городовой, за это можно получить не только в глаз, но и по детородному органу, — я снова весело рассмеялась, а Роман, буркнув что-то про сумасшедших морковок, захлопнул дверь и направился к водительскому сидению. Наша парочка тоже пошла к машине, и я подумала, что нам не придётся разыгрывать, что мы с Городовым уезжаем вместе.

— Всё, я пошла, — бросила я, как только парень приземлил свою пятую точку.

— Куда интересно?

— В свою Ларочку, она и так вся в шоке от того, что я изменила ей с твоим монстром. Ну и ещё наша парочка как видишь, отчалила, — я указала на отъезжающую машину. — В общем, аривидерчи! — я уже хотела выпрыгнуть из машины, но Романыч осадил меня одним только взглядом. Не мужик — а зверь!

— Стой. Ну а как тебя зовут?

— Мария Александровна Табелева, двадцать лет.

— И что мы теперь будем делать дальше?

— Как что? Разлучать их, о тугодум моей души. Бывай, Романыч, вот мой номер, — я, не спрашивая, схватила телефон, лежавший на панели, и вбила свой номер, тут же залезла в камеру и, хитро улыбаясь, сделала фото, поставила на определитель. Потом полезла в диктофон и промурлыкала: "Звонит Машулька-лапулька, возьми трубку!". Наблюдая за мной, Роман тихо хренел, а я лишь забавлялась. Потом быстро набрала свой номер, телефон у меня в кармане завибрировал. Отлично, потом забью и его номер.

— Дитё, — только и бросил он мне вслед.

— И тебе спокойной ночи и сладких снов с акулами, — любезно бросила я и вприпрыжку направилась к Ларке. Странно, но настроение зашкаливало положительными эмоциями. Всё непременно будет хорошо и непременно весело.

3 КОВАРНАЯ СУДЬБА или ПЕРВЫЕ ШАГИ

После шальных выходных наступило относительное затишье, аж на целых двенадцать часов. И я была этому рада, конечно, учитывая, что до свадьбы осталось всего ничего, нужно было торопиться развести Акулу и Стасика как в море корабли. Но думать сейчас, лёжа в постели утром понедельника совершенно не хотелось. Как ни крути лето неумолимо подходит к концу, а я толком и отдохнуть не успела. Правда, в этом году я сделала себе поблажку и дневную работу икать не стала, лишь работала четыре раза в неделю зажигалкой в клубе. Но это считай не работа — а удовольствие, танцевать я любила и умела.

В общем, лежала я себе спокойно, лежала, пока не зазвонил телефон.

— Кому голова на плечи давит? — зевнула я в трубку.

— Ой, Маша, здравствуй, я тебе не разбудила? — ох! Чур меня! Я от звука этого голоса с постели кубарем скатилась, кажется, вывихнула ногу и получила психологическую травму на всю жизнь. Одним словом звонила Акулина!

— Нет, что ты, — я покосилась на часы, висящие над кроватью. Её счастье, что почти двенадцать. Поспать я ой как люблю, сильно-сильно и если кому-то не везло разбудить меня раньше одиннадцати, то на него обрушивался гнев Марии Табелевой, страшный, между прочим, гнев, такой же страшный, как эти жуткие пушистые... кролики! Может и смешно, да, но кроликов я боялась до ужаса. Вы их глазища видели, а? Особенно у альбиносов, красные, как у вампиров, того и гляди в глотку вгрызётся и пиши пропало!

В общем, в это утро у меня были одни моральные потрясения.

— Что ж, прекрасно, — небрежно бросила она, — Мне нужна твоя помощь, — ого, а вот это уже интересно, очень и очень интересно.

— Разумеется, в каком деле? — разулыбалась я.

— Дело в том, что фактически я с родителями Стаса не знакома, — я подавилась собственной радостью. Нет, как нам с Романычем прёт-то! В общем, вся суть в том, что семья у Стасика была... мягко говоря не простая. Уж не знаю, куда смотрел аист, когда закидывал такого доброго мальчика в огород к этой семейке. Во-первых, в семействе Матросовых приживались исключительно только женщины. Мужчины бежали как крысы с тонущего корабля. Папа Стаса ушёл из семьи, когда моему ненаглядному было два года от роду. От его тётки муж ушёл, когда та вообще была беременна. А у бабушки вообще пять мужей было, трое из них таинственно пропали (Честно? Меня всегда смущали три бугорка земли под вековым дубом на даче у бабушки Ларисы), сестра Стасика тоже была одинока. Тут, конечно, ничего смешного нет, но эти четыре... женщины те ещё штучки. И единственного мужика в семье кому попало не отдадут! Вот я об этом и позабочусь, чтобы он попал ко мне.

— Ой! Волнуешься, наверное, бедняжка? — сладко зашептала я, в голове тем временем складывалась мозаика. Так, кажется тётя Лера вообще на дух блондинок в розовом не переносит... Ах, ну да! Она же фанатка Киркорова! Вот это подарок судьбы!

— Очень, я вот думаю, что подарить Валерии Алексеевне... — задумалась девушка. Злобный гномик внутри меня весело потёр ладошки.

— Она просто обожает Максима Галкина и Аллу Пугачёву! — тут же выдал мой воспалённый мозг. Да она рвала и метала, когда узнала, что Пугачёва с Филечкой развелась,

и начала встречаться, цитата: "с каким-то жирафом очкастым, у которого пасть такая огромная, будто бы там граната разорвалась". Вот это мы им устроим гуляночку!

— Машенька, спасибо тебе огромное! А то мне Стаса как-то неудобно спрашивать... — сама невинность, Господи Боже!

— Конечно, всегда рада помочь, — разулыбалась я, думая, как бы ещё напакостить. Так, нужно обязательно сказать про розовый цвет.

— Кстати, любимый цвет Валерии Алексеевны — розовый, — эка я бессовестная, аж самой жутко! Но в любви все средства хороши!

— Какое совпадение! Я как раз собиралась надеть розовое платье, — я стиснула зубы, понимая, что Акулина счастливо улыбается. Ох, я бы ей зубы подлечила...угу, кирпичом.

— И не говори! Вы со Стасом прямо идеальная пара! — ахнула я, тем временем залезая в шкаф, чтобы подобрать, что надеть на это знакомство. А то, что я тоже там сегодня буду вообще неоспоримо. Так...кажется все женщины семейства равнодушны к синему. А вот и чудесное платье, Катька весной подарила, говорит, пригодится. Ох, расцеловала бы!

— Слушай, Маша, а может вы с...Ромой тоже придёте? Мне так легче будет, — ой, детка, ты не знаешь, что сейчас предлагаешь. Да это семейство во мне души не чаяло! Потом, слышала, Стасу весь мозг выносили по поводу того, что такую девицу упустил. Ну что ж, чтобы влюбить в себя маменькиного сынка, нужно сначала влюбить в себя его маму! Да я считай уже на полпути к счастью!

— А что, чудесная мысль! Я так давно родственников Стаса не видела! Вот и славно, — я пораскинула мозгами, вспоминая, — Кстати, ещё можно цветы принести, розы, красные, — разулыбалась я, вспоминая, что Дашка, сестра Стаса, увеличилась в размерах раза в три, не меньше, когда мы с моим ненаглядным ей на день рождения розы подарили. У бедняжки оказалась на них аллергия.

— Спасибо ещё раз. Ты ведь знаешь, где Матросовы живут? — глупый вопрос, вобла.

— Разумеется. Восколько нам с Ромочкой подъезжать? — мне кажется, или по другую сторону аппарата раздался скрежет металла? А может это так Акулина зубами скрепит, когда я упоминаю Романыча?

— К семи вечера, я после работы сразу к Стасу поеду, он дома будет, — посвятила меня Акулина.

— Ой, ты пораньше подъезжай, для Матросовых явиться вовремя, а не раньше — это дурной тон, — придумывала я на ходу. Да Матросовы сами постоянно и везде опаздывали! Вот смеху-то будет, когда Акулина явится в квартиру, а там тётя Лера в бигудях и зеленой маской на лице. Валерия Алексеевна дама гордая и такого унижения перед невесткой не стерпит! Но самое главное, Акулина ни за что о моих гадостях не прознает, ведь эти дамы ей ничего плохого не скажут и не будут возмущаться, чтобы Стасика ненароком не обидеть. После всех моих полезных советов, они просто потихоньку будут её вытравливать, да так, что Акулина решит, будто бы сама решила сбежать.

— Спасибо тебе огромное, Маш, — она замялась, но потом всё-таки добавила, — Ты меня извини, но я сразу о тебе не очень хорошего мнения была, но теперь понимаю, что ты очень хорошая и желаешь нам счастья. Я рада, что вы с Ромой встретились. Я думаю, вы подходите друг другу, — если честно, внутри меня некто по имени Совесть пару раз прокашлялся, дал пинка мозгу и сердцу, которым тут же стало стыдно за то, что я творю. Но я быстро взяла себя в руки. Так, да она лицемерит! По-любому! А вы слышали, сколько ехидства в её якобы милом голоске? Нет? Тогда идите к лору, у вас явно отит! Да её речь

протравлена ложью!

Ага, прямо как моя...

В общем, после разговора я была довольная-предовольная. Сходила на кухню, сварганила завтрак, покушала, а потом сытая и довольная, как мартовская кошка, решила посвятить в сия великолепный план своего помощника. Ну да, Романыч в этой операции явно на вторых ролях, куда ему до меня-то?

Ответил он на удивление быстро. Ну надо же, а производит впечатление человека, у которого каждая минута расписана!

— Я убью тебя, — послужило мне тихим ответом. Я даже как-то прифигела. А разве не мне должны звонить и говорить несколько иное, типа: Ты умрёшь через семь дней. А тут на тебе — звоню, а он мне я тебя убью. Может, ослышалась? Может, сказал я тебя люблю? Ну, если так, то сама тогда коньки откину.

— И тебе привет, — ну уж нет, моё настроение ничего не испортит. Я уже была в предвкушении удачной операции, вскоре после завершения которой Стас и Уля разойдутся по разные стороны.

— Я занят, — коротко и зло бросил Романыч и бросил трубку. Вы представляете? Бросил трубку! Что ж, и не таких ломали! Я принялась набирать его номер снова. Сбрасывает. Ну, ничего, мне делать нечего, я буду битый час тебе трезвонить, пока телефон у тебя там не взорвётся!

В общем, минут через пятнадцать этого раздражающего занятия, Романыч всё-таки соизволил поднять трубку. Противнее и злее голос был, наверное, только у обкуренного ёжика.

— Ты сдурела? Я на важном совещании был, а у меня телефон как заорёт "Это Машулечка-лапулечка звонит!". Да ты меня на смех подняла, идиотка! — рычал он, словно не жрал тридцать три дня. Я лишь зевала и почти не слушала и, когда наконец с другой стороны затихло это недовольное бормотание, я удосужилась брякнуть:

— Чего ты там говорил? — он молчал несколько минут. Наверное, лопнул как пузырь. Нет, так злиться нельзя. На курсы контроля за гневом походил бы что ли? Вон наши сектанты ему чего-нибудь бы полезного подсказали.

— Маша, — он произнёс это таким спокойным голосом, что я опешила. По идее он должен был сейчас конкретно сорваться. Я умею быть невыносимый. Да чего уж там, по большей части я невыносима. Но Романыч оказался крепким орешком, молодец, уважаю. — Что ты хотела?

— Можешь начать лобызать мои пятки, презренный раб, — продолжала забавляться я, — Твоя неотразимая госпожа сегодня провернула отличный ход. Сегодня отношения Акулины и Стаса дадут такую здоровую трещину, какая Большому Каньону и не снилась.

— Говори конкретней, я жутко занят...

— Короче сегодня на семь вечера ничегошеньки не планируй. Оказывается, Акулина ещё не знакома с семейкой моего неотразимого Стасика. Ты представляешь, какое это опрометчивое решение жениться, не знакомясь с родственниками? — в притворном ужасе проговорила я. Романыч пару секунд обмозговывал информацию, а потом его голос смягчился:

— Что, там настолько всё так плохо? — спросил он.

— Ну не то, чтобы плохо, просто я ей таких советов надавала, что её пинками из этого дома выгонят. Зато я буду в хорошем свете, а ты кинешься утешать несчастную Улю. В

общем, я гений, чтобы ты без меня делал, а?

— Работал, — устало бросил он, — Ладно, полседьмого за тобой заеду. Скинь адрес в смс.

— Оки. Всё, бывай, — пробормотала я и положила трубку, а потом скинула адрес. Так, сколько там времени? Первый час. Это значит, я ещё в бассейн успею. Мне повезло, спорткомплекс "Геракл" находился совсем недалеко от моего дома и там работал мой знакомый, так что я могла посещать бассейн когда мне удобно.

В общем, когда через три часа я была дома, то чувствовала себя заново рождённой. Вот и славно. Сегодня день будет долгим. Сейчас на встречу X собираться, а после неё в клуб нужно ехать, на работу. Моим местом работы был клуб под названием "Микс", который открылся в начале лета. Раскручивали это заведение как могли, и вскоре добились результатов. Так что работала я в уже престижном заведении. Работа — фигня. Заводить толпу, привлекать танцующих, чтобы потом они делились яркими впечатлениями со своими друзьями и те шли, чтобы это увидеть. Что говорить, а танцовщицей я была популярной. Поклонников хоть отбавляй, дегениратов тоже хватало, в июле у меня даже свой маньяк появился, но потом парнишку отметили охранники клуба и больше он не появлялся. Признаться? Страшно, было очень страшно. Ну а вообще не очень приятно, когда знаменитой Жар-птице (прозвище не айс, конечно, но хотя бы не курицей прозвали) пытаются выдрать из пятой точки все перья. Ну а прозвище я такое получила за огненный цвет волос, красный костюм с перьями и обжигающие танцы.

Так, а теперь надо собираться. Первым делом я закинула в объёмную сумку костюм, косметичку, чтобы сделать броский макияж. Ещё раз пересмотрела подарки для Матросовых. Новый концертный DVD Киркорова для Валерии Алексеевны, букет астр для Дашки, голубой шарфик для Жанны Алексеевны и свежий номер "Гламюра" для модницы бабушки Ларисы.

Потом принялась за себя. Вымыла и высушила волосы, уложила мягки волнами, достающими до плеч. Макияж неброский, лишь чуть подчеркнуть глаза. Немного румян. Как ни странно я даже любила россыпь веснушек у себя на носу, они были едва заметными, поэтому ни капли не раздражали.

Надев платье, ещё раз мысленно расцеловала Катюку за такой славный подарок. Наряд был красивым, из лёгкого материала, не откровенным, но и не монашеским, юбка чуть выше колена, полукруглый неглубокий вырез, пояс на талии. В общем, выглядела я хорошо. Всем должно понравиться.

Я уже обувала босоножки на не очень высоком каблуке, когда мне позвонил Роман.

— Я уже спускаюсь, — я быстренько заперла квартиру, взвалила увесистую сумку на плечо и спустилась вниз, не переставая говорить с Романычем.

— Я почти верю, вы все так говорите, а потом жди вас и... — он не договорил, я уже была внизу и, открыв дверь подъезда, улыбнулась ему. Хм, даже интересно, почему он меня так раньше бесил, что я драться полезла? Мамочки, а ведь это было только вчера! Я осмотрела молодого мужчину, который стоял у большого джипа. Оба статные. Только мужчина понравился мне больше. Роман выглядел шикарно, ничего не скажешь. Словно по нему сшитый чёрный костюм и едва различимыми полосками, поблёскивающими синевой, голубая рубашка, пара пуговиц на которой были расстёгнуты. Стоило признать, выглядел он весьма соблазнительно. Я быстренько отогнала эти глупые мысли. И нафиг мне нужен этот Тэдрик-переросток?

— А я уже тут, — я помахала телефоном и вырубилась связь. Роман молча осмотрел меня, ага, дождёшься от меня комплиментов.

— Ты что, бомбу с собой несёшься? — усмехнулся он, забрасывая мою увесистую сумку на заднее сидение.

— Нет, мне к двенадцати надо на работу, так что давай постараемся не сильно задерживаться. Я думаю твоя Акулиночка сбежит от родственников Стаса уже через десять минут. Матросовы — страшные женщины, — я злобно так расхохоталась.

— Только женщины? — удивился Роман. Я чуть поёрзала. Ненавидела я сидеть не на водительском сидении. Постоянно хочется то переключить передачу, то на тормоз нажать, то посигналить и заорать "Куда прёшь, козлина? Глаза разуй!".

— Угу, у них на семье рок какой-то прямо, из мужчин только Стасик остался, остальные разбежались... — я постаралась не вспоминать, что от меня тоже однажды ушёл мужчина, который должен был быть рядом всю жизнь.

— Мужчина это слишком громко сказано, — спокойно выдал Романыч, словно только что не оскорбил потрясающего мужчину, единственного мужчину, с кем у меня были серьёзные отношения! Я тут же вспетушилась и принялась вспоминать все удушающие и болевые приёмы. Щас я тебе устрою Катманду!

— Ты помойку-то захлопни, вонь как в свинарнике. И не смей больше такое говорить про Стаса! Я про твою Акулу вообще молчу! Вобла валенная, дура белобрысая, сонная королевишна! И чего он в ней только нашёл! — я хотела ещё спросить, чего и ты в ней нашёл, Романыч, но удержалась. Это было бы слишком. Тогда бы я признала, что Городовой, этот Японский Городовой, для неё слишком хорош. А это не так, в самый раз. С пивком потянет.

— Ты такой ребёнок, а вчера мне показалось, что в твоих глазах было гораздо больше жизненного опыта, видимо, я ошибся, — и он с таким разочарованием посмотрел на меня, что меня аж замутило. Но я тут же собралась. Мне нет никакого дела до его мнения! Тоже мне, нашёлся! Вот Стасик меня на руках носить будет, пяточки целовать... А этот, тьфу.

— Показалось тебе, — ответила я. Так, уж если ему показалось, что в моих глазах больше опыта, то это плохо. Это был не опыт, эта была грусть. Грусть от одиночества и от того, что нет рядом по-настоящему близкого человека. В этом я даже сама себе признаться не могла и не собиралась. В общем, я тут же выбросила из головы эти глупые мысли, правда всё ещё была рассержена на Романыча, он снова начал меня бесить и мне хотелось оторвать хотя бы одну его конечность.

— А чего ты за Акулу держишься, как за спасательный круг? — даже интересно стало. Сегодня симпатный мужик на джипе — мечта любой идиотки, и как так он ещё один остался? Да каким бы он там в душе не был, Романыч мог бы найти себе девушку раз в десять лучше Акулины. И чего мужики вечно на всякий сброд ведутся?

— Мне двадцать семь, для некоторых, может, это ещё разгар буйной молодости и так далее. А я семьи хочу. После Ули у меня серьёзных отношений некого было, лучше я не встречал. Она будет хорошей женой и прекрасной матерью. Хватит приключений на мою задницу, — без препираний пояснил мне Роман. Я со скептицизмом посмотрела на него. Разве эта невозмутимая гора вообще знает, что такое приключения? По-моему на какие-то эмоции его развожу только я, и то в большинстве случаев он и глазом не моргает. Терминатор настоящий!

— Кхм...может ты и прав, — нехотя согласилась я. Уля действительно производила впечатление домашней и ручной девочки. Но я-то знала, что внутри неё кроется страшный зверь, который слопает Стаса при первой же возможности.

— Ну а ты?

— Что я? — ага, а я играю в дурочку. Одно дело расспрашивать других — другое дело открываться самой. Тут мы с Романычем похожи. Он замыкается в себе посредством молчания и неприступного вида, а я замыкаюсь, просто без умолку треща не по теме и стараясь отводить от себя разговор и быть непосредственной. Трудно себе в этом сознаваться, но я действительно мало кому открылась.

— Не знаю. Увидела и всё внутри завопило "моё!". А то, что принадлежит мне, я отдавать совсем не собираюсь, Роман, вот так, — я на ходу сформулировала причину. По правде говоря, я даже как-то и сама не знала, почему так решила схватиться за Стаса. Наверное, от осознания того, что он единственный человек, перед которым я хоть как-то смогла раскрыться, вернее сказать, единственный мужчина. Просто тогда я была младше, глупее, вот он многое обо мне и узнал. А сейчас во мне столько недоверия к мужскому полу, что я просто никого и не смогу найти с таким отношением. Остаётся вернуться в прошлое. И то неплохо.

— Ты сейчас темнишь, но я не буду копать глубже, не для того мы сейчас общаемся, — я поставила на Романа удивленные глаза. Молчун молчуном, а проницателен, гад. Надеюсь, в той подворотне он не просёк, что мне с ним целоваться понравилось. Ой, а чего я про поцелуи интересно вспоминала? Мои взгляд непроизвольно переместился на его губы, которые он чуть поджал, словно удерживая себя от чего-то. Я за всё то недолгое время, сколько мы общаемся, заметила, что губы у него почти всегда поджаты. Всегда сдерживается, всегда держит всё под контролем. А что же тогда было в том переулке? Да уж, тот поцелуй явно сдержанным назвать можно с большой натяжкой и то это будет абсолютное вранье. Не знаю зачем я обо всём этом размышляла, но пришла к выводу, что за всем этим каменным фасадом кроется настоящий вулкан эмоций. Только вот интересно, почему он его не показывает? Мне вот нравилось бурлить и источать жизнь.

— И правильно, — чуть улыбнулась я, — Кстати, а где ты работаешь? — после этого вопроса Романыч бросил на меня грозный взгляд, обещающий месть за звонок, а я лишь развеселилась.

— У меня своя компьютерная сеть, "Бит" называется, — я удержалась от того, чтобы присвистнуть. А фирма эта довольно известная, только в нашем городе четыре магазина и большой центр. Считай "Бит" всех конкурентов оставил пылиться на старте, а сам уже на финише. Да я сама ноутбук покупала в этой сети.

— Ну да, чего-то припоминаю, — он на мои слова хмыкнул. Догадался, гад, что я знаю, какой он крутой. Ну и чего? Крутой...Ха! Да плевала я, все люди равны. Я покосилась в сторону Городового. Кому-то он на первый взгляд, наверное, покажется богатым гордецом, а я уже чётко для себя решила, что он просто замкнутый и необщительный, отсюда можно подумать, что он гордый. Мне тут же вспоминался мой самый любимый роман "Гордость и предубеждение". Ну, прям мистер Дарси!

— Что ты так смотришь? — спросил парень, когда мы остановились у светофора. Я ни капельки не смутилась, что меня поймали. Да и не поймали, подумаешь, смотрела, что же теперь, глаза выколоть?

— Ничего, мистер Дарси, — усмехнулась я и отвернулась к окну. В нём отражался

вопросительный фэйс Городового, но я лишь усмехнулась. Мы продолжили путь.

Пять минут восьмого мы стояли на пороге заветной квартиры. Семью Матросовых я не видела с того самого момента, как мы со Стасом расстались. Но в квартире совсем ничегошеньки не изменилось. Встретила нас Валерия Алексеевна, как я уже полагала, всё семейство уютится в кухне.

— Машенька! Здравствуй, дорогая моя! Ой, как ты чудесно выглядишь! — маленькая и круглая женщина обхватила меня своими цепкими руками за талию и притянула к себе. Я практически утонула в тётё Лере, но была рада её видеть. Стасик был очень похож на неё, только высокий и худой, а так: глаза, нос, черты лица — считай копия, только более мужественная.

— Ой, а кто это с тобой? — с любопытством и некоторым недоверием тётя Лера уставилась на Романа. То, что женщина дышала ему практически в пупок, никак не умоляло её страшного взора. Ох, боевая!

— А это Рома, мой... — как тут сказать, даже я не знала.

— Парень, — уверенно кивнул Роман и пожал пухленькую ручку тётя Леры. Та как-то в лице изменилась, покраснелась, глазки заблестели. Я постаралась взглянуть на Городового её глазами. А он всё-таки мужик что надо! Высокий, статный, невозмутимый. Сразу навевает мысли о средневековых рыцарях. Ага, только тех, о которых в романах пишут, а не о тех метр с кепкой и гнилыми зубами, которые были в действительности.

— А Стасик с Акулиной уже тут? — я с любопытством стала изучать обувь.

— Нет, скоро подойдут, вы рановато, — я ошалела. Честно. Неужели эта...эта рыба меня послушала и решила всё сделать наоборот? Выглядела я, наверное, потрясённо и даже привести меня в чувство, Романыч стиснул мою руку. Я благодарно ему кивнула, руки отнимать не стала. Будет моим личным антишокером, чтобы я в прострацию не впадала от таких сюрпризов. Становится всё интереснее и интереснее.

— Вы уж извините, тётя Лера, давно вас не видела, — мило улыбнулась я. И тут я заметила, в ЧЁМ одета женщина. Тут я уже сама судорожно вцепилась в руку Городового. Не мне ли Валерия Алексеевна клялась в вечной любви к Киркоровому и вечной ненависти к розовому цвету? Да чуть ли не на крови клялась! А тут...даже нет слов, чтобы описать эту поросячьего цвета ткань, из коей была сшита воздушная блузка тётя Леры. Мне стало нечем дышать.

— Проходите, что же вы застыли, — от моих пусть и шокированных, но всё ещё внимательных глаз не укрылось то, что Валерия Алексеевна уж очень радушно принимает Романа, прям облапала его всего, пока тот разувался, мол поддерживала, дабы не свалился... Ещё бы, с высоты его роста подать всё равно что с высоты птичьего полёта!

Ну а пока мама Стасика ощупывала Романа, я решила быстренько оценить ситуацию. Мда, а я рассчитывала, что за три года совершенно ничего не изменилось, так, подарки надо засунуть куда подальше, а то промахнусь ещё. В общем, пока хозяйка дома не видела, я быстренько закинула подарочный пакет на шкаф под удивлённый взгляд Романа. Я лишь раздосадовано улыбнулась. Фух, ну хотя бы ничего натворить не успела.

— Идёмте на кухню, — чуть леи не по полу стелилась Валерия. Вот и все остальные Матросовы. Меня снова ждал шок, меня сейчас глючит или...или. за столом сидит мужчина? Да не какой-нибудь, а молодой, импозантный такой, держит довольную, похорошевшую и...беременную Дашку за руку. Я снова взглянула на Романыча. Тот без слов обнял меня за талию и прижал к себе, а я практически безвольно висела на нём. Нет, это выше моего

понимания, план ведь был идеальным...

— Ой, Маша, давно не виделись! — бабушка Лариса изрядно постарела, но выглядела шикарно, ничего не скажешь. Худая, можно даже сказать стройная, с толстой белой косой, даже макияж на её морщинистом лице смотрелся прилично, а не как обычно это выглядело на бабульках, которых можно перепутать с клоунами.

— Здравствуйте, — я постаралась улыбнуться. Хорошо Романыч сильный, а не хлюпик какой, а то бы я уже давно рядом с ковриком на полу лежала.

— Чудесно выглядишь, Машенька, — улыбнулась Жанна Алексеевна, которая выглядела лет на десять моложе, чем какой я её запомнила. Интересно, а машины времени оптом или в розницу продают?

— Спасибо, но мне до вас далеко, — так, соберись, Машка, нужно произвести впечатление на родственников Стасика. Я пробежалась по ним взглядом. Стоп, они чего, все в розовом что ли? Ничего не скажешь. Вовремя нам предложили присесть. Я опустилась на стул, Романыч руки от меня убрал. Правильно, а то в состоянии эффекта пообломаю ещё.

— А кто этот молодой человек? — поинтересовалась Жанна, которая, на мой взгляд, готова уже была броситься на Романыча. Я почему-то разозлилась, пододвинула стульчик поближе к соратнику и, положив руку на его широкое плечо, на этот раз без сомнений заявила:

— Это мой парень, Роман. Рома, это тётя Жанна, — первое слово я прямо подчеркнула, от чего карие глаза Жанны сузились. Так тебе, старая стерва! Ничего на моих мужиков заглядываться! Ну...в смысле на фиктивно моих, но всё равно нельзя! — Бабушка Лариса, Даша... — я замаялась, остановившись взглядом на спутнике девушки.

— Это Гриша, — улыбнулась девушка. Стоп, это точно та стерва, которую я знала три года назад? Нет, планета определенно перевернулась с ног на голову за эти три года, полюса поменялись местами, а Элтон Джон стал натуралом. Да это невозможно!

— ...Гриша. Ну а это Валерия Алексеевна, — я постаралась улыбнуться. Романыч был очень вежливым и выглядел даже дружелюбно. Ни фига себе, какие жертвы, а ведь это семья даже не Акулины, а Стаса! Он и не должен этого делать! Оставался только один ответ...Он просто вежливый и воспитанный человек. Мда, даже завидно.

Дальше разговор не пошёл, потому что раздался звонок в дверь, я аж зубами клацнула. Стерва, послушалась она меня, как же...Ради любопытства, я направилась в прихожую вместе со всем семейством, от чего помещение мне показалось бочкой, а я почувствовала себя селёдкой. Романыч втиснулся где-то сзади, причём удачно так, ничего не скажешь, практически прижался к моей спине и, перекинув голову через моё плечо стал наблюдать за происходящим. Ой, что-то не нравится мне, когда он так близко...Ммм, а пахнет он приятно. Мне тут же вспомнился вкус его губ, но я лишь отмахалась. Да и мысли эти сами собой вылетели из головы, когда в прихожую вошли двое. Скрипя сердцем, зубами, пятками и ушами, стоило признать, что смотрелись она эффектно. Стас был в белой рубашке и песочных брюках. А Акулина...на ней было красивое воздушное платье через одно плечо чуть выше колен красивого светло-розового цвета. Не знаю, то ли я сторбилась от того, что Роман слишком сильно на меня навалился, то ли от того, что почувствовала себя несчастной.

— Она прекрасна, — вздохнул мне на ухо Романыч. А это меня прям добило! Я хорошенько пихнула его локтём, пробралась в кухню и села в ожидании. Ждала минут пятнадцать точно, потом меня соизволили почтить своим присутствием. Сели пить чай. Ещё через пять минут стало понятно, что Акулина просто очаровала это семейство. Я уже

подумывала, что нужно залезть на шкаф, где я оставила подарки, выудить шарф, предназначавшийся для бабушки Ларисы, и придушить им эту поганку.

А что начало твориться, когда она начала дарить подарки...особенно со мной. В-первых, оказывается Дашка каким-то чудесным образом вылечилась посредством беременности от аллергии на розы, о чём свидетельствовал шикарный букет у её в руках. В-вторых, Валерия Алексеевна прыгала от счастья и сжимала в руках DVD диск, на котором была запечатлена история Галкина и Пугачёвой. Я вообще впала в кому. Нет, разве всё так может измениться? Дом, кажется, подпрыгивал в такт тёти Леры. В-третьих, бабушка Лариса едва ли не умерла от счастья, увидев...Представляете? Нет? В точности такой же голубой шарфик, какой я собиралась ей подарить!

Я вообще была в полнейшем шоке. Как я могла так провалиться? Матросовы чуть ли Акулине ручки не целовали. Нет, ну она ведьма! Всех заколдовала! Подумать только!

— Мда, трещина в отношениях просто неизмеримо большая, — усмехнулся себе под нос Романыч, когда вся компания после лёгкого ужина покидала кухню. Мы выходили последними.

— Это претензии? — тут же распетушилась я, у меня и так настроения не было, ещё и он. — Ты вообще ничего не делал, только рот разевал и пялился на свою Улю, как идиот загипнотизированный!

— Угомонись, мы всё-таки ещё здесь. Что вообще пошло не так? — Романыч выглядел хмурым. Признаюсь, я чувствовала себя виноватой. Он вон как по уши втрескался в эту дуру, а я ему обещала, что сегодня её отношения со Стасом дадут трещину. А тут вот какая напасть.

— Всё пошло не так, мир вообще с ног на голову перевернулся, Романыч, — я похлопала его по плечу и постаралась улыбнуться, — Ладно. Мир, дружба, жвачка? Ссориться нам не к чему, мы же соратники.

— Вообще-то, первая всегда ссоришься ты, — подметил он, усмехаясь. Я снова разозлилась.

— Неправда! — как можно тише сказала я.

— Вот, ты снова это делаешь, — он, похоже, веселился, доводя меня до белого каления. А я начала закипать, да что он себе позволяет?

— Послушай, ты может уже и старый хрыч, но это не даёт тебе права вести себя со мной как с малолеткой, воспитывать будешь свою Улю, а я взрослая и самостоятельная женщина! — шипела я, тыкая ему в грудь указательным пальцем.

— Взрослая и самостоятельная женщина это как Акулина, а воспитывать нужно тебя, дикарка, — мне показалось, или он сейчас рассмеётся? Даже ямочки на щеках выявились. Злость у меня сразу как-то сняло. Ну, улыбнись, пожалуйста. Кажется, Романыч заметил мой взгляд, удивился и спросил:

— Что?

— Эм... — я оборвала себя. Ну что за глупости? Правда, детский сад какой-то. Ну просто почему-то очень хочется увидеть его улыбку.

— Идём, вечер только начинается, — проговорил парень и, подхватив меня под локоть, повёл в зал. Там нам расположиться особо было негде, Валерия Алексеевна конечно попыталась усадить Романа рядом с собой, как и Жанна, но я с трудом спасла его от этих маньячек и мы расположились на полу, уперевшись в стены. Пора приводить вторую часть плана в действие, ну и пусть первая не удалась, у меня ведь так много общего с этой семьёй,

я так долго с ними общалась!

Но не успела я и рта раскрыть, как Акулина сказала:

— Я работаю библиотекарем, — а потом понеслось. Бабушка Лариса принялась вспоминать свою бабушку, которая тоже была библиотекарем. Затем как-то перескочили на обсуждении политики. Оказывается у Акулы схожие взгляды на политику с семьёй Матросовых. Я лишь сидела и тихо возмущалась. Какие демократы? Жириновский наше всё!

В общем, к концу вечера я чувствовала себя полностью и абсолютно разбитой. Сил не было никаких, мне хотелось поскорее свалить из этой обители любви и доброжелательности, в которой любили не меня, а Акулину, ставшую звёздочкой вечера, ведущей умные разговоры, вежливую и приятную. Да, до её уровня мне и правда далеко. Я взглянула на Романыча, который, не отрываясь, смотрел на девушку. Может он и прав, может я правда дикарка?

Нет, я тут больше сидеть не могу.

— Ром, — прошептала я ему на ухо, от неожиданности парень вздрогнул, резко повернулся ко мне и наши носы соприкоснулись. Я нервно хихикнула, отодвинулась от него чуть подальше и умоляюще продолжила, — Поехали уже, а? Я больше тут находиться не могу.

Странно, но Городовой долго раздумывать не стал. Эх, джентльмен блин. В общем, через пятнадцать минут мы уже сидели в его чёрном звере, а я чувствовала себя разбитой.

— Ты в порядке?

— Нет, я не в порядке, — простонала я, не желая открывать глаз, — Этот план был идеальным. Тётя Лера всегда тащилась от Киркорова и ненавидела Пугачеву и Галкина. Я сказала Акулине надеть что-то розовое и прийти пораньше. Пришла позже, но всё сделала, как я сказала. Но это блин семейство за три года конкретно пересмотрело свои жизненные позиции. Теперь им и поросячий цвет нравится и Пугачёва с Галкиным. Ух, ну что за закон подлости, а, Японский Городовой?

— Не унывай, Маш, — его голос прозвучал неожиданно участливо и он... улыбнулся. Из меня весь воздух вышибло, я аж вжалась в сидение и руки замяла. Боже, какой он красивый! Руки загудели, так и хотелось потрогать эти его ямочки, лицо... Я вообще ошалела конкретно и смотрела на него как запуганный зверь.

— Что-то не так? — нахмурился он, а я всё продолжала бороться с собой. Такой обаятельной и сногшибательной улыбки я не видела ни у кого. Да он если захочет, то может миллиарды заработать на рекламе зубной пасты! Я судорожно втянула воздух.

— Ты улыбнулся, — проронила я. Он тут же стал серьёзным, улыбка исчезла, и я смогла спокойно вдохнуть. Ну ни фиге себе! Круче, чем на американских горках!

— Больше не буду...

— Да, не надо, — пробормотала я, пристёгиваясь.

— Ты где работаешь? — спросил он, а я взглянула на часы. Чёрт! Половина двенадцатого! Нужно сразу ехать в клуб, машину взять не получится... — Что опять случилось?

— Да я хотела, чтобы ты меня до работы домой отвёз, я бы на своей машине поехала, а так придётся на такси оттуда ехать, — быстро проговорила я, — Работаю я в клубе "Микс", поехали скорее, меня шеф убьёт, если я вовремя не буду.

— Кем работаешь? — спросил он, когда мы уже выехали из двора.

— Элитной проституткой, — хмыкнула я. Никакой реакции. — Да блин, зажигалкой я

работаю, толпу завожу своими танцами... — он как-то странно осмотрел меня. Я даже смутилась. — Не в том смысле завожу... в смысле танцев, — так, стоп, и к чему мы заблели как овцы? Это что такое? Соберись!

— Хотелось бы взглянуть, — сказал он.

— Да без проблем, — я пожала плечами, — Охрана бесплатно пропустит, ты же со мной, боевой товарищ, — сказала я и снова улыбнулась. Хорошее настроение возвращалось по мере того, как мы приближались к клубу. Сегодня я выложусь на все сто процентов, мне просто необходимо развеяться.

***

Роман уютно расположился у столика недалеко от сцены. Он сам удивился тому, что попросился с Марией в клуб, чтобы посмотреть, как она работает. Да и вообще эта девица вызывала в нём сплошные противоречия. При первой встрече она ему не понравилась, показалась вульгарной и напыщенной. При второй — наоборот. Выглядела она очаровательно и без косметики, в незатейливом наряде. Очарования добавляли и колкие слова. А потом тот переулочек... Он сам удивился, но потерял контроль. Городовой привык всё держать под контролем. А тут... Она на несколько минут снесла ему голову и заставила оторваться от реальности.

И сейчас он не знал, почему же всё-таки решил остаться. Наверное потому, что больше некуда было идти. И пусть завтра рано на работу, но он хотел быть здесь и он остался.

Все-таки Мария Табелева та ещё бестия. Каким-то образом умудряется вывести его из себя, а ведь он считал себя довольно-таки хладнокровным и способным сдерживаться. Отец учил его, что мужчине в этом мире чувства не к чему. Роман был абсолютно с ним согласен. Но почему-то сейчас всё было странно и по-другому.

Он скользнул взглядом по танцующим. Когда он в последний раз веселился? На День Города он попал случайно, дабы отправить домой своего друга-дебошира... А последние десять лет жизни он только работал. Вот только непонятно для кого. У него никого не осталось. Отец умер семь лет назад, мать — пять. А больше у него никого не было. Наверное, поэтому он решил вернуть Акулину, девушку из прошлого, в котором в его жизни ещё был какой-то смысл, когда ещё была жива мама...

Роман отвлёкся от мыслей, когда зазвучала немного странная музыка. Нет, он предпочитал совсем другую музыку. А эта... просто странная, скрипка, басы, флейта и какие-то народные мотивы.

— А теперь встречаем нашу неугасаемую Жар-птицу! — полпа завизжала и принялась танцевать в такт необычной музыке. Вот на сцене появилась и сама чудо-птица. Роман понял, что это Маша, только на третьей минуте танцев. Она двигалась невероятно. Плавно, словно в её теле вовсе не было костей. Костюм огненной птицы состоял из маленького обтягивающего, расшитого паетками красно-оранжевого топа, чёрных шортиков, к которым был прикреплен пушистый красно-оранжевый хвост, и алых босоножек на огромном каблуке. Огненная шевелюра птицы вторила движением хозяйки. Сама Жар-птица была в маске из перьев.

Роман и сам не заметил, когда его сердце начало так бешено колотиться. Вот птица принялась двигаться на другой конец сцены, недалеко от которого сидел он. Она буквально вспорхнула на высокую колонку, томно наклонилась в сторону Романа, чуть приподняла маску, из-за которой сверкнули синие глаза с ярким макияжем, послала ему воздушный поцелуй и снова принялась танцевать для толпы, которая совсем разошлась, наблюдая за

девушкой.

Городовой всё ещё был в шоке от того, что Жар-птица — это Маша. Звезда клуба "Микс" Мария Табелева. Конечно, он знал эту девушку всего ничего, но почему-то что-то внутри нег заклало. Так и хотелось подняться на сцену, схватить эту пташку за хвост, утащить к себе домой и никому не показывать такую красоту.

Парень тут же отогнал от себя эти мысли и, позволив себе ещё раз взглянуть на Табелеву, покинул клуб. Не хватало ещё о всяких глупостях думать, лучше подумать о том, как же вернуть Акулину. Мария сделала шаг, теперь и его очередь.

4 В ТИХОМ ОМУТЕ или НИЧЕГО СЕБЕ ПОВОРОТ!

— Кать, ну чего ты ломаешься как девственница в первый раз? — я была готова чуть ли на коленях ползать. Понимаете, тут такая ситуация... Я музыку очень люблю, всяческую и рок в том числе. У нас в городе каждый год в августе проводится фестиваль рок-музыки под названием "Новое поколение". И выступают на нём молодые группы. В общем, за несколько лет фестиваль стал жутко модным, и участвовать в нём для молодой нераскрученной группы считалось очень круто. И полз бы этот фестиваль по-пластунски до Китая, но вот моя бедная душенька просто тащилась от группы "Идеальная смерть" из соседнего города. Ничего не скажешь — название то ещё, но ребятки были жутко талантливыми и мои подростковые увлечения давали о себе знать. Поэтому я смерть как хотела туда пойти, да и знакомый обещал достать билеты на автомобильную стоянку, на сам же фестиваль вход был свободным.

— Маш, ты прекрасно знаешь, что я такую музыку не люблю, вот Серёжа Лазарев я понимаю, — и она мечтательно вздохнула. Я сделала брезгливое лицо. Да от него всё что угодно может слипнуться, больно сахарный.

— Ну, Кать, мне же не с кем пойти, а пойти одной как-то... — я нахмурилась. Да в общем-то не с кем идти особо и не хотелось, только с Каткой. Я начала бы уламывать её раньше, вот только мне удалось узнать о том, что "Идеальная смерть" будет выступать на фестивале только вчера на работе. Да тем более, после вчерашней неудачи при знакомстве с родителями, мне нужно было развеяться. А фестиваль проходит на этих выходных.

— А ты позови своего Стасика, ты же говорила, он тащился от рок-музыки в своё время, — о-па, помощь пришла, откуда не ждали. Как я могла забыть? Я с визгом и писком кинулась обнимать Катку.

— Ты моя крёстная фея! — радостно пропела я тонким голосом. Катя поморщилась, но ничего по поводу моих певческих способностей говорить не стала. — Наверняка Акула такую музыку не выносит, а я стерплю всё что угодно ради того, чтобы услышать "Идеальную смерть" вживую и заодно напакостить отношениям этих сектантов.

— Маш, я честно тебя не понимаю, — как всякая принцесса Катя была сама высокоморальность, — А Романа в особенности. Взрослый, состоявшийся человек, а повёлся у тебя на поводу и решил разбить пару. Если бы они не подходили друг другу, то не поженились бы.

— Ха! Абсурд! А Ритка Добровольская? Если бы она со своим Владимиром не рассталась, то сейчас бы они с моим брателло не были ли бы так счастливы! — тут же нашлась я с ответом. Ну а что, не права что ли? Я так перенервничала, опасаясь за их будущее. Уж если существует любовь в этом мире, то между этими двоими.

— Это скорее исключение, чем правило...

— А помнишь, я тебе рассказывала про брата Ритки? Он сейчас самый счастливый со своей женой, а ведь она ради него бросила жениха чуть ли не в ЗАГСе! — ого, вот сколько примеров! Я в который раз убедилась, что полностью права.

— Но мы с Арсением поженились и очень счастливы, — возразила Екатерина. Сейчас мы сидели у неё дома, благо её ненаглядный ещё не вернулся с работы и мы могли спокойно

поговорить. Ничего против её возлюбленного я не имела, но Сеня, не думала, что такое когда-нибудь скажу о мужчине, слишком сильно её любит. Я вообще мало верила в то, что мужчины могут любить. Конечно, вокруг меня было достаточно примеров, вот только это, как говорит Катька, исключения. Чего только стоит мой папаша, о котором я даже вспоминать не хотела... Всё в этой жизни, включая и любовь, нам с Андреем давал отчим, которого мы называли отцом. А тот дядька, что ушёл от мамы к другой для меня был никем.

— У вас отношения совсем другие, не то, что у этих. Пускай ты такая скромница, я-то знаю, какой у вас страстный брак, — я подмигнула, а Катя смущённо опустила глаза. — И чего ты смущаешься? Вы женаты и можете вытворять в постели всё, что угодно.

— Маша! Прекрати! Я не намерена обсуждать свою сексуальную жизнь, — нахмурилась девушка, хотя уголки её губ дрогнули в улыбке. Может Катюша и скромница, но тоже женщина.

— Ладно-ладно. В общем, я твёрдо решила и не намерена отступать от намеченной цели. И можешь не распинаться, твои совестливые речи для меня всё равно, что мертвому припарка, — я рассмеялась и отправила в рот очередную конфету. Ух, сладкое я могла себе позволить из-за активного образа жизни и была этому бесконечно рада, сидеть на диете, это не для меня. Даже после того, как мне вырезали аппендицит в девятом классе я уже на второй день всю уплетала свиные отбивные.

— Маша, ты не такая плохая, какой пытаешься себя показать, просто в тебе очень много злости из-за...

— Катя! — рывкнула я и отвернулась к окну.

— Хорошо, больше не будем об этом, пока ты не захочешь...

— Уж поверь, не захочу.

— Но я всё равно ещё раз призываю тебя одуматься, Маша, это идиотизм. Всё никак не могу поверить, что такой человек, как Роман, вообще позволил себя втянуть в это, — Катя так нахмурилась, что видимо действительно не ожидала такого поворота.

— Да, — неожиданно на моём лице появилась улыбка, — Ромка это нечто, — девушка тут же с удивлением взглянула на меня. — Чего? Станный он мужик, кажется каменной глыбой, но что-то мне подсказывает, он просто так прячется от одиночества...

— Хм, никого не напоминает? — она многозначно повела бровями. Я чуть ли не взвыла! Не люблю, когда во мне копаются, пускай даже близкие люди! — Знаю я одну девушку, которая бежит по поверхности жизни без оглядки, стараясь не думать о проблемах.

— Интересно, кто это? — я невинно захлопала глазками, — Ладно, надо начинать операцию. Роману звонить не буду, наверняка работает, терминатор бедный. Да и не хочу снова при нём потерпеть неудачу, — всё-таки как ни крути, а перед Романычем мне было стыдно, он, наверное, расстроился из-за этой Акулы. — Пока надо созвониться с этими и сказать, что у меня для них сюрприз.

Через пятнадцать минут я была довольная, как кошка. Всё будет просто суперски! Эти двое согласились на сюрприз, я уже договорилась со знакомым, он достанет мне парковочный билет. Учитывая, что до фестиваля осталось четыре дня это было подарком судьбы! А это ведь хороший знак, в этот раз всё непременно получится. А Ромке говорить ничего не буду, если всё удастся, сделаю ему сюрприз! Акулина и так по нему всё ещё сохнет, это видно. А Стаса наверное обижать боится. А мой ненаглядный всё никак не очнётся и не поймёт, что я женщина всей его жизни.

— Выглядишь зловеще, — хмыкнула Катька.

— О да, детка. Ладно, мне надо с боссом договориться, чтобы я на выходных не работала, — Он, то есть она, меня приберёт, конечно, что я уже вторые выходные не буду работать, но куда деваться, никому не надо, если Жар-птица возьмёт и перегорит. А я уже чувствую, что мне чего-то в жизни не хватает и, наверное, мужчины, как ни крути от этой женской потребности мне никуда не деться. Этому полу я не доверяла, но Стасу всё-таки могла бы поверить снова, ведь он меня знает лучше, чем кто-либо ещё, его я подпустила довольно близко...

Босса моего звали Елена Петровна Алдошина и была она, что называется, страшной женщиной. Выглядела потрясно для своих сорока и имела деловую хватку. Ещё бы! За каких-то два с половиной месяца клуб "Микс" стал едва ли не самым популярным местом в городе! С ним мог соперничать только жутко крутой клуб "Нил", в который меня недавно пытались переманить. Но мне нравилось в "Миксе" и для непостоянной работы, приносящей удовольствие, он прекрасно подходил.

— Алло, Елена Петровна, это Маша, — а я сама вежливость. Хоть бы отпустила, хотя бы отпустила...

— Мария! Никаких отгулов! — мда, видимо если Мария Табелева становится лапочкой, то ей непременно что-то нужно. Ох, стоило признать — это простая истина. Назвать меня особо вежливой, а иногда и адекватной, у многих людей просто язык не поворачивался.

— Но Елена Петровна, это дело очень срочное...

— Девочка, у нас в выходные самый наплыв народа, а ты предлагаешь отпустить тебя, звезду клуба? — и она издевательски рассмеялась. Мда, стоило признать, что Алдошина была не самым приятным человеком, но она бизнес-леди — куда деваться, не мы такие, жизнь такая.

— А вот и неправда! В эти выходные наплыва не будет! — не согласилась я, — За городом состоится рок-фестиваль и вся молодёжь укатит туда! Вы ведь знаете, в нашем городе куда не плюнь — везде неформалы. Вот и будут ошиваться за городом, а в клубе народа не будет.

— Маша! Мне не нравится твой тон, босс здесь я и ты будешь делать то, что я говорю, — голос у женщины стал совсем ледяным, я промерзла до костей. Ох, снежная королева.

— Мне нужен отгул, это жизненноважный вопрос! — ещё бы, да все планеты солнечной системы встали в одну линию, если на рок-фестиваль приедет группа "Идеальная смерть" и это поможет мне вернуть Стасика.

— Хм, а ты случайно не на этот рок-фестиваль собралась? — эка бяка! Прознала, что я задумала.

— Нет...у меня...у меня, эм, — думай, Машка, думай, неужели в первый раз врёшь? — Да у меня нога болит! Сегодня в бассейне плавала и когда вылезала, шлёпнулась на пол и теперь еле хожу, говорить не хотела, а то вы ведь разволнуетесь, — блин, не самая прибыльная ложь, ведь я теперь оставшиеся будние дни отрабатывать выходные не смогу. Эх, на что только не пойдёшь ради группы "Идеальная смерть", ну и любви, конечно.

— Ох! Боже, надеюсь, ты там лечишься? — Елена Петровна явно пришла в ужас.

— О да, ой, мамочка, не надо так туго затягивать компресс! Горячо! — эх, Оскар явно по мне страдает.

— Так, чтобы до того, как нога не восстановится, никаких танцев! Лучше недельку отлежись, чем потом мы тебя на более долгий срок потеряем, — мне даже стыдно стало,

Елена Петровна тётка хорошая иногда, бедная, вся переволновалась.

— Конечно-конечно, Елена Петровна! Никаких вопросов! На следующей неделе обязательно выйду и буду отрабатывать! Ой-ой! Больно-то так! — проорала я напоследок и, повесив трубку, выдохнула. Ай да я, ай да я.

В общем, оставалось только готовиться. А готовиться нужно основательно. Выглядеть надо офигенно, не меньше, поэтому надо пройтись по магазинам. Катке даже предлагать не буду, ну её в Китай, отказывает постоянно, а я человек позитивный и стараюсь избегать отказов.

Весь следующий день я провела в подготовке и молитвах, относительно того, чтобы Романыч не прознал о моём пакостном мероприятии. Я всё-таки, наверное, поспешила тащить его в напарники, жалкую шхуну отношений этих сектантов я потопила бы и без его помощи, а теперь он мне как собаке пятая нога. Ну, ничего, он человек занятой и это хорошо, так что у меня полная свобода действий.

Но обрадовалась я, как оказывается, рано. Сижу себе вечером, никого не трогаю, смотрю очередной ужасно кровавый боевик, в котором как положено из ранений кровь хлещет фонтаном, кушаю попкорн и никого не трогаю. Кот по кличке Кот лежит под боком, брезгливо морщиться от кровавых сцен, но высказывать претензии не спешит. Но вдруг как гром среди ясного неба звонок.

— Кому жить надоело? — это я чаще всего говорю вместо стандартных приветствий. На тех, кому это говорить себе дороже, маму, папу, бабушку и босса, стоит отдельная мелодия, а остальных не жалко.

— Видимо тебе, — попкорн изо рта пулемётной очередью был извергнут на кота, кот зашипел и смешно упал на пол, я подавилась первым, а потом подавилась смехом от вида Кота. Около двух минут Романыч слушал моё хрюканье, но потом я собралась с силами и попыталась ответить так, чтобы не вызвать никаких подозрений:

— А я вот сижу и огорчаюсь, что с Акулой и Стасиком совсем всё глухо, вообще никаких идей, — так, неплохо, — Вообще-вообще, — для достоверности добавила я. Что ж, супер! Блин, да я находка для шпиона... Если после таких истерических фраз он ничего не прознает, я в этом Японском Городовом разочаруюсь как в "Доме 2" после первых пяти лет просмотра.

— Что задумала? — ох, умный всё-таки, даже не знаю, плясать как туземец вокруг Кука или же рыдать, как каракатица. Выбрала не то и не другое, решила врать напропалую. А-а-а, гори оно всё синем пламенем!

— Ничего, Ромочка, ты за кого меня принимаешь? — для достоверности похлопала глазками, он меня, конечно, не видит, но для входа в образ в самый раз.

— За психически нездоровую бестию-разлучницу, — отчеканил он, словно всю ночь думал, как так меня обозвать, да чтобы побольнее. Зря старался, он и половины моих достоинств не перечислил.

— Прекрати. Чего звонишь?

— Спросить нет ли новостей. Я просто покупаю акции одной фирмы... — и бла-бла-бла, бла-бла и в конце бла-бла-бла-бла! — ...так что у меня нет времени придумывать бредовые планы. В нашем тандеме этим занимаешься ты.

— Ни чем не могу помочь, — блин, и почему мне врать так стыдно? Как представлю себе этого бычару, упавшего в детстве в чан с "Растишкой", его глазища каре-зелёные, на которые надвинулись тёмные брови, его губы... Так, стопэ, а губы-то здесь при чём? Едем

дальше, в общем, как всё это себе представляю, кроме губ, так меня колотить начинает. Я словно каждый вечер топлю котят, а меня считают милым человеком. Я взглянула на Кота, он с подозрением на меня посмотрел. Вот зверюга! Мысли читает про котят! — И это неделю я тоже занята, — так, что бы ещё такое сказать, — На выходных особенно.

— Чем же интересно? — и чего голос такой едкий? — Ты случайно не на этот плешивый рок-фестиваль собралась? — допытывающее спросил он. Блин, экстрасенс фигов! Мне даже дурно стало, хорошо рот не полон попкорна, а кот далеко. Я уже было хотела сказать что-то вроде: "И что, если собралась? У меня есть своя личная жизнь!". Но одумалась, Роман умный, сразу поймёт, что я правда туда намыливаюсь.

— Да я вообще такую музыку не переносу, — я вдруг вспомнила оправдание, — Ты и сам видел, как я в клубе отрывалась, рок — туфта, — как сердце-то ноет при этих словах. "Идеальная смерть", простите, неверную.

— О да, видел, — было сказано с отвращением или мне показалось? Неожиданно меня пронзило одно чувство... Я очень хотела, чтобы этому непрошибаемому Японскому Городовому понравилось, как я танцевала. Обычно мне плевать на чужое мнение, мужское особенно, а особенно тех мужчин, которых знаю несколько суток. Но тут вот так получилось...

— И. как тебе? — так, вроде бы голос звучит нормально, а сама я начала грызть ногти от нервов ожидания. Да что же это со мной? Соберись, дубина!

— Нормально, — пробормотал он. Я вспыхнула как стог сена. Нормально?! Да я богиня на сцене! Нимфа танца! Как только меня не называют, а это чудище огородное сказало, что **НОРМАЛЬНО?**

— Да кого я спрашиваю? Ты в искусстве ни черта не понимаешь, только в бумажках всяких, — так, главное не показывать ему, что его слова меня задели. Себе показала и уже хватит, а то обычно я на такие вещи вообще глаза закрываю, к чему лишние эмоции?

— Дитё, — только и произнёс он, а потом как-то устало продолжил, — Ладно, будут новости — звони, только не так настойчиво, Мария, — в конце он зевнул. Устал, наверное... Ему бы сейчас массаж шеи и плеч, а плечи-то у него широкие, интересно, а без пиджака... Стоп машина! Куда-то не туда меня занесло! Что, мало мужиков привлекательных по округе ходит, а ты на этого смотришь? Остановись, Маша.

— Хорошо, я позвоню, — потом подумала. Что-то много начала, кстати, думать, как бы голову не перетрудить, — И не загнись там, Акулина тебя из без денег полюбит... — я прикусила язык, ещё хотела сказать "потому что ты хороший". А вот интересно, чего они расстались? Надо будет спросить.

— Спасибо, спокойной ночи, — дальше гудки. Ух, как щёки-то горят, словно их мухобойкой отделали. И чего я переполошилась? Но что говорить, жалко мне этого Романа Городового. Работает непонятно ради кого. Ради Акулины? Ну не знаю, вряд ли ему без меня пришла бы в голову мысль разлучить эту парочку. Тогда ради кого? А может просто, чтобы забыться? Я подняла с пола испуганного кота по кличке Кот, он недовольно муркнул, но всё-таки почувствовав, что хозяйка неожиданно загрустила, прижался своей пушистой головой к моему подбородку. А я крепко его обхватила и подумала, что мы с Романычем всё-таки очень похожи. Он забывается, доводя себя до изнеможения на работе, а я бегу по жизни, не оглядываюсь назад и танцую. Такие разные, но одновременно так похожи...

— Катя, я опупенная тёлка! — слово тёлка обычно меня приводит в коровье бешенство, но тут... Я ещё раз покрутилась перед зеркалом. Диво! Дело было в субботу утром и я.

наконец, спустя три часа подготовки, была готова. Встала ни свет ни заря, приняла душ, вытащила из волос противные бигуди-червяки, как я их называю, из поролона, и осталась довольна результатом. Потом собрала эти самые волосы в высокий хвост, выпустила из него пряди, чтобы обрамляли лицо. Принялась за макияж. Тональника и пудры много накладывать не стала, ну и пускай веснушки от долгого прибывания на солнце ярче станут, зато у меня лицо не станет похоже на кашу. А вот на водостойкие туш и тени не я не покупились. В итоге стала дерзкой рокершей. Образ дополняла одежда. Майка с символикой "Идеальная смерть" и их портретами. Кучу денег отвалила, на заказ делала, ребята ещё не настолько популярны, чтобы их атрибутику продавали. Но зато когда они станут знаменитыми, а я постарею, то продам эту футболку за кучу бабок. В общем, майку я подвязала так, чтобы оголить живот, в котором болтался чёрный крестик. Мне вообще делать в себе дырки не нравилось, но босс сказал, значит надо. Потом я втиснулась в жутко-обтягивающие чёрные джинсовое шорты с кучей дырок, потёртостей и салидной цепью вместо ремня. Ноги убивать не стала и обула мягкие, почти невесомые кеды. В общем, выглядела я как рок-звезда и даже ни капли не смахивала на представительницу древней профессии.

— Конечно, не в моём вкусе, но как, ни странно, тебе очень идёт и совсем не вульгарно, — улыбнулась Катя. Ох, даже если ей не нравится, то всегда вывернет так, что человеку всё равно приятно её слушать.

— Спасибо, принцесса, — я приобняла подруга за хрупкие плечи и звонко чмокнула в макушку. — Думаешь, Стасику понравится?

— Не знаю понравится или нет, но он определённо будет сражён! — закивала Катя, ещё раз меня осматривая. Что говорить, а Блинова настоящая подруга. Не поленилась пораньше встать, под брань мужа вылезти из постели и поехать к подруге, чтобы помочь ей собраться. Ну, собиралась я конечно сама, но поддержка же всё равно нужна.

— Вот и круто, — я взглянула на часы, — Ой, мамочки! Надо уже выезжать, тебя ещё Сеньке доставить в целостности и сохранности, а потом за сектантами ехать...

— С чего ты вообще их сектантами прозвала? — рассмеялась подруга серебристым смехом.

— Как с чего? Пришли, вялые как два сушёных банана, говорят, по Азии путешествовали, если первая любовь благословит брак, то будет счастье, карма и так далее и тому подобное, — бормотала я, хватая сумку. Если честно меня смущало то, что мы будем втроём спать в одной машине. Я, конечно, была бы непротив Акулу отправить сниматься в "Челюсти", но боюсь она будет против того, чтобы я осталась с её без пары недель мужем наедине.

— Маш, — неожиданно серьёзно проговорила подруга, — А ведь он тебе не нужен...

— Катька, — я рассмеялась, — Думаешь, если бы он был мне не нужен, я бы сейчас так надрывалась, стараясь их разлучить? — я многозначно указала на свой внешний вид. Да у меня сборы обычно занимают пять минут от силы, а я тут три часа горбатилась, и она ещё уверяет, что мне Стасик не нужен? Нужен, ещё как.

— Что-то я особых жертв с твоей стороны не заметила. Ты веселишься, играешь... А ведь они наверняка любят друг друга, а для тебя всё это предприятие просто игра. Ты отобьёшь Стаса, и через месяц он тебе будет не нужен. А вдруг у них настоящая любовь? — следовало бы прислушаться к словам мудрой подруги, но я же упёртая, мне носом ткни в то, что я натворила, так я глазки невинные сделаю и скажу это не я. Просто ненавижу быть

неправой...

— Не отобьётся тогда, если настоящая, — нахмурилась я. — Ладно, поднимай свою королевскую филейную часть и поскакали, пока твой принц там не скончался от ревности, — рассмеялась я. Сенька, конечно, не был таким одержимым, как я о нём говорила, просто мне нравилось преувеличивать, больно забавной была эта парочка.

— Ладно, уговорила, поехали, он и так мне вечером припомнит, что на самом интересном месте я выскочила из постели.

Спустя час я была возле многоэтажки в среднестатистическом районе города. А голубки молодцы, за год успели свить себе любовное гнездышко.

— Выползайте, хлопцы, кони запряжены, — проговорила я в трубку, когда с другой стороны ответил Стас, а сама выбралась из машины и эффектно так к ней прислонилась. В общем видок был ещё тот! А доказательством тому были мальчишки лет двенадцати, признающиеся в любви, девочка лет семи, кричащая крутящей у виска матери, что хочет быть такой же, когда вырастет, ну и пересуды бабулек у подъезда, у которых летний сплетнический сезон был в разгаре.

Долго меня ждать не заставили. Как и ожидалось, Акулина была не совсем одета для рок-фестиваля, вернее сказать, совсем не одета для него. На девушке был лёгкий сарафан лимонно жёлтого цвета, как всегда не подходящей ей по размеру, жиденькие волосы свисали паклей, и я самодовольно потрепала густую гриву своего конского хвоста. А вот Стасик, как чувствовал, нацепил простые синие джинсы с парой потёртостей и чёрную футболку. Ничего, купим ему какую-нибудь цепочку на фестивале, и всё будет тип-топ.

— Ого! Маша, ты невероятно выглядишь! — не очень большие глазки Акулины стали просто огромными. Но меня больше интересовала реакция Стасика. Тому вообще крышу снесло. Стоит, смотрит не моргая, а я ощутила, как на моем лице расплылась довольная улыбка.

— Спасибо. А вот и мой сюрприз! — я помахала рекламными буклетами рок-фестиваля.

— Что это? — с интересом взяла в свои бледные ручки билеты Акула. Ну прям не живая не мёртвая.

— Мы едем на рок-фестиваль нашего города! Будем наслаждаться музыкой! — ну да, а я ещё буду пускать слюни не только на Стаса, но и на своих ненаглядных музыкантов, — Стас, я же знаю, как тебе нравится такая музыка, вспомни молодость, — я резво подмигнула бывшему. Тот, почесав затылок, неуверенно улыбнулся. Стесняется, дурашка, что я помню. А он меня бросил...ну ничего, я не злопамятная, просто злая и память у меня хорошая. Как говорится, вернись, я ещё прошу.

Дорога длилась около часа, и когда показался знакомый забор и большая куча автомобилей, стоящих в очереди, я чуть ли не завизжала от предвкушения. А Стас вон какой задумчивый, наверняка мысленно локти кусает, какую девку потерял!

Мы прибыли на фестиваль, и мой знакомый оказался просто золотом и протащил нас вместе с Ларкой через чёрный ход, и таковой для авто имелся. Эх, мог бы не утруждать себя...В общем машину я оставила в самом безопасном месте, рядом с будкой специально привезённых для охраны ротвейлеров, и я потащила парочку к сувенирным лавкам. Стоянка осталась в дальней части площадки была едва видна, но я заметила, что она уже переполнена. Эх, бедняги те, кому не хватит места, считай, можно уже о новой тачке думать.

В общем, к полудню я нарядила Акулину как пугало. Прикупила ей ярко-оранжевые косички, жуткую бандану цвета детской неожиданности и огромные, неизвестно кем только

ношенные, армейские ботинки. Со Стасом я обошлась благосклоннее и ему для вечера была приобретена облегчённая косуха, бандана, дабы его темноволосую голову не припекало и пара браслетов с шипами. Эх, не парень, а загляденье. Вот только одна беда... Эти двое милуются, а намиловаться не могут. И нравятся Стасику её косички, и такая она милая, а он такой ненаглядный...

Короче, плюнув на план по разлучению неразлучников до вечера, я отвернулась от них и стала наблюдать за сценой. Самых несчастных выпускали вначале дня. Зевак посмотреть на них было немного, около сотни. В основном все обустроивались и оккупировали лавки, распорядившись билетами, дающими скидки. Я нашла самый не переполненный ларёк и отправилась купить чего-нибудь холодненького, размышляя над тем, как бы показать эти двоим, что они не подходят друг другу...

Задумалась я так сильно, что и не заметила, как впечаталась в здорового парня, который судя по облачению, был байкером. Он обозвал меня нелицеприятными словами, пока оборачивался, а когда, наконец, обернулся и соблазнительно (это по его мнению, я думаю), улыбнулся. На солнце сверкнули золотые коронки.

— Смотрите, куда прёте, барышня, — вежливым басом, посоветовал он мне, как джентльмен, пропуская вперёд. Я сделала что-то вроде реверанса, но решила промолчать. Тем более дядя полицейонер был неподалеку, а с таким типом у нас может и до драки прийти.

Но Кадык, вот такое интересное прозвище имел этот парень, оказался мужчиной интеллигентным, оказывается, зовут его Степан и работает он в компьютерной фирме "Бит". А вот интересно, Роман вообще знает, чем его сотрудники занимаются в свободное время? Всё это я узнала, пока мы с мужчиной стояли в очереди. Так же оказалось, что у него есть красавица-жена и двое детей, а свалил он сюда от них только потому, что приехала его до смерти любимая тёща, которая залюбит его мозг до смерти, если он окажется в поле её зрения.

Пообщались мы культурно, и когда я купила долгожданную пятилитровую баклажку воды, Степан любезно согласился помочь донести её до моих друзей. Друзья стояли там, где я их оставила и обжимались. Кадык как-то странно на них покосился, но промолчал. Мы ещё немного пообщались, а потом он сказал, что ему надо отчаливать к сотоварищу, который уже наверняка помер от жажды.

Настроение у меня было хорошим, и время летело незаметно. И вот к вечеру начался настоящий концерт. Свет и звук поражали, огромные проекторы давали возможность толпе, оставшейся далеко позади, увидеть происходящее на сцене. Ну а нам с сектантами повезло — мы оказались на самых крутых местах.

Расстраивало только одно — парочка ворковала, а я всё никак не могла придумать, как же их разлучить. Решила брать напором — начала безумолку трендеть о том, как со Стасиком нам было весело и хорошо. Пока рассказывала, поняла, что хорошо нам, может, хорошо и было, но только не очень-то и весело. Гуляли, за руку держались, в кафе ходили, обнимались, в кино ходили, занимались сексом. Ничего такого... в общем ничего экстраординарного. Но потом я решила, что за него, наверное, буду выходить замуж, а совершать экстраординарные поступки с мужем не нужно.

Когда стемнело, атмосфера стала просто потрясающей. Сцена освещала всю толпу. Рёв стоял бешенный, но все вели себя прилично и давки не было. Некоторые группы показали себя профи, некоторые очень волновались, но выглядели милыми. Я отрывалась во всю и в одно мгновение, когда Акулина отвлеклась, мне удалось сцапать Стасика и начать с ним

танцевать. Уж теперь я его не упущу!

В общем танцевала я так, как никогда. К такой музыке я не привыкла, но моё тело тут же подстроилось. На шею парню я не вешалась, об него не тёрлась, но двигалась уверенно и сексуально, поэтому тут же начала ловить на себе заинтересованные взгляды окружающих людей, парней в особенности. И когда я заглянула Стасу в глаза, то увидела, что он очень серьёзно на меня смотрит, несмотря на то, что танцует... Ага, кажется, прогресс...

И прогресс этот мог бы продолжаться вечно, если бы ведущий со сцены не произнёс всего два слова, после которых я отпихнула от себя Стасика на какого-то коренастого и широкоплечего парня, опрометчиво стоящего к нам спиной, и дико завизжала, как и вся женская половина. Идеальная смерть. Их первый большой фестиваль.

Сердце у меня колотилось как бешенное, про какого-то там Стаса, бросающего на меня серьёзные взгляды всего пару секунд назад, я напрочь забыла и орала как сумасшедшая, выплёскивая всё своё нетерпение. Как же я люблю этих ребят! Чуть ли не пена изо рта!

И вот, они появились, сердце у меня забило ещё быстрее. Вот они — четыре моих красавца. Рей — безобразно зеленоглазый парень, сводящий своей энергетикой вся и всех, мой любимчик и барабанщик. Зеро — таинственный черноволосый (не крашеный, между прочим) бас-гитарист. Ти-Джи — сладкоголосый шатен с белой полоской на чёлке, чарующий всех своим голосом и в том числе меня. Фрэд — человек-пирсинг с белыми волосами, играющий на гитаре, а когда потребуется — на клавишных.

Мои мальчики! Песни их трогают до глубины души!

— Здравствуйте, — голос Ти-Джи буквально прошёл сквозь меня. Ах, жаль у него есть девушка, а то бы я... — Это наше первое выступление на большой сцене, так что я надеюсь, что вы поддержите нас... — не успел он договорить, как толпа взревела, мне показалось, я орала громче всех. — Отлично, чтобы вы к нам привыкли, мы начнём с песни известной группы Nim — Join me in death, — о май Год! В их исполнении эта песня просто потрясающая!

— Жгите, ребята! — закричала я в последний раз, а потом решила вести себя поспокойнее и наслаждаться чарующим голосом Ти-Джи и безупречной игрой ребят. Вот только успокоиться мне надо было чуть пораньше...

Минуты через полторы какой-то кретин посмел меня тронуть за плечо и отвлечь от этой божественной музыки. Я повернулась с твёрдым решением лишить это существо наследников, но обомлела, когда упёрлась взглядом в широкую мужскую грудь, облачённую в чёрную майку-алкашку. Ну ни фигу себе грудь! Я подняла голову выше... внушительная золотая цепь на загорелой шее... Ещё выше и вот виден скульптурный подбородок. Сердце убежало без оглядки. А вот... знакомые черты, каре-зелёные злые-презлые глаза... Твою мать!

— Маша, — моё имя прозвучало как ругательство. Я взглянула за спину Романыча, выглядящего как настоящий рокер или байкер и обнаружила, что два здоровых дядины, один из которых мой новый знакомый Степан, пытаются удержать сильно взбесившегося... Мишу. Того самого Мишу, который был с Романычем в нашу первую встречу! Только вот теперь он мало напоминал мне Тэдика, а больше походил на разъярённого грызли-людоеда, жаждущего разорвать на части не кого-нибудь, а Стасика, который активно прижимал Акулину к себе и пытался на фоне этих здоровяков выглядеть мужественней.

Я перевела немигающий взгляд на Романыча, который ощутимо сдавил моё плечо и теперь смотрел на меня пылающими глазами, явно ожидая объяснений. А я не нашла ничего

лучше, кроме как невинно выпалить:

— Эм...теперь я вижу, что не только ты в детстве упал в чан с "Растишкой", у тебя друзья такие же бугаи!

Мамочки, чего здесь приключилось-то?

***

После разговора с Машей во вторник вечером Роман остался довольным. Она была ещё совсем девчонкой, у которой глаза иногда становились странно серьёзными и делали её старше, поэтому он решил подстраховаться и когда она сказала, что жутко занята на выходных, поинтересовался не будет ли её на рок-фестивале. Ответ его убедил. И действительно, Мария вряд ли любит рок, учитывая, с какой энергией и жизнью она двигается по сцене под танцевальную музыку, с какой точностью чувствует эту музыку...

Городовой быстро отогнал от себя видение танцующей девушки, провёл по лицу ладонями, встряхнул волосы и взглянул на часы. Было два часа ночи.

— Что-то ты заработался, приятель, — бросил он сам себе, поднимаясь с кресла. Да, сейчас бы не помешал массаж. Вдруг мысль проскочила в нём шальной пулей. Интересно, Машка умеет делать массаж? Девушка она сильная, спортивная, сразу видно...Но он обратил на её ладони внимание: пальцы тонкие, длинные, ногти ухоженные, довольно короткие без всяких жутких цветов, а с прозрачным лаком. Хрупкие руки.

— Господи, какой только рыжеволосый кошмар на ночь глядя не привидится, — хмыкнул себе под нос Городовой, складывая на руке пиджак. Он вышел из кабинета, проверил везде ли в офисе выключено электричество, поставил помещение на сигнализацию, запер вход и пошёл к машине. Ночь приятно освежила его и прежде чем сесть в машину, он немного полюбовался на едва проглядывающие звёзды. Когда же, наконец, настанут выходные? Он сможет спокойно отдохнуть, а потом подумать о проблемах...В частности о том, как разлучить Акулину и Стаса. Может, для Марии это и было весёлой забавой, но для него всё было серьёзно и он был намерен жениться на Акулине Баяновой, ведь она так идеально ему подходила.

В итоге все оставшиеся рабочие дни для Романа пролетели в ожидании рок-фестиваля. Ещё учась в университете, он просто обожал байки и рок, и даже был главарём одной из компаний байкеров. Но то время ушло и теперь его байк пылился в гараже, как и соответствующая образу одежда. Но пару месяцев назад ему позвонили друзья и предложили пойти на фестиваль и он не отказался. Даже прикупил себе одежду и привёл в порядок байк.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Для Романа и его партнёра Степана эта вылазка должна была быть свежим глотком воздуха в рутине работы. У Степана была и ещё одна причина — он спасался бегством от свекрови, которая решила неожиданно нагреть и предупредила только за пару дней. Роман улыбался, вспоминая, как Степан Тимошкин умолял его взять с собой, лишь бы не встречаться с "этим корнем зля всего человечества". В общем, все сжалились и решили взять с собой Степана, лишь Михаилу было всё равно, потому как он был всё ещё огорчен уходом от него любимой девушки. Мало кто понимал муки Игнатьева, но он действительно страдал.

Наконец, этот день настал. Компания из пяти человек в лице Романа, Степана, Михаила, а так же ещё двух парней Дмитрия и Макса оседлала свои байки, и двинулись на фестиваль. Настроение у всех тут же улучшилось, когда они довольно быстро добрались до стоянки. Было жутко жарко, особенно с тяжёлыми рюкзаками на спине, в которых были спальные мешки и вещи первой необходимости. Но у Дмитрия нашёлся знакомый в

администрации, который взял вещи парней до того момента, как они понадобятся.

До вечера настроение Романыча омрачилось лишь однажды, когда Степан сказал, что, кажется, видел девушку, похожую на Акулину. Именно похожую, потому как эти двое поверить не могли, что Баянова будет ошиваться в подобных местах. Тимошкин так же вскользь упомянул про очаровательную девушку из очереди, но Романыч особо не слушал.

Вечером парни стали отрываться по полной. Энергия толпы словно дала Городовому подзарядку, и он чувствовал себя свежим и обновленным. К темноте их компании удалось пробраться почти к самой сцене, здесь эмоций стало ещё больше и, закрыв глаза, Роман отдавался музыке молодых и в большинстве своём талантливых исполнителей.

Он отвлёкся, когда за дикими воплями толпы, приветствующими группу "Идеальная смерть" послышалась какая-то возня. На и без того не особо недовольного Михаила налетел какой-то парень и теперь явно завязывалась драка. Роман поспешил к компании, так как толпа успела немного оттеснить его. Степан и Макс вовремя схватили разбушевавшегося Миху, у которого явно чесались кулаки, а Дмитрий ставил на ноги того беднягу. Романыч застыл на месте, когда узнал этого самого беднягу.

Музыканты на сцене начали петь, а Романыч всё не оттаивал, теперь его взгляд уцепился в Акулину, зажимающую уши от громкой музыки. На её голове болтались какие-то ужасные косички кислотно-оранжевого цвета, поверх которых была повязана бандана. Он, наверное, серьёзно обо что-то приложился, раз ему чудится такое!

Но вот нелюбимый им Стас-унитаз рванул к девушке и прижал её к себе. Михаил всё продолжал вырываться, но друзья Романа крепко его держали. А Городовой тем временем заскользил взглядом по людям, находящимся неподалёку. Разумеется, она была здесь. Вот и знакомая рыжая макушка. Тело Марии покачивалось в такт музыке и разъярённый как бык Роман рванул к девушке и тронул её за плечо. В нём бушевал настоящий пожар гнева. Обманула, чертовка! Хотя чего он ожидал? И этих бедняг сюда притащила, чтобы помучить, они же оба ненавидят такую музыку, он даже об увлечениях её ненаглядного хлюпика Стаса знал...

Мария повернулась к нему с таким видом, словно была готова лишиться его детородного органа. Но так как он был выше, её взгляд упёрся ему в грудь... вот её синие глаза скользнули выше и когда их взгляды встретились, лицо девушки переменялось. Черты тут же вытянулись, рот беззвучно открылся, синие глаза стали огромными.

— Маша, — её имя он произнёс вместо тысячи ругательств. Девушка почти вздрогнула и перевела взгляд за его спину. Глаза стали ещё больше. Он почти улыбнулся её реакции, но прервал себя. Ей был противна его улыбка, ещё бы, он так редко улыбается, вряд ли у него вышло бы что-то симпатичнее оскала. Вот взгляд её необыкновенного цвета глаз снова вернулся к нему, неожиданно лицо Машки стало совсем по-детски невинным, и она выпалила:

— Эм...теперь я вижу, что не только ты в детстве упал в чан с "Растишкой", у тебя друзья такие же бугаи!

От переполняющего его напряжения Романыч хотел истерически расхохотаться, но удержался. Нет уж, он прочит эту чертовку, непременно. Парень слегка скосил взгляд в сторону Акулины и Стаса. Они наблюдали. Но даже если бы и не наблюдали, он всё равно бы это сделал, просто затем, чтобы прочить её...ну и потому что ему этого всё-таки хотелось.

Роман склонился к девушке...

***

Знаете, я ожидала какой угодно реакции на свои глупые слова... Ну не знаю, казнь через повешенье, или поток ругательств, но никак ни этого. Видимо, когда Романыч в бешенстве, он лезет целоваться. И вот... этот Японский Городовой склонился надо мной, по-хозяйски притянул к себе и поцеловал. Ух, пожарище! Блин, вот бы он почаще в бешенстве был...

В общем, я не заметила, как мои пальцы скользнули на его широкие гладкие плечи. Ох, вот это мускулы! Ага, а вот и спина... Так она ещё лучше! Ой, стопэ, я чего это, руки ему под майку засунула? Маша, стой, а то авось ещё ниже проберёшься...

Целовался он очень страстно, а я и не заметила, что сама намертво прилипла к нему и от греха подальше убрала руки от его тела и сдёрнув с его головы чёртову бандану, принялась перебирать его волосы. Ай да Рома!

За страстным поцелуем я уже и забыла про каких-то там мальчишек на сцене, которые мне вроде бы нравились... Короче я пришла в себя только тогда, когда услышала крики толпы "Молодцы", причём не близлежащих людей, а вообще ВСЕХ!

Я прервала поцелуй, продолжая обнимать Романа и перевела взгляд на экран... И покраснела как тухлый помидор. Ни фига себе! Да наш поцелуй как раз пришёлся на перерыв между песнями, моя любимая группа всё ещё стояла на сцене и все смотрели на нас и улыбались. А нас с Романычем транслировали на двух огромных экранах.

— Ребята! Мы рады, что наша музыка пробуждает в вас такие чувства! Любите друг друга! — заревел в микрофон Рей и толпа ободряюще откликнулась. А мне неожиданно стало так стыдно и я, истерически смеясь, сложила ручки на груди Романыча и уткнулась в них. Он прижался сильнее, наклоняясь к моему уху.

— Ты чего творишь? — улыбаясь, прохрипела я. Вот это приключение я понимаю! А как, наверное, мы Стаса с Акулой позлили, а?

— Наказываю одну прощмандовку, — прошептал он, я чётко слышала, что голос у него улыбается. Нет уж, не буду смотреть, а то совсем голову потеряю. Момент получился очень интимным, несмотря на то, что мы были окружены многотысячной толпой...

Я выскользнула из объятий Романа. Толпа уже переключилась на группу. А Рей меня всё-таки заметил! Правда с другим парнем, но заметил... Ох, ещё раз расцеловала бы Ромку за такой подарок! Но я всё-таки злилась. Чего он себе позволяет? Лезет целоваться, когда не попадая и где не попадая. А как губы то горят, а как щёки-то горят, как всё внутри горит от знакомого чувства...желания.

Постаравшись прийти в себя, я посмотрела на обнимающихся Акулину и Стаса. Ну вот, теперь хоть оба не лыбятся как идиоты, а смотрят ревниво, не замечая взглядов друг друга. Как ловко вышло! Только вот радости никакой...

Я взглянула на друзей Романа. Вот если бы на этих парней в образе мачо-байкеров мне пару часов назад показали и сказали, что это друзья Романа Городового, я бы показала тем полоумным дорогу, ведущую в сумасшедший дом. А теперь этот великанище стоит передо мной и отлично вписывается во всю эту компанию. Весь такой высокий, статный, в чёрной обтягивающей майке... Вот это фигура, пора покупать слюнявчик, такая концентрация красавчиков в округе! Так вот... в обтягивающей майке, цепях, бандане, которая снова у него на голове, в крутых штанах и ботинках... В общем помолодел лет на пять не меньше и такой... привлекательный. Правда лицо всё такое же серьёзное, но не такое чопорное. Вот без костюма и загар виден, и руки большие и сильные... Я нервно сглотнула.

— Маша, а ты не говорила, что Рома тоже будет! — удивлённым и всё ещё огорчённым

голосом проорала Акулина. Слышимость была нулевая, но я услышала. Мы сбились в тесный кружок, чтобы было слышно друг друга.

— А это был сюрприз! — воскликнул Романыч, взглядом заставляя меня задохнуться. Зол и ещё как! Я тоже дурочка, ну вот чего я про свой план ему не рассказала... Стоп, а что он тут делает, если я ничего не рассказывала? Акулина узнала куда мы едем в последний момент, а потом у меня на виду была, телефон в руки не брала. Это что же получается, он тусить сюда пришёл? Вот это нежданчик!

— Очень приятный сюрприз, — ворковать и орать одновременно оказалось трудно, но, кажется, я справилась.

— Ещё раз здравствуй, милая, — кивнул он, взгляд был всё ещё злым. Да чего так злиться-то? Ну что я такого сделала? Он тоже хорош, специально спросил меня про этот фестиваль, чтобы со мной тут не встретиться и не обличить свою истинную натуру! Он оказывается байкер! В тихом омуте байкеры водятся. А вот интересно, у него и байк есть? Если байкер настоящий, то должен быть.

— Первое приветствие мне понравилось больше, — я многозначно подмигнула Роману, тот старался убивать меня взглядом не так очевидно.

— Мария! Какая приятная встреча! — Михаил снова стал адекватным и даже извинился перед Стасиком. Эх, надо было ребятам позвонить его отметить, может мозги бы вместо встали и он понял, что я ему судьбой вся такая прекрасная предназначена.

— Не то слово, — улыбнулась я. Новый знакомый Степан смотрел на нас с Романом в недоумении. Так, кажется, мой соратник не посвятил в дело своих друзей. Ну и отлично. Только как бы не проколоться перед нашей парочкой, которая вон как внимательно глазки поставила и всё зырит...

В итоге, постояв ещё минут десять, познакомившись и пояснив, кто есть кто, мы решили убраться в место потише, тем более что программа этого дня подходила к концу. Ребята оказались запасливыми и притащили с собой спальные мешки и принадлежности для костра, так что, наплевав на пожарную безопасность, мы нашли себе клочок земли недалеко от стоянки и принялись пировать. Я, дабы Романыч снова не смог меня наказать, отползла от него и устроилась между Степаном и Михаилом, показав Японскому Городовому язык.

Ещё два друга Романыча оказались приятными типами, звали их Дмитрий и Максим, клички называть не стали. Ещё я долго у них вымаливала сказать, какая же кличка была у Романа, но они сказали, что это военная тайна. И всё бы ничего, если бы когда все устали и решили пойти спать, Акулина взяла и не сказала:

— Маша, а может вы с Ромой вдвоём в машине будете спать, а мы займём его спальный мешок. Он большой, мы со Стасом без проблем поместимся, — я, в это время поглощавшая вторую шоколадку, подавилась фундуком, прокашлялась и перевела взгляд на Романыча, который испортил мне весь план. Ох, в тесной машине, я бы непременно прижалась к Стасу и... Я посмотрела на Городового и с тоской признала, что мне хочется прижаться к нему больше, чем к Матросову.

— Хорошая идея, — кивнул "мой" парень. Мда, будь она хорошая, ты бы не выглядел как памятник самому себе, каменный, недовольный. А мне страшно стало. Да он меня во сне задушит за такую самостоятельность.

Но в итоге всё равно на том и порешили, и я обреченно поплелась на стоянку, а Романыч следом за мной. Шли молча, когда пришли, я поняла всю опрометчивость решения оставить машину рядом с будкой со сторожевыми ротвейлерами. Эти зверюги лаяли на всю

округу и явно не собирались замолкнуть. Ночка будет весёлой.

Кое-как обойдя стражей, я влезла в машину и опустила сидения. Потом со скептицизмом взглянула на Романыча. Ларка, конечно, иномарка вместительная, большая, но я что-то сомневаюсь, что Городовому удастся комфортно поспать... Хотя чего я о нём беспокоюсь? Мне-то зашибись будет!

Молчание продолжалось пока мы не легли. В машине душно было. Окно открывать нельзя — собаки брешут как ненормальные, а так хоть немного глушит звук. В общем, спустя три минуты я поняла, что мне этой ночью не уснуть. Ещё и он лежит совсем рядом, весь такой пышущий жаром и отлично целующийся... Мне конечно только Стасик нужен, но мысли иногда совсем не те проскакивают.

— Ладно, можешь ругаться, — проговорила я, глядя в потолок.

— Зачем? — зевнул он.

— Ну как? Я же такая плохая, занялась самодеятельностью, повезла этих двоих на рок-фестиваль, а тебе не сказала...

— Очень плохая. Зря ты мне не сказала, я бы тебя отговорил. Зачем ты этих бедняг помучить решила, они же оба ненавидят такую музыку, — его слова в тишине машины прозвучали как гром среди ясного неба. Я так подскочила, что ударилась коленками о руль, а головой об потолок.

— Да Стас обожает рок-музыку! — не согласилась я. — Ну, по крайней мере, так три года назад было...

— Ага, а ещё Валерия Алексеевна три года назад ненавидела розовый цвет и Максима Галкина, — хмыкнул Романыч. В точку. Я обессилено опустилась, поворочалась, в итоге легла на правый бок, повернувшись к нему. Со стороны выглядело так, будто бы Городовому очень и очень удобно лежать.

— Ром, а как вы с Акулиной расстались? — вопрос мой прозвучал тихо и серьёзно. Городовой повернул ко мне красиво-вылепленное лицо, его глаза в ночи казались совсем тёмными.

— Мы встречались полтора года. Ей было шестнадцать, когда мы познакомились, мне двадцать два. Вначале всё было прекрасно. Уля мыслила старше своего возраста, и мне было с ней хорошо. Но потом я закончил университет и решил начать своё дело. И как оказалось, несмотря на то, что она казалась старше, ей было всего семнадцать и ей не хотелось иметь парня, помешанного на работе. А я лишь хотел устроиться в жизни, но, наверное, перестарался и в итоге я остался один, — он чуть хмыкнул. А Акулина после его монолога показалась мне сущей ведьмой.

— Потерпеть не могла, овца, ты же для неё старался, — пробормотала я, а потом подумала, что вообще такое говорить для меня несвойственно. Я к мужчинам относилась скептически, к трудоголикам тем более. Но, наверное, то, что нас с Романычем объединяла общая цель, заставило меня посочувствовать ему. Или может потому что он мне нравился?

— Спасибо за поддержку, но она была права. Женщины не могут быть на втором месте...

— Такая как я, не смогла бы — ты прав. А для Акулины и пятое сойдёт, — я рассмеялась, а со стороны Романа послышался... смех? Смеялся он тихо, но мне этот звук понравился.

— Ну а как у вас со Стасом так вышло? Дай предположу... не вынес твоего характера? — спросил парень, когда наступила тишина.

— У нас отношения были спокойными, текли мирной рекой целый год, а потом мы одновременно поняли, что они сошли на нет, — я немного подумала, но решила сказать правду, — Он бросил меня.

— Почему ты так за него держишься? — не хотелось отвечать на этот вопрос. Тем более, кажется, он его уже задавал и я умело ускользнула. Но вдруг я решила быть честной:

— Он единственный мужчина в моей жизни, которому я более или менее доверилась, — прошептала я, да, единственный, после ухода моего биологического отца... Как бы я не любила отчима, он был мужчиной и я не могла ему верить.

— Маша, тебе всего двадцать, у тебя таких будет ещё...

— Нет, Романыч, тут ты ошибаешься. Я не верю мужчинам, я чувствую себя... некомфортно, словно мне в любой момент готовы воткнуть нож в спину. Я вообще мало кому верю, — да, и уж не знаю, чего так распинаюсь перед тобой. Но этот парень почему-то внушал мне доверие, его серьёзное лицо и внимательные каре-зелёные глаза.

Наверное, приняв мои слова на свой счёт, Роман сказал:

— Давай-ка спать, нам ещё завтра одну парочку надо поссорить, а я так устал, — в доказательство он зевнул, потянулся и задел мою грудь своей ручищей. Я почему-то вспыхнула краской, а тело вспыхнуло огнём и стало нечем дышать. Я смутилась, но виду не показала и злобно прошептала:

— Интересно, ты когда в последний раз по-настоящему отдыхал? — вопрос был, можно сказать, риторический, но Романыч неожиданно ответил.

— Не помню...сегодня, — сколько усталости и печали в голосе. Я снова опрометчиво резко присела, и снова моей голове досталось от потолка. Ларка! Ты так меня без мозгов оставишь!

— Ром, а развлекался? — ох, чего же ты делаешь Машка, никого к себе не подпускаешь, а к этому почему-то странно тянешься...странно тянет к нему.

— Ну...

— Вот блин, — офигела я. Потом чуть поразмыслив, улыбнулась, аккуратно села и подняла сидение, — Садись, Романыч, — командно заявила я, поворачивая ключ зажигания.

— Зачем? — ему явно хотелось спать, но ничего, потерпит.

— Ну, хочешь, как покойник поедешь, мне всё равно.

— Куда ты хочешь меня отвести? — подозрительно спросил он.

— Уж не на кладбище, не волнуйся, — рассмеялась я. Да, на кладбище рано, вон какой живой! Тело горячее, кожа...а губы...Так, соберись! Не успела Стаса получить, а тебя уже налево тянет? И вы с ним в деловом соглашении считай. И чтобы я, нуждалась в мужчине? Ага, щас!

— Маша, — ух, какой повелительный глубокий голос.

— Мы едем развлекаться, дубина. Развлекаться! Может ещё раз повторить? И не смей возражать, я уже всё решила! — и в доказательство я пристегнула ремень и начала трогаться. Вот так. Роман молча сел, привёл сидение в подобающий вид и выглядел серьёзным-серьёзным, но в глубине его глаз я уловила заинтересованность...И почему-то увидев её, я почувствовала себя счастливой. А если он улыбнётся...

5 ПРОГУЛКА или СВОБОДА

— Маш, а ты уверена, что это хорошая идея? — шепотом с большой долей скептицизма спросил Роман. В данный момент мы находились возле не особо высокого забора, представляющего собой железную сетку, натянутую между деревянными столбами, и наблюдали за большим огородом. Лучший способ развлечься — это воровать клубнику или яблоки в деревне. Я, как главный мародёр деревни Лоскутки (у меня там прабабушка жила), прекрасно знаю, какой кайф от этого можно получить. Главное, чтобы не застукали, а то без черепно-мозговых не обойтись.

— Это прекрасная идея! — возмущённо воскликнула я, а потом, стараясь не хохотать, заткнула себе рот ладонями. Вот дура! Минуту мы простояли в тишине, лишь слышался лёгкий шелест берёзы под окном и трель сверчка. Фух. Пронесло. В деревню мы заехали первую попавшуюся, которую я проезжала вместе с сектантами по пути на рок-фестиваль. Деревушка небольшая, две улочки и явно живут одни старички. Воровать много мы, конечно, не собирались, весь кайф в процессе и адреналине.

— Не уверен, — ох, нахмурился так, что из-за падающих теней и глаз не видно. Я лишь вздохнула, но от цели не отступилась. Нет уж, я Ромку заставлю хохотать и улыбаться!

— Ром, ну давай, а? Это же так весело! — и в доказательство я принялась взбираться по сетке. Получилось не очень, потому как от моего веса она тут же прогнулась и я стала похожа на мушку, повисшую на паутине или расплюснутую на лобовом стекле авто. Сзади послышался тихий смех, и я осталась довольна. Можно для разнообразия побыть клоуном, я непротив.

— Давай помогу, несчастная. И когда ты последний раз это делала? — руки Романа легли на мою талию, и он без труда отлепил меня от сетки. Правда моя ненаглядная майка, да простит меня группа "Идеальная смерть", зацепилась за какой-то крючок, и на этом многострадальном заборе остался порядочный кусок ткани. Ну вот, теперь у меня декольте появилось!

— Лет в десять, наверное, — усмехнулась я, завязывая в узелок порванную ткань.

— И наверное забыла, что улики оставлять нельзя, — Романыч отлепил кусок ткани от забора и протянул мне. Я гордо подняла голову и попыталась ещё раз преодолеть преграду. Блин, был бы забор нормальным и деревянным, а не выродком, как этот, я бы без труда его перелезла! Городовой мне этого сделать не позволил, положил свою лапищу мне на плечо и заставил остановиться.

— Пусти, гадина, я его обязательно перелезу! — я повернулась и злобно на него взглянула, — И без чьей-либо помощи!

— Слишком гордая, чтобы принять помощь от мужчины? — от того, как он иногда угадывает мои мысли даже не по себе становится.

— Слишком горда, чтобы принимать помощь вообще! — я дёрнула плечом и снова стала изучать сетку. Так, мы подошли к этому совершенно неправильно. Я чуть прошла вперёд и наткнулась на деревянный столбик, который удерживал сия конструкцию. Я победно потёрла ладошками. Помощь? Ага, щас!

В итоге, через десять секунд я уже стояла на сухой земле огорода. Интересно, тут вообще чего-нибудь поливают? Наверное, тут живёт старенькая бабулечка, которой нужно

помочь. А возможность таковая имелась. Мои глаза тут же уцепились в подозрительный шланг, он наверняка присоединен к какой-то ёмкости!

— Ты куда? — зашипел на меня Романыч, которому, кажется, этот забор был не по зубам. В душе я позлорадствовала, не такие уж и всеильные, эти мужчины.

— Помогать людям! — гордо прошептала я и уже без опаски потопала в сторону шланга. Один раз я обернулась через плечо и тут же замерла. Мда, и как я могла сомневаться в физических способностях этого Японского Городового? Да с его ростом он мог бы просто перешагнуть этот забор! Но тут перепрыгнул его как заправский жеребец.

Наконец, я добралась до заветного шланга. Только вот зря я его открыла поблизости от Романыча... Хотя почему зря? Очень даже весело было наблюдать за промокшим насквозь парнем, а струя угодила ему прямо в грудь. Я в голос расхохоталась. Только вот затихнуть не получалось. Городовой был похож на мокрого кота, одежда облепила его тело и можно было разглядеть некоторые мышцы при лунном свете. Ну а я всё ржала, особенно презабавным было выражения лица парня. На нём смешалась ярость и смех. Как так уж не знаю.

Неожиданно всё вокруг посветлело. Я обернулась и увидела, что в окне прямо напротив нас загорелся свет. О-па, а тут же надо уносить ноги. Не удосужившись выключить шланг, я бросилась наутёк. Правда мои кеды тут же проскользили по недавно образовавшейся грязи и в этот же момент и я уже валялась в этой грязи. Смех Романыча не заставил себя долго ждать, только вот, увы, посмотреть на парня мне не удалось, больно я была занята тем, чтобы выбраться. Руки и ноги скользили в грязи и я была похожа на мушку в молоке.

— А ну стоять, черти проклятые! — это послышалось из открытого окна. Послышался какой-то пшик. Ой! Газовый балончик! Хорошо, что я успела отбежать подальше.

— Бабуль! Мы только вам огород полить хотели! — мне к этому моменту удалось встать на четвереньки. Романыч, всё ещё угорая, решил надо мной сжалиться, подбежал и, схватив за руки, поднял как куклу, из меня со свистом вышел воздух, но я продолжала смеяться, как и Ромка. Ну вот наконец я нашла секундочку, прежде чем мы сорвались с места, и взглянула ему в лицо. Я любовных романов за всю жизнь прочла немало, признаюсь, но ноги у меня как в книжке подкосились от его лица. Это был совсем другой человек, я никогда не видела, чтобы улыбка ТАК преображала чье-то лицо, и чтобы чей-то смех заставлял меня улетать в небеса, радуясь. Он бы похож на маленького мальчика, такого радостного и...

В общем, я не выдержала и потянула руки к его лицу, вот мои пальцы коснулись его ямочек, смеяться он перестал. А я как замороженная идиотка всё всматривалась в его лицо и хлопала огромными от восторга глазами.

— Проваливайте отсюда, мародеры! — в нас полетела книга, а потом ещё одна. Я всё-таки оставила лицо Романа в покое и на месте моих прикосновений у него остались смешные пятна от грязи. Мы сорвались с места и уже через пару минут добежали до машины. У меня болел живот от смеха, Роман тоже начал хохотать, глядя на меня. Мда, а выглядела я ещё как круто... Вся грязная, с головы до ног, даже в Ларку лезть стыдно! У Романыча было испачкано только лицо и то чуть-чуть, но зато вода с него текла как из ведра.

— Грязнуля, — немного проржавшись, заявил он. И снова эта улыбка. Но я уже начала привыкать, ноги вроде не подкашивались.

— Очень смешно, — я попыталась не улыбаться, но не получалось. Если постоянно буду улыбаться, то через год стану похожа на ту старушку из окна!

— Не то слово. Куда теперь? — ох, даже не знаю, как описать то чувство, которое

возникло у меня после этой его фразы. Восторг и чувство полёта. Я сделала из этого буки весельчака! Хотя сделать такое невозможно. В душе он любит веселиться, но не делает этого...

— Не знаю как ты, но я в свою Ларку в таком виде не сяду, — я любовно взглянула на машину, фары которой недовольно мигнули, когда я снова поставила её на сигнализацию.

— Мда, я умру от смеха, если ты немедленно не помоешься, — Роман кашлянул в кулачок, но я точно знала — угорает.

В общем, мы поплелись вдоль деревни. Я, похожая на пугало и Романыч, похожий на ребёнка-великана, лыбящийся так, словно выиграл в лотерею миллион. Шли мы шли, пока на другом конце деревне не нашли реку. Прошли вдоль русла, ушли, наверное, на километр от деревни и нашли пляж за кучей колючих кустов. Я, не капли не стесняясь, сбросила кеды, футболку и шорты, оставшись в нижнем белье. А что? Тот же купальник, и если я засвечусь перед Ромкой в трусиках и лифчике развратницей я себя не почувствую. Да и если на то пошло, то уж лучше быть чистой развратницей, чем грязным чучелом.

— Не боишься, что тут могут быть пиявки? — Роман с любопытством заглядывал в воду, не замечая моего стриптиза.

— Плевать, тем более пиявки — это полезно, — я старалась скрыть сомнение в голосе. Так, а теперь надо волосы распустить, а то и им тоже досталось. Когда я шагнула в воду, то, наконец, удостоилась взгляда Романыча. После него раздеваться до белья не показалось мне такой уж хорошей идеей. Не то, чтобы он как-то по особенному на меня взглянул, нет... просто одно то, что он уже увидел меня в таком виде, у меня в животе чего-то там ёкнуло.

— Присоединяйся! — воскликнула, с головой уходя в воду, хорошо хоть река глубокая была. Когда я вынырнула, Романыч уже избавлялся от такого ненужного туалета, как джинсы. Я поспешно отвернулась от его тела, на котором не виднелось кубиков или чего-то там ещё, но выглядело очень подтянуто и...сексуально.

Я нашла место помельче, встала на ноги и принялась оттирать грязь. Ещё бы одежду не помешало выстирать, но сохнуть будет всё-таки долго, а так можно будет слегка потереть влажными руками пятна и...Ой, а чего-то Романыч так близко подплыл?

— Чего тебе?

— Спинку не потереть? — услужливо осведомился он, улыбаясь. Ну хватит улыбаться, я могу и привыкнуть...

— Нет, — прошептала я, переставая растирать тело. Выглядела я наверное потрясно с поплывшим макиажем...Хотя какая мне разница, как я выгляжу? Я всегда наряжалась только для себя.

— Что с голосом? — подозрительно поинтересовался Романыч. Ну уж нет, Машка, у вас с ним деловое партнерство. Не больше. Вот только не знаю почему, но я шагнула ближе к нему, дотронулась прохладными пальцами до обнажённого плеча, провела рукой по шее, коснулась лица, а затем постепенно исчезающей ямочки.

— Ром, улыбайся чаще, пожалуйста, — я неуверенно улыбнулась, запустила пальцы обеих рук ему в волосы, он чуть расслабился и его рука потянулась к моему лицу, тёмные глаза сосредоточенно и с силой смотрели на меня. Ох, мамочки...какая дрожь по телу. В общем, я решила спасти ситуацию, благо мои руки в его волосах и его расслабленное состояние поспособствовали этому, я подпрыгнула и с силой стала опускать его голову вниз. Но Городовой не растерялся и потянул меня за собой, в итоге мы оба оказались под водой. Это быстро привело мои мысли в порядок.

После вот такого весёлого купания мы выползли на берег, я принялась тереть пятна на своей одежде. Получив удовлетворение от результата, я повесила одежду на корягу и стала зябко перебирать ногами. Ох, чего-то прохладно, как бы не заболеть.

— Замёрзла? Держи футболку, она почти высохла, — тихо бросил Роман, который уже натянул на себя джинсы. Я с благодарностью нацепила почти сухую футболку, не сказать, что было уж очень тепло, но теперь я хотя бы не была полуголой.

— Пойдём навверное, одежда по дороге высохнет, в машине хоть отогреешься, — не спрашивая никакого там элементарного разрешения, Романыч схватил мои влажные шмотки и, обняв за плечи, потянул в сторону.

— Дай хоть обуться, — от такой заботы стало не по себе. Ненавижу, когда обо мне заботятся. Вот ненавижу.

Только я выпрямилась после того, как влезла в кеды, как рука парня снова обняла меня за плечи. Вроде и ничего такого в этом жесте, но так и хотелось прижаться к нему поближе, вдохнуть его запах, прикрыть глаза и расслабиться... Рядом с этим парнем так и хочется быть слабой женщиной. Но вместо этого я тут же ошетибилась, вырвалась из объятий и пошла в сторонку, с подозрением поглядывая в сторону парня.

— Дикая кошка, — улыбнулся он, но больше руки распускать не стал. А я, прижав мокрые шмотки к груди, снова начала трястись от холода. Ну, скоро мы там уже и до Ларки дойдём? А то у меня уже зуб на зуб не попадает!

Пришли быстро, стоило мне только увидеть вдалеке силуэт своей машины, как я бросилась бежать. Моя девочка весело подмигнула фарами, когда я сняла её с сигнализации, и ласково замурчала, когда я завела мотор. Печку я тут же врубила на полную, заползла на сидение с ногами и уменьшилась в размерах, навверное, раза в три. Романыч присоединился не сразу, пару минут он стоял снаружи, пока я не опустила стекло и не посоветовала ему залезть внутрь, потому как он, стоя на улице, непременно что-нибудь, да отморозит. Хотя чего это я так беспокоюсь о некоторых частях его тела...

— Ой, как хорошо, — причитала я, когда парень сел в машину. Почему-то выносить его мужественность мне стало всё труднее. Надо смотреть правде в глаза: Романыч очень привлекательный мужчина. Высокий, статный, с по-мужественному красивым (не путать со смазливый!) лицом, сексуальным подтянутым телом, несмотря на отсутствие явных кубиков и т. д., крепкими...ногами. А если улыбнётся, то все эти два метра красоты становятся просто невообразимо прекрасными.

— Как бы ты не разболелась, — он откинулся на сидении, внимательно разглядывая меня. Я тут же вспомнила про тонну макияжа, которую наложила на себя утром, посмотрелась в лобовое зеркало. Как ни странно, от этой самой тонны и грамма не осталось, лицо моё было чистым, волосы приятно волнились, несмотря на то, что их не расчёсывали, выглядели прилично и обрамляли чуть бледное лицо, глаза у меня были огромными как у испуганной лани. Вот тебе и Маша, гроза мужчин, сейчас похожа на испуганного котёнка.

— Ничего, у меня здоровье крепкое, так что засунь свою жалость куда подальше, — и я стервозно расхохоталась, собрав волосы в высокий конский хвост. Хватит, Машка, он уже вдоволь насмотрелся на слабенькую тебя, пора возвращаться к прежнему. И чего я вообще так над ним сжалилась? Вздумала развеселить этого трудоголика и показать ему, как это, развлекаться. Но, несмотря на все противостояния мозга, маленький колотящийся камушек в груди, который когда-то был сердцем, говорил мне, что этот человек мне не безразличен, несмотря на то, что я знаю его так мало.

— Мария, это называется забота, — хмыкнул он, отворачиваясь к окну, — А впрочем, я сам не знаю, что это. Так что давай, наверное, поедем назад...

— Ну уж нет! Как, по-твоему, я в таком виде буду Стасика соблазнять? — я демонстративно растянула футболку парня, на мне она сильно весела и была длинной, а я девушка крупная, всё-таки.

— По-моему очень даже соблазнительно, — он пробежался по мне взглядом, а я смутилась как восьмиклассница. Вот блин! Типун ему на язык! — В смысле для Стас-унитаза.

— Я так и подумала, — активно закивала я, а потом нахмурилась, — Как ты его назвал?

— Стас-унитаз, — спокойно бросил Романыч. Я расхохоталась.

— Славная у них парочка... акула и унитаз, да уж, — я лишь покачала головой.

Ещё немного постояв на месте, я выключила печку, а потом машина тронулась с места. Не знаю как Ромка, но я планировала съездить в город, времени у нас ещё было много, а мне необходимо было привести себя в порядок.

— Куда едем? — спросил меня парень после продолжительного молчания, когда мы проехали мимо фестиваля.

— В город, мне нужно привести себя в порядок! — отрезала я.

— Женщины, — только и хмыкнул парень, но возражать не стал.

По дороге мы обсуждали какие-то нейтральные темы. Романыч, как ни крути, был всё-таки не таким скучным, как мне раньше казалось. Он мог и пошутить смешно, и на серьёзные темы поговорить. В общем, я всё больше проникалась той мыслью, что он мужчина ого-го. И меня всё беспокоил вопрос, почему Акулина его кинула? Ну, работал парень много, могла бы и потерпеть, это же он ради неё...

Я поняла, как жутко устала, только после того, как перешла порог своей квартиры. Романыч тут же с любопытством принялся разглядывать моё жилище.

— Ты как хочешь, но я пошла в душ, и переодеться надо, — проронила я, буквально ползком направляясь в сторону ванной комнаты.

— У тебя поесть чего есть? — кому что!

— Обижает, я прекрасно готовлю, — наверное, это прозвучало слишком невинно, потому что Городовой с подозрением покосился в мою сторону. А вот тут я не соврала, готовила я отлично, правда редко, но всё равно за что бы я не взялась, даже если я делаю это блюдо в первые, то получается пальчики оближешь! В этом с моим брателло мы вечные соперники, кто кого, как говорится, переготовит.

— Посмотрим, — хмыкнул парень и удалился в кухню.

— Ты выбирай: помирать с голоду или от еды, — зловеще рассмеялась я, наконец, добравшись до ванной. Оттуда я не выходила добрых полчаса и сама очень сильно проголодалась. Зато теперь я была чистенькой и благоухающей, волосы я решила пока не сушить, уж очень мне понравился их естественный вид.

Закутавшись в банный халат до пят, я вместе с паром вывалилась из ванной и тут же направилась на кухню, дабы подзаправиться. Мы оказались горе ворами и так как лишили себя удовольствия покушать клубнику, пришлось довольствоваться вчерашним рисом и жульеном, которые Романыч, к слову, уплетал за обе щеки.

— Ну как, чувствуешь, как жизнь уходит из тебя? — со смехом спросила я, облокотившись на дверной косяк. А вот интересно, когда в последний раз мужчина сидел на моей кухне и ел приготовленную мною еду? Да никогда!

— О да, — довольно закивал Ромка, — Это слишком вкусно, чтобы быть правдой, наверное, я уже умер, — он хотел рассмеяться, но остановился, так как рот у него был набит.

— Поделится бы, бугай, чай я тоже не на диете, — пробормотала я, присаживаясь рядом с ним. Парень даже не удосужился выложить еду на тарелки, зато подготовил мне вилку и мы, болтая, стала уплетать еду. Чувствовала я себя удивительно легко. Понимаете, когда рядом со мной находится представитель мужского племени, я вся как на иголках, мне постоянно хочется их уколоть и показать какая я крутая, что я лучше и сильнее. А тут всё по-другому. Рядом с Городовым мне легко и почему-то не хочется выпендриваться или что-то в этом роде. И если уж совсем честно... То сейчас в банном халате, с растрёпанными волосами, без косметики и язвительных слов на языке, это была самая настоящая Маша Табелева, без бзика по поводу мужчин. И это страшно пугало.

— Если честно, мне туда возвращаться не очень хочется, — я покосилась на часы. Начало четвёртого.

— Почему? — тихо спросил Рома.

— Не знаю, — пожалала я плечами, — Эта затея с рок-фестивалем какая-то дурная была. Чего я хотела добиться? Они оказывается оба ненавидят такую музыку, а я хотела произвести на Стасика впечатление крутой рок-дивы, при виде которой у него бы челюсть отвалилась. Но видимо ему по вкусу тихие библиотечарши, носящие одежду на размер больше, чем надо...

— Если тебя это утешит, то ты свела с ума всех моих друзей и половину народа на этом рок-фестивале, — ободряюще улыбнулся Роман.

— Хах, всегда так... Стараешься зацепить одного человека, а цепляешь всех, кроме него, — я вздохнула, — Мне ведь Стас только и нужен...

— А ты уверена в том, что нужен, Маш? — парень облокотился на стол, серьёзно заглядывая мне в глаза. Ну что за глупые вопросы? Кто ещё мне может быть нужен, если не Стас, единственный мужчина, которого я как-то подпустила к своему внутреннему миру. Я покосилась на Городового, а может и не единственный...

— Конечно, уверена! — я вскочила с места, — Ладно, мне надо одеться, и поедem уже.

— Как им объясним наш помятый вид? — вздёрнул бровь парень. Я захихикала.

— Ну, мы взрослые люди, — томно прошептала я, — Скажем, что всю ночь в городки играли. Это же так очевидно! — я рассмеялась и удалилась переодеваться с каким-то странным скребущим чувством внутри.

Наместо мы приехали уже когда солнце почти выползло из-за горизонта. Место на стоянке оказалось свободным, и я даже удивилась. Хотя кто в такое время разъезжает? Заглушив мотор, я почувствовала, как сильно устала, глаза уже с трудом открывались, и я чувствовала себя в хлам пьяной.

— Ром, помоги мне с сидением, — просопела я, сворачиваясь калачиком на неразложенном сидении. Парень потянулся в мою сторону, чуть навалился на меня, достал руками до рычага и резко опустил сидение, да так, что я последовала вслед за спинкой, а Роман навалился на меня. Мы рассмеялись.

— Ой, ты тяжёлый, — улыбнулась я с полуоткрытыми глазами, непослушные пряди волос упали на лицо и Городовой поспешил откинуть их назад, не забыв погладить меня по щеке. Ой, какая же иногда приятная, эта, как её, забота...

— Это мягко сказано, — хмыкнул он. Не знаю зачем, но я потянулась к нему руками и обняла за шею.

— Ты так хорошо пахнешь, — вдохнула я, — Каким парфюмом пользуешься?

— Не знаю, мне коллеги подарили на юбилей фирмы, — проронил он мне на ухо. Представляю, как неудобно ему лежать, рычаг переключения передач на пару с ручником наверняка врезаются ему в живот, а может куда пониже. Но мне было всё равно, отпускать его совершенно не хотелось.

— Надо спасибо сказать этим коллегам, мне тебя съесть хочется! — Господи, чего только и не наговоришь в полусонном состоянии!

— Спи, Маш, ты утомилась сильно, — мне с трудом удалось сдержать вздох разочарования, когда парень привёл в горизонтальное положение своё сидение и лёг на него. А сон у меня вдруг как рукой сняло. Я почувствовала себя самым одиноким человеком на земле, даже руки затряслись, внутри вдруг стало так больно-больно... Словно отец ушёл только что, словно я совсем никому не нужна.

— Ром, — чуть ли не слёзно прошептала я, поворачивая к нему лицом.

— Что-то случилось? — видимо он разглядел выражением вселенской скорби на моём лице. Но я знала, что он мог мне помочь, знала...

— Обними меня, пожалуйста, — я задрожала ещё больше. Вот только в машине было тепло, я дрожала от внутреннего холода, вызванного одиночеством. В тот момент я чувствовала себя ничтожеством.

Парень не сказав ни слова, подвинулся чуть ближе на сидении, и раздвинул руки. Я тут же прильнула к нему, стараясь устроиться максимально удобно, и уткнулась лицом в его тёплую грудь. Его руки легки мне на спину, и я прижалась ещё теснее, немного потерявшись носом о его футболку. Теперь не так холодно, теперь внутри я чувствую, что не одна...

— Всё-таки ты классно пахнешь, — улыбнулась я, прежде чем провалиться в сон.

***

Всё-таки Мария, самая странная из всех девушек, которых Роман Городовой встречал за двадцать семь лет своей жизни. Не отрицательно странная, а как раз наоборот. С первого взгляда, как ему и показалось при первой встрече, очевидно, что она просто нахальная пустышка, кокетничающая направо и налево. Но при более близком знакомстве сразу угадываются черты сильной женщины, которая говорит то, что думает. Роман хмыкнул, наверное потому, что сначала говорит, а потом думает о том, что сказала.

Парень снова чуть сжал трогательно сопящую девушку в объятиях. Какой там сон! Стоило только вспомнить бессовестное раздевание Марии у реки, как места, которых она касалась своим телом пусть даже и через одежду, тут же загорались огнём. Да что говорить... Стоило Роману пообщаться с этой девицей, как внутри него слово загоралось маленькое солнышко. От Марии исходил такой заражающий позитив, что она заставляла улыбаться и радоваться даже такого умудренного сухаря, как Роман.

И какая она всё-таки незащитная, совсем ещё девочка. Но это только во сне. А в реальности и близко к себе не подпустит. Для Городового всё ещё был загадкой её неожиданно отчаянный, словно умоляющий взор и просьба обнять. Сильные люди часто одиноки, и видимо Мария не была исключением. Роман не знал, что чувствовала она рядом с ним, но он нехотя признал, что когда её хрупкие руки прикоснулись к нему, внутри него всё словно заполнилось теплом и нежностью, а может быть даже ещё чем-то, но в своих чувствах парень копать не пытался. Нет, Мария дикая кошка, которой не к чему безрадостный хозяин...

Да и почему он вообще задумался об этом? Он знает её всего ничего, но почему-то за

проведённое время вместе, Машка стала для него кем-то большим, не просто средством на пути к достижению цели. А об этой самой цели Роман в тот момент, когда они с Табелевой лежали в машине, совсем не думал. Все мысли занимала рыжеволосая бестия, которая свернулась на нём как маленький котёнок.

— Дикая кошка, — усмехнулся сам себе Городовой, прикрывая глаза. Машка чуток зашевелилась у него на груди, пальцы ощупали плечо, потом, видимо убедившись, что парень ещё рядом, девушка удовлетворённо вздохнула и снова мирно засопела.

6 СТРАННЫЕ МЫСЛИ или ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПУТЕШЕСТВИЕ!

Конечно, следовало бы упомянуть о том, как закончились выходные, но рассказывать особо нечего. Мы с Романычем настолько вымотались, что проспали до самого вечера, несмотря на зверский шум вокруг. Проснулись, умолчали о впечатлениях касающихся вчерашней ночи, за что, к слову, я была ему очень благодарна, и решили вести весь балаган по домам. Ромка ретировался, пообещав, что обязательно покатает меня на байке, а я, послав его словами "больно надо", весело улыбнулась, чмокнула его в щёку для публики и чего таить, для себя, укололась о щетину, послала куда подальше, но всё равно улыбалась как умалишенная. А союз Акулины и Стаса под натиском общего врага в лице рок-музыки только окреп. Всю дорогу я лишь вздыхала, но пару раз поймала странный, обнадеживающий взгляд Стасика. Всё-таки мои танцы даром не прошли.

К слову о танцах. Семь дней я работала как прокажённая. С двенадцати вечера до самого закрытия клуба танцевала как заведённая, в общем, спасали только энергетики и кофе. Босс была непреклонна и заставляла меня лихо отрабатывать прогулы, забыв о том, что у меня якобы болела нога... Да если бы правда болела, к концу недели и ампутация бы не понадобилась — сама отвалилась бы, несчастная!

В общем, за практически бесполезное враньё попало мне конкретно. Но радовало одно — на всю следующую неделю наш клуб тактично закрывался на ремонт. Ну, на самом деле кто-то кому-то пожаловался, видимо конкуренты, и все существующие и несуществующие городские службы, включая и прокуратуру, решили проверить наше заведение. Несчастной Елене Петровне предстояло всю неделю устраивать попойки для всех этих служб. Благо босс догадалась, что я не из тех девиц, которые готовы во благо клуб вилять филейной частью перед похотливыми мужиками, и освободила меня на целую неделю, с угрозой, что потом она меня будет по бешеному эксплуатировать. Но я особо не заглядывала в будущее, авось и клуб закроют? Я и не очень расстроюсь... всё равно лето к концу подходит.

Так что, учитывая незапланированный и очередной отдых, в воскресенье я припеваючи ехала на работу. Правда, события омрачали несколько факторов. Ну, во-первых, наше сотрудничество с Романычем не дало плодов... Союз Стаса и Акулины, казалось, стал ещё крепче. Так же к отрицательным моментам можно было смело причислить и то, что я показала слабость перед мужиком. Рома, обними меня! Тьфу, как вспомню — противно. Нет, в обжималках с Романычем ничего противного нет, даже наоборот... Вот поэтому и противно! Короче, я совсем запуталась, но всю неделю, несмотря на то, что я только танцевала и спала, Городовой у меня из головы никуда не девался, надо будет к нему в паспорт заглянуть, вдруг у него там место прописки значится как "Голова Табелевой Марии Александровны?".

Ой, чего-то меня от усталости совсем не в ту степь занесло.

Подъехав к месту работы, я припарковала Ларку на специально отведённом месте, проскользнула через служебный вход и направилась в гримёрку. Девочки уже работали во всю, в знак приветствия они мне только кивнули, ну а я принялась накладывать грим. В этот раз получилось особенно ярко, и меня было не узнать даже без маски. Волосы сегодня я решила оставить распущенными, лишь заколов пряди на лбу, чтобы не мешались. Мой

третий костюм был, наконец, готов. Состоял он из неизменных алых босоножек, которые скоро, наверное, от такой усердной работы протрутся до дыр, и платья. Красивое вышло платье, голой я выглядела бы скромнее. Впереди вроде бы и нормальное... Лиф плотно прилегал, ляжки не соскальзывали, оно шло складками бахромы и каждый раз цвет от жёлтого становился всё более насыщенным, переходя в оранжевый, а к низу, к середине бедра, становился ярко-алым и напоминал языки пламени. Зато вся спина, считай до филейной части, была открытой, и я чувствовала себя немного скованно.

Но стоило выйти на сцену, как это чувство прошло. Меня как обычно объявили и толпа радостно взревела. В кровь мне тут же ударил адреналин, и я поплыла в такт музыки. Я никогда не готовила танца, не разучивала движений или что-то в этом роде. Просто танцевала от души, и это было явно востребовано.

Как и всегда, не обошлось без инцидентов. Ко мне на сцену полез очередной поклонник, от которого я отшатнулась в сторону диджейского пульта, всё ещё танцуя. Правда поклонник даже и вторую ногу на сцену не закинул, подоспевший охранник уже снял его. Ну а я продолжила кружиться в танце...

Правда в этот раз я много думала. Как, в принципе, и всю неделю. Ни от новобрачных, ни от Романыча вестей не было никаких, а я уже было пришла к логическим выводам, что парень решил мне отплатить той же монетой и пакостить союзу этих сектантов в одиночку, но танцуя, мне неожиданно привиделся Городовой за тем столиком, где он и был в первый раз. Покрутившись на месте и двинувшись в тот край сцены, я ещё раз внимательно присмотрелась. Так и есть! Вот он, восседает как король! Чего-то там потягивая и с непроницаемым лицом смотрит на меня. Ну, я тебе сейчас устрою развлекаловку!

Музыка как раз способствовала моему решению. Она участилась и я, повернувшись к Романычу обнажённой спиной, принялась двигаться так, как никогда не двигалась. Ох, толпа просто взорвалась, так меня ещё не чувствовали! Парни чуть ли слюни на кулак не наматывали, а я лишь смеялась и продолжала танцевать, чувствуя на себе пронзительный взгляд.

Оттанцевав положенные три песни, я пошла на перерыв. Быстренько скользнула в свои вещи, состоящие из потертых джинсов, кеда и майки с капюшоном и пробралась в зал, где грохотала музыка и танцевал остальной состав танцовщиц.

Романыч был там же, где я его оставила. Вот только эту крашенную в ярко-красный цвет фурию с кривыми зубами я там не оставляла. А девица так томно склонилась к Ромке, пальцы с ногтями-лопатами заскользили над рубашкой парня... Мне показалось, или у меня от напряжения пломба из зуба вылетела?

Но я не растерялась, засунув скрипучее чувство куда подальше, подлетела к столику, резко отпихнула крашенную в сторону и без угрызений совести, томно улыбаясь, сиганула к Романычу на колени. Тот вроде бы и не возражал, только немного охнул и поудобнее устроился в кресле. Крашеная недовольно засопела.

— Привет, мурзик, пока я отходила, вижу, ты решил проигратся с метелкой? — невинным голосом спросила я, опустив голову на часто подрагивающую грудь парня. Смеётся гад, а я тут ревн... Хотя с чего такие мысли? Нет уж! Просто я не хочу, чтобы моего союзника слопала какая-нибудь бестия.

— Ну, знаете ли! — девицы как и не было, а я всё ещё жутко злилась и слезать с колен Романыча как-то не хотелось. Но когда я всё-таки попыталась это сделать, сильные руки тут же остановили меня. Я удивлённо, но без возмущения уставилась на парня.

— Пусти, — чёрт, мне сейчас показалось, или это прозвучало как "не отпускай меня ни за что, я просто кокетничаю!"?

— Зачем? — в том же духе проговорил Романыч. Нет, мне прижиматься к нему нравилось...подозрительно нравилось и целоваться с ним. Вот именно поэтому делать этого и не надо. Потому что нравилось не только телу, но и всему остальному.

В итоге, я всё равно слезла с Ромки и устроилась на соседнем кресле, скромно сложив ручки на коленях.

— С чем пожаловал?

— А что, я не могу просто так прийти...Развлечься? — и глазенки у него так таинственно блеснули.

— С кем это? — тут же насторожилась я. В ответ смех. Ой, неделю не видела, а я уже соскучилась по этим малознакомым, но таким милым ямочкам на щеках. — Ладно, ты ко мне или как? Просто мне скоро на выход... — я не удержала обреченного вздоха. Нет. Танцевать я люблю, но так много и на таких шпильках...ноги уже стали побаливать.

— К тебе, — кивнул парень, смотря поверх моей макушки. — Ноги болят?

— Да нет, пустяки, — отмахалась я, — Чего там слышно от наших сектантов? Голубков то есть! Они ко мне и носа не кажут, наверное, на уши до сих пор компрессы накладывают, всё никак не забудут мой "приятный" сюрприз, — невесело хмыкнула я.

— Новости есть. И я даже решил тебе их рассказать, — Ромка с лёгким укором взглянул на меня своим непробиваемым взглядом. Я покраснела. Ну да, немного стыдно, устроила детский сад...

— Ну и какие новости? — поинтересовалась я.

— В понедельник, то бишь завтра, вечером у нас четверых поезд в один небольшой курортный городок. Акулина, да и я, очень любим катание на водных лыжах и вообще все виды спорта, связанные с водой. А насколько я успел узнать, Стас-унитаз не особо прославленный спортсмен, я перед Акулиной блесну... — о да, своим обнажённым торсом! — А ты на берегу будешь очаровывать Стаса. Это, можно сказать, наша последняя попытка сделать трещину в их отношениях.

— Курорт мне не по карману, — тут же нахмурилась я, хотя идея была прекрасная. Вот только бы плескаясь в морской водичке и попивая прохладительные напитки не забыть, с какой целью мы туда едем.

— Об этом не беспокойся, всё за мой счёт, — Романыч снисходительно махнул рукой, я взбесилась.

— Стоимость своей поездки я возьму, не забудь по приезду выставить мне счёт. Так, стоп, уже завтра? — я ещё больше разозлилась, — А предупредить за ранее не судьба, мало ли Маша работает...Кстати о работе, как же твоя хваленая фирма без тебя?

— Неделю как-нибудь, да протянет, — заявил Ромка. Мои брови сами собой поползли вверх.

— Да я смотрю ты вообще легкомысленным типом стал, Роман Городовой! — рассмеялась я, — С нашими ненаглядными всё обговорено?

— Разумеется...

— Ага, и в качестве мести мне уже неделю назад всё было решено.

— Конечно, — невозмутимо произнёс он, поднимаясь, — Моя знакомая на вокзале забила нам четыре билета, осталось завтра только заехать и выкупить. Паспорт не забудь.

— Ну что ж, отличная выйдет поездка, — я злорадно захихикала, — Уж в купальнике

Акулина со мной не сравнится! — я мысленно припомнила два своих новеньких купальника. Ах, море!

— Не сомневаюсь, — буркнул под нос Романыч. Я решила, что мне показалось. Крашенная шевелюра мелькнула неподалёку и я решила окончательно пометить свою территорию, потянувшись к Романычу за поцелуем, прикрыв глаза. В привычку вошло.

— Здесь не для кого играть, Маша, — уж слишком серьезно проговорил он, словно проводя границу. Это было для меня словно пощёчина. Я всегда получаю то, что хочу.

— А может мне хочется поиграть для себя? — прошептала я зачем-то.

— Уж поверь, я не игрушка. Я предпочитаю, чтобы всё было серьезно. И что-то мне подсказывает, серьезное для тебя это значит опасное... — как мне не нравились эти двусмысленности! Я вздохнула. Чёрт! Зачем я всё усложняю своими попытками приставать? Блин, но мне нравится приставать к нему. Касаться...

— Да, ты прав, — я сделала шаг назад, поражаясь собственной наглости. — Извини, — это слово было трудно произнести, я чувствовала себя уязвлённой.

— Не за что извиняться, дикая кошка. Тут я должен сказать тебе спасибо, что не выцарапала мне глаза за отказ...

— Какой ещё отказ? — вспетушилась я. — Ты с дуба рухнул? Ты вообще о чём подумал? — отлично, рви его Машка, не жалея, не упоминай глупости, которые сказала десять секунд назад.

— Действительно и о чём я? — хмыкнул себе под нос Ромка, словно говоря себе "а ты рассчитывал, что будет по-другому?". Да, лучше не обольщаться. У нас есть цель и только поэтому мы общаемся. — Поезд в десять вечера, я заеду за тобой на такси около в 20:30, будь готова.

— Супер, — хмыкнула я и не попрощавшись, начала улепетывать в сторону гримёрки быстрым шагом, не видя как Романыч проводил меня взглядом, послал крашенную и с какой-то странной улыбкой вышел из клуба.

— Предлагаю сыграть в бутылочку! — решительно заявила я, когда в понедельник мы уже тряслись в поезде. Меняхватило только на час безделья, и я решила развлечься. Тем более ехали мы в купе своим квартетом и ничего мне не помешало начать разлучать парочку.

— Маша, — укоризненно пролепетал Романыч.

— А я за! — с восторгом щенка согласился Стасик, не выпуская из объятий Акулину. Мы с Романычем сидели чуть ли не на двух разных сторонах и не думали приближаться друг к другу. Нет, спасибо, я что-то в последнее время начала чудить и забывать, что мы с ним общаемся с одной единственной целью — разлучить эту парочку. Вот только почему-то постоянно хотелось смотреть на него, говорить с ним и видеть его улыбку.

— А вот я против, — нахмурилась Акулина, Стас тут же её поддержал. Я не растерялась, ну надо же как-то развлекаться!

— А в карты? — я достала из кармана спортивной кофты заранее приготовленную колоду, — На раздевание, — заговорчески прошептала я.

— Дорогая, у тебя все мысли вокруг одного крутятся, — Романыч подмигнул мне. Вот нахал! Я и не думала смущаться и тут же ответила:

— Ну да, кто-то в последнее время слишком много работает и совсем мной не занимается, — я печально вздохнула и натолкнулась на понимающий взгляд Акулины, от которого меня затошнило. Понимающая она, видите ли! Какой бред! Охомутила единственного нормального мужчину в моей жизни и сидит ещё сочувствует. Это я тебе

должна посочувствовать. Вот получит она Романа обратно...И что? Кто ей достанется? Трудоголик, совсем не улыбающийся, вечно с каменным лицом и нервами, который целоваться не хочет, когда хочу я, который...Блин! Опять меня не туда занесло!

— Ладно, давайте сыграем, — пожал плечами Городовой.

— Ну, хорошо, — согласилась Акулина. Стас был доволен, кажется, ему тоже было скучновато ехать. А ехать нам предстояло всю ночь, до курортного городка на берегу Чёрного моря.

Началась игра в обыкновенного дурака. После первого кона стало понятно, что все собравшиеся неплохо владеют игрой. Даже Акулина, что меня немало удивило. Первым дураком у нас оказался Стас. Неудивительно, променял такую девушку как я, на такую рыбу как Акулина!

— Снимай чего-нибудь, — улыбнулась я. Стасик не растерялся и снял часы. Я хотела было возразить, потому что часы это не предмет одежды, но воздержалась и не зря. Следующей продула я и тут же стянула серёжку. Парни повозмущались, но Акулина прекратила разговоры, сказав, что серьги такое же украшение как и часы. В общем, игра затянулась довольно-таки надолго. Раздевались в основном парни и к концу игры, когда мы стали уставать, Роман со Стасиком красовались в трусах, я как самый удачливый игрок была в трусиках-шортах и футболке, Акулина же сохранила себе юбку и показала всеобщему вниманию спортивный бюстгальтер. Уж лучше бы я проиграла, тогда может Городовой так старательно отводил глаза от меня, пытаясь сделать вид, что не пялится...Или мне это всё кажется?

— Всё, я устала, — я потянулась как кошка, стараясь скрыть улыбку. Да, что-то в купе стало жарковато и парни слишком уж пристально на меня смотрят. Чёрт, а ведь до свадьбы осталось чуть меньше двух недель! Это же вообще не срок...что же делать? Ладно, об этом я подумаю завтра.

— Правильно, нас раздели, а сами, — хмыкнул Роман, который ни разу нормально не улыбнулся за время пути, снова изображая из себя мистера Терминатора. Но это было его дело. Я-то раскусила его истинную сущность.

— Роман, без пахабства, — усмехнулась я. — Всё, давайте спать, а то завтра приедем не Бог весть в каком виде, — я быстренько взобралась на верхнюю полку и постаралась устроиться поудобнее, Городовой лежал подо мной, а Акулина со Стасом пока решили пообниматься на нижней полке.

Сон ко мне всё никак не шёл. Было душно, я выбралась из-под одеяла, стянула майку, оставшись в белье. Всё равно, та же картина. Жутко захотелось пить. Снова натянула футболку, слезла с полки, попутно задев Романыча ногой. Тот явно прибывал во сне, потому как пробормотал что-то вроде:

— Хватит драться, дикая кошка, иди уже сюда, — меня ухватили за ногу, которую я не успела опустить на пол и, чтобы не упасть, я выгнула руки и упёрлась в столик. Романыч чуть ли не лобызал мою ногу во сне. Мне стало жутко смешно, и я жадно кусала губы, чтобы не заржать в голос.

— Ром, пусти, — я уже согнулась пополам от смеха. Тут Городовой резко сел и потянул мою ногу на себя, я, дабы не получить черепно-мозговую от столика, подалась вперёд и свалилась прямо на него. Тут уже ржали мы оба, старательно прикрывая рты ладонями.

— Поспи со мной, — тихо прошептал Романыч, в темноте мелькнули тёмные глаза. Мой смех сразу же куда-то исчез и я обернулась на наших сектантов, которые, кажется, тоже

улеглись вместе. Ширина полок была как раз для парочек: на ней было возможно уместиться, только если крепко-крепко прижаться друг к другу. Не знаю, что на меня нашло, но мне очень захотелось прижаться к Ромке.

— Хорошо, — кивнула я. Только потом идиотка сообразила, что делаю.

— Очень хорошо, — усмехнулся парень.

Романыч сам улёгся и потянул меня за собой. Я как-то неуверенно легла к нему лицом, проткнув между нашими прижатыми телами тонкое одеяло, которое, тем не менее, не приглушала жар, исходящий от парня. Я нервно усмехнулась, когда его рука крепко обняла меня, пальцы скользнули в волосы и я не выдержав, прикрыла глаза в удовольствии. Я отчаянно боролась с желанием обвить его ногами и зацеловать до смерти. Чёрт, ну что же такое твориться... кажется, к Ромке у меня проснулись какие-то чувства, как вижу его у меня внутри всё шевелиться.

— Плохая была идея, — его лицо было совсем близко и дыхание коснулось кожи. Прижатая к нему, я ощутила, насколько она была плохая...

— Очень плохая, — вздохнула я, наугад склонив голову вниз. Получилось хорошо, и я попала на его грудь. Как сердце колотится...и у меня не медленнее. Что же делать-то? Воцарилась минутная тишина, и я наслаждалась его сердцебиением и дыханием, ощущением его тёплых пальцев у себя в волосах.

— Я тебя поцелую? — едва слышно спросил он, наверное, подумав, что я уснула. Я замаялась. Как бы не заорать на весь вагон, что я очень хочу, чтобы он меня поцеловал и...не только.

— Целуй, — обречённо вздохнула я, поднимая голову. Его губы тут же наши мои. Не было ожидаемого пожара, он просто едва коснулся меня в лёгком едва уловимом поцелуе и отстранился. Я уже хотела закатить скандал. Мне мало!

— Спокойной ночи, — усмехнулся он, явно довольный собой. Я не вытерпев, хорошенько толкнула его в плечо, но потом всё равно прижалась к нему и постаралась уснуть. И перед тем как провалиться в сон я подумала, что мне нравится это ощущение... засыпать с кем-то. Я никогда не засыпала с парнями, с которыми спала. А с Городовым я не спала, так что засыпать можно...Ох, и почему сердце кровью обливается и хочется слышать, как он смеётся?

Увы, но пробуждение было не таким сладким, как хотелось бы. Вместо него мне на голову вылили что-то холодное. Я вскочила в постели, отплёвываясь, и тут же принялась искать глазами обидчика. Не знаю, может я и ошиблась, но Романыч с пустым графином в руках и ухмылкой на губах попал в первое число моих подозреваемых. За что незамедлительно был приговорён к казни.

— Ты... — выразилась я, может немного нецензурно, но зато по существу.

— Прости, но ты просто не оставила мне выбора, легче голыми руками медведя убить, чем тебя разбудить! — судя по смешинкам в глазах, это Романыча явно забавляла. А меня нет. Я вскочила с постели и кинулась на него с кулаками. За что вместо того, чтобы отбиваться или наоборот покаяться в содеянном, сильные руки скрутили меня и Городовой меня резко и кратковременно поцеловал, словно так и надо было...

— Ты вообще охренел? — увидев через плечо наблюдающих с интересом сектантов, я поспешно добавила, — Дорогой, — ох, а я уже губу раскатала, что он решил меня поцеловать просто потому, что ему хочется.

— Совсем, — нет, он откровенно ржёт! Ну ладно...сейчас отомщу...Я потянулась к

губам парня якобы в страстном порыве, он отстраняется не собиравшись, я чуть коснулась его губ в поцелуе...И как цапну зубами! Романыч взвыл от боли, а я издала победный клич и побила себя в грудь. Потом, вспомнив, что я почти вся мокрая и полуголая, быстренько нацепила джинсовые шорты, выгнала гостей и передела футболку. Выгонять Романыча смысла не было, он всё ещё был, пытаюсь хоть как-то привести немного отвисшую губу в прежнюю форму.

— Дикая кошка, — в который раз лишь отмахался он, — Заходите, — сектанты, держась за ручку, всплыли в купе. После мне сообщили, что мы прибываем через двадцать минут и самое время привести себя в порядок. Решили позавтракать немногочисленными запасами. Так же во время разговора, выяснилось, что приехали мы не просто на курорт...А в собственный коттедж Романа. Я лишь мило улыбалась нашей парочке, посылая в сторону парня злые взгляды. Это как так он забыл мне об этом сказать?

Но всё моё не самое благоприятное настроение как рукой сняло, когда мы прибыли в город. Вокзал встретил нас шумом и гамом, в здание мы не пошли, хотя мне очень хотелось зайти вовнутрь великолепного здания, видимо, очень старого. Но это я поняла по архитектуре, а не по трещинам или гнилым подоконникам.

— Ворона в рот залетит, — усмехнулся Романыч, отбирая у меня чемодан. Я хотела было сказать, что я сильная и самостоятельная женщина, но Акулина таки сама всучила Стасику чемодан, так что я решила, а почему бы, собственно, и нет? Будет Ромке маленькая мстя за содеянное утром!

По тротуарной дорожке мы вышли прямо к стоянке такси. Я уставилась на пальмы, произрастающие в двух шагах, Романыч каким-то образом схватил меня за руки и всё-таки потащил вперёд. Я чувствовала себя ребёнком, впервые посетившим цирк. На призывы таксистов сесть в их машину, несомненно, лучшую в городе, наша компания даже ухом не повела и мы бодрым шагом, а я на прицепе у Городового проследовали к довольно-таки дорогой иномарке. Признаться, я даже прифигела, когда увидела на крыше машины шашечки.

— Здравствуйте! Добро пожаловать в город! — улыбался мужчина лет сорока с толстым подкрученными кверху усами.

— Привет! Чудесный день! — охотно кивала я таксисту, пока мужчины самостоятельно грузили багаж. — Ох, а жара-то какая. Сколько сейчас градусов?

— Достаточно, чтобы твою рыжую макушку поразил солнечный удар, — усмехнулся Романыч, опуская на вышеупомянутую макушку какую-то парашенскую панаму. Я сдёрнула её и брезгливо осмотрела.

— Да такие напяливают пятилеткам для игры в песочнице! — возмутилась я, швыряя сия головной убор прямо в лицо Городовому. Он не растерялся, поймал его и улыбнулся. Блин, изверг! Использует оружие массового поражения! Но я продолжала на него упрямо злиться. Вот только непонятно за что...За "сладкое" утреннее пробуждение я его уже простила. Тогда в чём причина моей раздражительности?

— Ты не многим старше, чудо, — хмыкнул он. Обидевшись, я приземлилась на переднее сидение рядом с водителем, показала язык Романычу, который сидел рядом со Стасиком вдали от своей Ули, и принялась оживлённо расспрашивать своего соседа о городе. Тот, ухватившись за возможность, начал трещать без умолку, а я с удовольствием слушала его, стараясь отогнать глупые мысли подальше и наслаждаться происходящим, хотя всё-таки что-то тяготило меня...

7 ОТДОХНУЛИ или КОГДА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ИГРА И НАЧИНАЕТСЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Путь к загадочной недвижимости Романыча закончился неожиданно. У меня упала челюсть, когда иномарка поехала по дороге, с которой без труда можно было рассмотреть море, пляж и отдыхающих. А когда мы подъехали к коттеджу, расположенному не где-нибудь, а метрах в ста пятидесяти от моря, так вообще взвизгнула от счастья. Это сколько же денег Романыч угрохал? Да дом-то сам фиг с ним, двухэтажный, красивый. А земля наверняка стоит кучу денег.

— Пару лет назад здесь был небольшой магазинчик, продающий и дающий на прокат различное снаряжение, купальники, лодки и так далее. Магазин вместе с землёй принадлежал моему хорошему знакомому, так что этот участок обошёлся мне не так уж и дорого, — пояснил парень, развеивая все мои сомнения. Только теперь меня беспокоил вовсе не дом или сколько он там стоит, а то, что Акулина с восторгом смотрела то на него, то на Романыча.

— Я обожаю море, — ахнула девушка. Ну, ещё бы! Куда акуле без воды! Несчастный Вилли... Мерзость какая.

— Знаю, — осканился на это Романыч. Я почувствовала какой-то укол... Сильный такой, словно я упала на дикобраза.

— И я люблю море! — втиснулась я между этими двумя. — Ром, а можно мне персональную экскурсию по дому? — почему-то хотелось поскорее оттащить его от этой Акулины. И чего она на него так смотрит? Лучше бы на Стаса смотрела. Так, Маша, стопэ, это ты сейчас что, ревнуешь что ли? Чур меня! По идее, ты должна прыгать от счастья из-за того, что Уля обратила внимание на достоинства своего бывшего, пусть это достоинство заключается в недвижимости у моря... Ведь теперь у меня появился шанс со Стасом, но почему-то его привлекательность на фоне такого мужчины, как Городовой, постепенно стала меркнуть для меня. Да и с тех пор, как я его любила, прошло три года... за это время я очень изменилась. И... В общем, хватит. Надо развлекаться.

Экскурсию мне всё равно устроили, правда, не совсем персональную. Слева была большая кухня, а справа — гостиная. Под лестницей была дверь, ведущая на террасу с видом на море. На втором этаже было три спальни и ванна.

— Мне комнату с видом на море! — тут же вставила я, пока сектанты не очухались. Мы стояли в большой комнате, обставленной лёгкой светлой мебелью, и я с упоением вдыхала морской воздух, который приносил ветерок в открытую балконную дверь.

— НАМ комнату с видом на море, дорогая, нам, — усмехнулся Романыч, как будто ничего другого от меня не ждал. Я улыбнулась в ответ. Злость из меня как ветром сдуло, и я была счастлива и довольна. Всё-таки в последнее время мы с ним стали ближе. И обнимания и поцелуи совсем не в счёт... Совсем-совсем.

— Я думаю, что наши гости займут дальнюю комнату, она более комфортная, — сказал парень и, сбросив наш багаж, направился провожать парочку. Воспользовавшись свободной минуткой, я с разбегу упала на кровать. Постельное бельё было свежим и хрустящим. Видимо, Городовой позаботился о том, чтобы дом привели в порядок к нашему приезду. Ох, как же всё-таки здесь хорошо... век бы не уезжала...

— Маша, ты собираешься разбирать вещи? — поинтересовался Романыч, неожиданно появившись в дверях. Я почему-то только сейчас заметила, что в поезде, до моего "сладкого" пробуждения, он переоделся в красные шорты и белую футболку. Он выглядел совсем по-мальчишески в этом наряде, особенно когда вот так улыбался. Я прогнала назойливую мысль о том, что мне хочется его поцеловать, сорвать странную для него одежду и...

— Если честно, то нет. Хочу купаться, загорать и ничего не делать, — ухмыльнулась я, стараясь не показать то, что со мной творилось внутри, — Ну и ещё наших сектантов надо поссорить, — это я добавила устало. Кому они сейчас нужны? Времени ещё вагон. Две недели это выше крыши! А сейчас нужно немного отдохнуть... Я встала с постели и направилась к чемодану. Ромка всё ещё наблюдал за мной, застыв в дверном проёме.

— Как думаешь, какой купальник лучше, белый или голубой? — я продемонстрировала свои скромные запасы. Городовой лишь пожал плечами. Молчун. Иногда и слова не вытянешь. — Ты тоже плавки надевай, ты же не думаешь оставить меня одну? — я упёрла руки в боки и стала сверлить его взглядом. Но когда Романыч невозмутимо закрыл за собой дверь, стянул футболку, а потом и шорты мне как-то резко поплохело и я закашлялась. Это акклиматизация, а не вид Романыча в одних трусах.

— Всё в порядке? — он, наверное, издевается. Нет, наверняка. Хотя зачем ему это? Это я в последнее время что-то размечталась о его губах. А он притащил нас сюда с одной единственной целью: поссорить Улю и моего Стасика. А я стала об этом забывать... Может, у меня склероз? Ага, как же, слишком долгое воздержание у меня...

— Конечно, — невозмутимо ответила я, отворачиваясь и раскладывая свои вещи в симпатичном светлом комодке. — Я заняла две нижние полки, ты непротив?

— Нет, — отозвался парень. Я старательно складывала вещи и старалась заставить себя не косить глаза в сторону мелькающей с боку фигуры парня. Его близость стала меня слишком волновать. Слишком. Но это не самое опасное... Хотелось укрыться с ним от всего мира и доверить все свои тайны.

— Я жду внизу, переодевайся, — наконец, он ушёл. Дверь за парнем бесшумно закрылась, а я присела на пол, глядя на развевающиеся шторы. Что же со мной творится? Я привыкла относиться к жизни легко и не задумываться о завтрашнем дне. Но сейчас... Ромка мне начал нравиться, сильно нравится. Не так, как должен нравиться человек, с помощью которого ты разрушаешь чужие отношения. А Стас... мне не хотелось отдавать Акулине свою первую любовь. Но ведь я уже совсем другая и так ли мне нужен этот парень? И нужен ли мне вообще кто-то? Пусть я никогда не доверюсь ни одному мужчине, но разве это так плохо? От них одни неприятности, а ласковые объятия могут стать лживыми и оставить тебя в холодном одиночестве...

Я отогнала эти мысли и встрепенулась. В конце концов, я не где-нибудь, а на море! Так нужно развлекаться!

Буквально влетев в белый купальник, я повязала на бёдра голубой полупрозрачный платок, закрутила волосы в неуклюжий пучок и босиком припустила вниз, прихватив полотенце. Ромка ждал там же, он был без футболки, в одних шортах, но я уже начала привыкать к его полуобнажённому виду, и к его улыбке, и вообще я начала привыкать к нему...

— Идём? — спросил он, протягивая мне руку. Я схватила её, даже не удосужившись посмотреть, есть ли для кого разыгрывать эту сцену.

Я тащила Романыча к морю чуть ли не на буксире. Он лишь посмеивался над моим

бешеным рвением. Наконец, мы достигли воды. Пальцы покалывало от гальки. Народа в этой части было не очень много.

— А почему здесь почти никого нет? — спросила я, глядя по сторонам. Ближайшие купающиеся были от нас метрах в ста.

— Это частные владения, — просто ответил парень. Я немного усомнилась, русским плевать на такие глупости, просто тут наверняка что-то не то с водой или купание запрещено... Но мне было плевать!

— Это просто невероятно, — вздохнула я, сорвала с себя платок и припустила в воду. Пенящаяся у берега вода приятна щекотала пальцы, и я рассмеялась от счастья, вытягивая руки и подставляя лицо солнцу. Ощущение переполняющего счастья не покидало меня. Но нужно быть благодарной и не забывать про одного трудоголика, который совсем не умеет развлекаться...

— Иди сюда! — позвала я парня. Тот быстро откликнулся, стянул шорты и остался в полосатых красно-чёрных плавках. Я даже не знала куда глаза деть... Наконец, я впилась в каре-зелёные глаза, которые улыбались мне и только мне. И от этого захватило дух. Ромка неожиданно подскочил ко мне и, схватив на руки, с победным кличем окунулся в воду. Я возмутилась и попыталась его отпихнуть, от солёной воды зажгло глаза, но это не убавило моей радости.

— Отпусти! — взвизгнула я, брызгая в парня водой. Но он продолжал рассекал волны своим телом, словно ледокол Северно-Ледовитый океан, смеялся и затаскивал меня на глубину. Я даже на несколько секунд выпала из реальности, залюбовавшись им и позволив своей коже гореть под его прикосновениями.

— Тут можно жить вечно! — воскликнула я, когда Романыч удосужился меня поставить. От меня не ускользнуло, что он так и не знает, куда деть глаза и что-то во мне радостно подскочило. Я никогда не страдала комплексами по поводу внешности, но было приятно осознавать, что я волную этого мужчину. Ох, а как меня волновало то, что я его волную... Я поспешно окунулась в воду, не давая этим опасным мыслям захватить меня.

— Согласен с тобой, — кивнул парень, — Жаль, но у меня получается выбраться судя очень редко, — он сказал это с лёгкой грустью. Я подобралась к нему поближе и улыбнулась.

— Просто ты слишком занят работой, ты пытаешься доказать, что лучший в своём деле, вот только непонятно кому, — я чуть вздохнула и посмотрела в сторону, на прелестный дом. Пальцы парня легли мне на подбородок, и я вздрогнула от того, как от его прикосновений загорелась кожа. Или это она щиплет от солёной воды?

— Маша, ты очень красивая, — прошептал Городовой. Я подняла на него глаза и почувствовала, что теряю связь с реальностью. Нестерпимо захотелось к нему прикоснуться, запустить пальцы в волосы... А если вспомнить о его горячих поцелуях, пробуждающих во мне столько неприличных мыслей... Я едва ли не со стоном нырнула в воду и вынырнула уже в двух метрах от него. Он сверлил меня взглядом, таким, что мне стало не по себе... Этот взгляд обещал мне большие неприятности в этом городе. Он обещал соблазнить меня, и я даже задрожала от предвкушения.

Спустя полчаса, наплававшись, мы с парнем наперегонки спешили в дом, чтобы принять душ. Сектантов было невидно, но я, честно сказать, не особо о них и вспоминала. Мы с Ромкой одновременно ворвались в отделанную голубым кафелем ванную.

— Я первая! — ухмыльнулась я, забегаю в душ. Вот только закрыть дверцу я не успела, и

Роман оказался рядом. Слишком рядом, кабинка была маловата для двоих, по крайней мере, не таких размеров. И снова этот взгляд... Я хотела выскользнуть, но вместо свободы я увидела сильную руку, преграждающую мне путь. Бежать некуда. Он сцапал меня в ловушку. И чувствовать себя пойманной было одновременно заманчиво и страшно. Больше всего на свете я боялась привязываться к тем, кто может рано или поздно оставить меня и заставить чувствовать себя самой несчастной.

— О чём ты сейчас думаешь? — спросил парень, хотя я ожидала, что он набросится на меня. Как я могла забыть. Я же имею дело с Романом Городовым... вряд ли он поддастся зову плоти.

— Об отце, — честно призналась я, — О своём биологическом отце, который бросил меня... нас... много лет назад, — вздохнула я, уперевшись лбом в стенку душа. Неожиданно на нас полилась тёплая вода, и я вскинула голову, подставляя себя её струям, стараясь, чтобы она смыла не только соль, но и воспоминания.

Пальцы Романа скользнули мне в волосы, и я чуть задрожала. Он принялся растирать мне голову в лёгком массаже, а мне лишь оставалось кусать губы от удовольствия. Он заботится обо мне... решил смыть с меня морскую соль, а быть может и успокоить.

Руки скользнули ниже, одна осталась на плече, а вторая крепко обняла за талию и вот моя спина уже прижата к его горячему телу. Мне едва удалось не ахнуть. Я уже всё дрожала от желания стать к нему ещё ближе, раствориться в нём...

— Тшшш, — прошелестел мне на ухо Роман. Я закрыла глаза и постаралась расслабиться. Но не выходило. Он был слишком близко, и мне нравилось чувствовать его запах, перемешанный с запахом моря.

— О чём ты думаешь? — решила заговорить я. Мы так и стояли под струями тёплой воды. Если пошевелиться, то потерять голову будет так просто... Тем более, что размеренное дыхание сейчас совсем не помогает. И куда делись наши партнёрские отношения?

— Я думаю о том, что у меня в руках самое сильное и одновременно ранимое существо, которое я когда-либо встречал, — Роман парой движений развернулся меня к себе лицом. Я продолжала стоять солдатиком, старательно борясь с ощущением коснуться его. Напряжение между нами достигло пика. Если я сейчас не коснусь его, то умру...

— Я сильная, — возмутилась я, но не слишком рьяно. Это я сказала скорее себе. Уж кто-кто, а он знал о моих слабостях и внутреннем одиночестве. Это всё легко было прочесть в моих глазах, когда я попросила его обнять меня в машине... Я понимала, что это слабость, но рядом с ним хотелось свернуться в клубочек и побыть слабой, поддаться эмоциям. Ведь он может защитить... он такой сильный...

— Никто не сомневается, — прошептал он, его пальцы скользнули по моей щеке. Я уже с трудом сдерживала обуявшую меня страсть... Всё. Сейчас взорвусь. — Это мне в тебе и нравится. Этот упрямый взгляд. Твои глаза так сверкают... у меня кружится голова, — прошептал он и притянул меня к себе для поцелуя. Со мной такого ещё не было. В глазах помутнело, и я всем телом прильнула к парню, ощущая, что он тоже меня хочет. Я отчаянно вцепилась пальцами в его спину, царапая её... Его губы жадно накрывали мои и я лишь слегка успевала дышать, пока он вытягивал из меня остатки разума, целуя в шею. Одна его ладонь скользнула по моей спине и замерла на бедре.

— Ты ждёшь приглашения? — охнула я, раздумывая над тем, как бы побыстрее избавиться от купальника, отделяющего меня от насло...

— Нет, — он слегка поцеловал меня в губы, — Я собираюсь уйти, — это был словно

удар под дых. Из меня вышибло воздух, и взамен желанию пришёл шок.

— Что? — ахнула я, хотя в голове проскочило нецензурное слово. Я распахнула глаза. Ну, знаете, меня ещё так ни разу в жизни не обламывали...

— Я собираюсь уйти, — то, что он говорил явно шло вразрез с тем, что он чувствовал. Его глаза неистово сияли и давали мне надежду на то, что он хочет меня хотя бы в половину так же, как я хочу его.

— Нет, ты останешься и... — я не договорила, он открыл дверцу душа, а я ошарашенная наблюдала за тем, как он берёт полотенце и вытирается им. Я с тоской осмотрела его фигуру... Колени подогнулись. Он оставил меня разбитой и неудовлетворённой. Он обвёл меня вокруг пальца. Зачем?

— Что ты этим добываешься? — зло воскликнула я, пытаюсь собраться по кусочкам. Трудно. Но реально... Ох, вот только сердце колотится всё так же бешено и всё тело горит. Разве можно так поступать?

— Я знаю, чем всё это закончится, Маша, но мне нужно нечто большее, чем ты можешь дать мне сейчас, — бросил он, не глядя на меня. Судя по хриплому голосу и дрожащим рукам, ему было оставить меня так же трудно, как сейчас было мне стоять под тёплыми струями воды в одиночестве. Вот только зачем тогда оставил??? Я вообще не понимала, что происходит. Он хочет большего... но что ещё я могу ему дать? Я и так была готова отдаться ему в этой кабинке целиком и полностью. Что он ещё может хотеть от меня?

Короче, из душа я вылетела озлобленной мегерой по время ПМС, старательно удерживая полотенце на груди. Взамен непониманию пришла злость, я готова была порвать этого дибила на британский флаг. Машу Табелеву кинули, да ещё как! Развели как малолетку, распалили и... бросили. Неудовлетворённую и возбуждённую.

Я с трудом удержалась от того, чтобы не расколотить вазу, расположившуюся в нише в стене.

— Маша, ты в порядке? — я так и подскочила от голоса Стаса. Мокрые волосы прилипли ко лбу, и я откинула их. Я почувствовала себя крайне неудобно в таком виде, особенно когда Матросов видимо по достоинству, в отличие от одного... идиота, оценил прелести моей фигуры. Вот только легче не стало. И думаю, не стало бы, если бы прямо сейчас Стас упал передо мной на колени и навзрыд признался мне в любви.

— Да, всё окей, — быстро ответила я и скользнула в комнату. Моего врага тут не намечалось. Ну ладно... я устрою тебе... Я принялась копаться в вещах и выудила лёгкий сарафан на тоненьких бретельках. Его шифоновая юбка шевелилась от любого движения и обрамляла ноги.

— Посмотрим, — насупилась я, — Ты у меня сам сгоришь от желания...

Я спустилась вниз при полном параде и оказывается, не зря. Роман решил, что нам нужно сходить в город и перекусить. Я с удовлетворением отметила, что он надолго задержался на моём наряде взглядом. И когда эта поездка превратилась в войну между ним и мной, а не в войну против сектантов?

— Да, было бы неплохо, я проголодалась, — как ни в чём ни бывало, ответила я. Затем спустилась Акулина. Её наряд был противоположностью моему — длинное до пят платье, делавшее её фигуру бесформенной, светлые волосы собраны в хвост, на носу большие очки.

— Хорошо выглядишь, Уля, — похвалил Роман, обнимая меня за талию. Мне хотелось треснуть его по рукам, потом вдарить промеж глаз, а когда он потеряет равновесие, колотить его до потери сознания. Я старалась не подавать виду, но он просто убил меня своим

поведением. И ещё руки смеет распускать сейчас!

До кафе под названием "Бухта Авроры" мы шли пешком, сектанты вырвались вперёд и как только они перестали на нас оглядываться, я отскочила от Романыча на другой конец дорожки и стала шествовать одна. Что, несомненно, принесло результаты. Молодой велосипедист, хотевший проехать мимо, неожиданно спрыгнул со своего железного коня и решил пройти со мной бок о бок.

— Девушка, а давайте знакомиться? — предложил парень, белозубо улыбнувшись. Он был очень загорелым, одного со мной роста, подтянутым, в голубых глазах бегали весёлые искры.

— А давайте, — ответила я, послав ему свою самую очаровательную улыбку.

— Меня зовут Аркадий. Куда вы идёте, позвольте поинтересоваться?

— В кафе "Бухта Авроры". Знаете это местечко, Аркадий? — да уж, давненько я не упражнялась во флирте с противоположным полом. Весь мой круг общения с мужчинами ограничивался Стасиком и Городовым, а ведь я уже и забыла, что могу быть очаровательной девушкой, которая...

— Да, очень милое местечко, — Романыч возник рядом со мной и схватил меня в объятия, ещё и в шею умудрился поцеловать, хотя я уворачивалась как могла. При виде такого внушительного соперника, Аркадий пробормотал что-то, дрожа коленями, запрыгнул на велик и укатил прочь, только камушки от колёс отскакивали.

— Ты что вообще себе позволяешь? — глаза у меня стали большими-пребольшими, и я злобно взглянула на довольного Романыча. Тот пожал плечами, взял меня за руку и пошёл по дорожке.

— Знаешь, это уже ни в какие ворота не лезет, — бурчала я под нос. — Ты вообще кем себя возомнил? Ладно устраивать сцены для нашей парочки, но зачем людей пугать? Аркадий показался мне очень милым молодым человеком, я что, не могу просто так пообщаться с парнем? — всё продолжала возмущаться я, но Городовой на мои слова мало обращал внимания. Лишь таинственно щурился и ухмылялся своим мыслям.

— На данный момент ты моя девушка, а моя девушка не должна флиртовать с другими парнями, — выдал он. Я ударила по тормозам.

— Слушай ты, если тебе там, в душе, чего-то там почудилось... — я чуть замолкла под его пылающим взглядом и поняла, что во рту у меня каша и вряд ли я сейчас скажу что-то умное.

— Думаю, в душе нам двоим ничего не почудилось, Маша, — он судорожно вздохнул, прикрыл глаза и растрепал волосы ладонью, — И если ты будешь постоянно упоминать о том, что произошло, мы с тобой закончим начатое под ближайшей пальмой. Понятно? — о да, было очень понятно, угроза была...весьма ощутимой. Я смогла только кивнуть. Его лицо...ох, ну что он за идиот? Если ему этого тоже так хотелось, то тогда почему свалил? Я не могла этого понять, а уж тем более простить. Меня ещё так не кидали. Я привыкла быть желанной и чётко распоряжаться своими собственными желаниями. А тут...только я подумала, что он в моих руках и отрицать очевидное влечение между нами бесполезно, как он испарился. Мне хотелось, как маленькой притопнуть, сложить руки на груди, возмутиться и потребовать продолжения. Вот только гордость не позволяла. Уж если он так кинул меня один раз...То я отплачу ему той же монетой. И ещё надо не забывать о том, что мы должны разлучить наших сектантов. Хотя то уже отошло на второй план, учитывая наши взаимоотношения с Романычем.

Кафе оказалось милым и уютным, с плетёной мебелью и прекрасным видом. Я, постаравшись на время позабыть о горестях, принялась изучать меню и, довольная выбором, макароны с морепродуктами, откинулась на стуле, попивая свежеевыжатый апельсиновый сок. Тёплый солёный ветерок приятно трепал волосы, и я прикрыла глаза в наслаждении. Ещё бы Городовой не сидел так близко, и моё бедро не прижималось к нему...

— Ты давно построил здесь дом? — решила завести разговор Акулина. Я тут же распахнула глаза. Её голубые глаза с неподдельным восхищением взирали на Романа.

— Пару лет назад, — отозвался парень, — Я помню, что ты мечтала о доме у моря, — после этих слов Акула залилась нежной краской, а я почувствовала, что сейчас взорвусь. Вот такая дикая ревность это сейчас нормально?

— Прости, Стас, но я тебе дом на дереве не построила, хотя ты так об этом мечтал, — улыбнулась я Матросову, и при воспоминаниях глаза у него засверкали. Я даже залюбовалась на своего бывшего, особенно после того, как со мной поступил Городовой.

— Я помню те времена, — продолжал улыбаться Стас, — Мы с тобой хотели убежать и жить в доме на дереве, — он чуть рассмеялся, а я почувствовала ностальгию. Ну, хотела вообще-то я, но как капитан наших отношений, я заставила Стасика думать, что и он этого хотел.

— Да-а-а, — мечтательно протянула я, — Лишь мы вдвоём и никаких бытовых проблем, — а дальше у нас с Матросовым завязался такой разговор, который я мечтала завести ещё давно. Мы с упоением вспоминали то, как вместе проводили время. Оказывается, всё-таки пара смешных ситуаций с нами происходила и отношения была не такими уж и скучными. При воспоминании о них внутри появлялось чувство теплоты. Приятно, когда есть, что хорошего вспомнить.

Увлёкшись разговором, мы со Стасом и не заметили, как странно на нас поглядывают Акулина и Роман. Но разве не этого мы добивались? И я принялась вести себя ещё очаровательнее, буквально излучая доброту и нежность.

Когда принесли еду, мы прервали болтовню, и я довольная и счастливая принялась жевать.

— Чем займёмся после обеда? — поинтересовалась я у Романыча, стараясь смотреть на него, как ни в чём не бывало. Почти получилось, если забыть о страстных поцелуях и горячих прикосновениях. Всё-таки ничего такого между нами не произошло... Хотя при мыслях об этом самом ничего такого, пересыхало в горле, перехватывало дыхание и хотелось повторить.

— Я думал, нам следует отдохнуть, всё-таки ночь в поезде была утомительной, — это точно, особенно после такого дерзкого пробуждения.

— Кстати, я подумала, а что нам постоянно ходить по ресторанам? Я думаю, мы с Акулиной можем отлично справиться с завтраком и обедом, а если уж так важно, то на ужин можно выходить в свет. Ну или с ужином, а в обед ходить куда-нибудь, — предложила я. — Так же выйдет дешевле.

— Ну... — замялась Акулина.

— По-моему это замечательная идея! — ответил Стас, — Маша прекрасно готовит, — мне было приятно, что он запомнил те два раза, когда мне приходилось его кормить. Или это он от балды сказал?

— Тогда нам нужно отправится в магазин за продуктами, — согласилась не слишком довольная Акулина, и во мне зародилось подозрение, что эта дамочка не умеет готовить. Что

ж, вот и ещё возможность показать моему ненаглядному, что я гораздо лучше этой белобрысой рыбины. Вот только во мне промелькнула дурацкая мысль: "А какому именно ненаглядному?"

Мы накупили кучу всего. На ужин мне захотелось сделать что-то домашнее, напоминающее о доме, поэтому решено было запечь картошку вместе с бараниной под соусом, так же я решила испечь мой фирменный яблочный пирог, во время употребления которого можно было незаметно слопать посуду или даже пальцы.

— Итак, я думаю, что можно приступать! — не успели мы вернуться в дом, как я сразу принялась изучать кухню. Увиденное меня вполне обрадовало. — Акулина, сможешь замесить тесто для пирога? — окликнула я девушку, которая неуверенно мялась в дверях и оглядывала помещение.

— Маша, — девушка прикрыла за собой дверь, — Как бы это тебе сказать... — она замаялась, и мне почему-то стало её жалко.

— Не умеешь готовить, да? — беззлобно спросила я. Девушка прикусила губу и кивнула. — Ой, ну хватит тебе расстраиваться. Давай я тебе буду говорить, что делать, а ты будешь меня слушаться, хорошо? — мне почему-то стало жаль это бедняжку, учитывая, как мужчины любят поесть, даже худой Стас.

Благодаря "умениям" Акулины на приготовление ужина ушло куда больше времени, чем я планировала, но мы управились к восьми часам вечера. При виде приготовленного мне хотелось завизжать от восторга. Всё было красиво, а пахло просто умопомрачительно.

— Ты настоящий талант! — искренне восхитилась Уля. Кстати, во время приготовления всей этой красоты, мне не показалось, что эта девушка лживая или что-то вроде того. Акулина была очень скромной, но, по всей видимости, ревнивой девушкой. И, наверное, она даже любила Стаса, но всё никак не могла отпустить прошлое в виде Романа Городового. Я же сама боялась отпустить Стаса, как единственное упоминание о том, что когда-то я всё-таки доверяла мужчине, хоть и одному... Не знаю как у него получилось, но тогда он сумел втереться мне в доверие, пускай и не полностью.

— Без твоей помощи я бы не справилась, — невозмутимо соврала я, пропитавшись какой-то доброжелательностью к этой девушке. Быть может, Катя была права, и я всего лишь решила развлечься, попытавшись разлучить эту пару... Вот только я не подумала о том, что они действительно могут любить друг друга. Конечно, мыслить об этом, стоя у празднично накрытого стола, было как-то странно, но я неожиданно почувствовала себя другим человеком. А ведь с тех пор, как эти три человека ворвались в мою жизнь, прошло всего две недели... подумать только.

— Ого! — наши мужчины вошли в большую кухню и уставились на стол. Я слабо улыбнулась им, стараясь не смотреть Роману в глаза.

— Ужин начнётся через десять минут, и только попробуйте хоть пальцем тронуть этот шедевр, — пригрозила я, — Уля, я на тебя надеюсь. Сторожи это, я пойду переоденусь, — в отличие от аккуратной девушки, я вся заляпалась с ног до головы. Я быстро вынырнула из кухни и отправилась наверх. Как странно чувствовать себя так уютно в абсолютно чужом доме...

Я переоделась в лёгкий сарафан до пят, на подобие того, что носила Акулина сегодня. Забрала волосы наверх в тугий пучок и ненадолго позволила себе выйти на балкон и полюбоваться морем, вдохнуть прохладный вечерний воздух...

Спускаясь вниз, я уже была прежней весёлой Машкой без всяких там тяжёлых мыслей о

своей собственной жизни и недоверием к мужскому полу.

— Неужели даже не попробовали? — усмехнулась я, скользнув на кухню. Роман тут же оказался рядом со мной, обнял за плечи и поцеловал в щёку. Меня пробрала дрожь, но я постаралась собраться. Что-то изображать из себя занятую девушку мне нравилось больше и больше...

— Всё выглядит просто фантастически, дорогая, — улыбнулся мне парень. Я поспешно отвела взгляд и присела.

— Итак, приступим? Мне не нужна вина, — я закрыла свой бокал. Роман чуть прищурил глаза. Как будто бы не знал, гад, почему я не хочу пить. В этот раз не только потому, что мне это не нравилось, но ещё и затем, что на трезвую голову я соображала яснее...а нам ведь предстояло ночевать в одной комнате. А мне предстояло изображать из себя недотрогу, которая на самом деле сгорает от страсти.

Ужин прошёл легко, в неформальной обстановке. Скорее мне удалось расслабиться и я позабыть обо всех невзгодах. Странно, мы приехали сюда, чтобы разлучить эту парочку, но я неожиданно пропиталась к ним дружеским чувствам...Стас казался просто хорошим парнем, а любила я только воспоминания о прекрасной первой любви. А Акулина...если смотреть на неё глазами не застеленным ревностью или прочими глупостями казалась мне очаровательной и милой.

После долгого дня, Роман решил отправить своих гостей спать, а сам остался мне помогать мыть посуду. Мы молчали. У меня не было настояния говорить о том, что он так обломал меня утром, у него, видимо тоже. Я чувствовала себя очень уставшей, но в основном морально. Что говорить, я устала постоянно казаться такой сильной, со счастливой улыбкой на губах и вызовом миру в глазах. Иногда хотелось просто стянуть с себя эту маску противницы мира и показать, что где-то глубоко внутри скрывается слабое существо со своими страхами и не таким уж позитивным взглядом на жизнь. Просто не кому было доверить это, не было того, кто поймёт и не упрекнёт, когда на следующий день я войду в новой день с вызывающей улыбкой и лёгким отношением ко всему. Все называют это лицемерием, а мне больше нравилось слово самооборона.

— Всё в порядке? — обеспокоенно спросил Рома, протирая последнюю вымытую мной тарелку. Я хотела натянуть насмешливую улыбку, сказать что-то с сарказмом и уйти восвояси непобеждённой. Но не могла. Слишком устала. Я вымученно закрыла глаза и прислонилась спиной к кухонному гарнитуру.

— Маш, я тебя так сильно обидел? — опять неверный вопрос.

— Думаешь, я неспособна на воздержание? — нашла силы ухмыльнуться я.

— Я не о том, — серьёзно сказал парень.

— Ты был прав, — вздохнула я, — Вряд ли я дам тебе что-то большее... Увы, как сказала моя подруга, я бегаю по поверхности этого мира, мне не хочется погружаться в какие-то неземные чувства, а потом страдать...Поэтому сейчас я улыбнусь, игриво пообещаю тебе расчленёнку, если ты посмеешь явиться для ночёвки в мою спальню и с гордой улыбкой поднимусь наверх, — я попыталась обойти его не касаясь, но он преградил мне путь рукой, старательно заглядывая в глаза.

— Что? — глядя вникуда, спросила я.

— Ты такая ранимая... — прошептал он мне на ухо, присаживаясь на гарнитур и увлекая мне к себе. Я устало прикрыла глаза и уткнулась своим лбом в его лоб. Горячее дыхание парня касалось кожи моего лица, и его близость была так опасна, потому что

сейчас я была слишком уязвима.

— Ты не представляешь насколько, Ром, — тихо сказала я. — Кому нужна такая рохля? — я слабо улыбнулась, открыла глаза, и вот, на лице снова появилось выражение безмятежности. Прежнее чувство лёгкости постепенно стало возвращаться. Он видел меня... видел меня без этой маски...

— Думаю, что много кому, — он поймал непослушную прядь моих волос и погладил её, — Просто никто не нужен тебе, — в точку, в десятку, как всегда. Может, кто-то во мне и нуждался, но я слишком боялась впустить этого человека в сердце... Доверять людям по-настоящему это дар, которым я не обладала.

— Через такую оборону не пробьёшься, — с улыбкой сказала я, чуть выпучив грудь, — А теперь отпусти меня и не смей ночью скрестись в дверь комнаты, потому что, видите ли, тебе захотелось продолжить начатое... — я рассмеялась, поцеловала парня в лоб и поспешно выбежала из кухни. Но не преодолела я и половину лестницы, как тут же была схвачена.

— Мащ, я хочу, — сказал он, глядя мне в глаза.

— Утром я тоже хотела, — изобразила улыбку я.

— Я не об этом, — голос у него был серьёзным, как и каре-зелёные глаза, — Хочу, чтобы ты доверяла меня.

— Ты слишком о многом просишь, — тут же ответила я, пряча глаза. Трудно признаться, что задатки к доверию у него есть. Особенно если учитывать то чувство, которым охватывало меня с ног до головы рядом с ним. Хотелось утонуть и раствориться в нём, наконец, дать волю чувствам, а не постоянно убегать и откланяться, относиться ко всему с юмором и высокомерием. Хотелось почувствовать себя слабой женщиной, зная, что он не даст меня в обиду.

— Ты так в этом уверена?

— А как же они, Ром? — я кивнула в сторону второго этажа. — А как же добрая и необыкновенная Акулина, которая так подходит тебе на роль верной жены и матери твоих детей? — я усмехнулась. — Уж из меня точно не выйдет таковой.

— Откуда тебе знать? — этот вопрос заставил вздрогнуть. Он сейчас имел в виду, что я могла бы занять этот пост? Что ж, предложение очень заманчивое... Маша, о чём ты вообще думаешь? Ты знаешь этого человека две недели! И роль примерной жёнушки явно не для тебя.

— Бурды не неси и отпусти меня, — уже начала злиться я, — По поводу этих двоих... — я вздохнула, — Может, они и правда любят друг друга. Но по поводу нас... — я старательно избегала каре-зелёных глаз, — Об этом не может быть и речи, — мне ещё было трудно поверить в то, что Романыч вообще мог мне такое сказать. Конечно, толком-то он ничего не сказал, но я хорошо понимала его, и он имел в виду теперь взаимоотношения между нами.

— Если уж тут упрямая Мария Табелева сдалась... — хмыкнул он, отступая назад. Я быстро начала вышагивать по лестнице. — Я приду сегодня ночевать, — сказал он так твёрдо, мне спорить было бесполезно. Если придёт, то я просто уйду. И точка.

Правда, сказать, как всегда, было легче, чем сделать. Перед сном я сходила в душ, слегка ополоснулась, затем переоделась в футболку и пижамную майку на пуговицах и завалилась в пышную постель. И всё это время я ожидала. Вот гад, пробрался в мои мысли... И ещё речи сладкие смел петь, а я, та ещё дура, чуть ли не лужицей рядом с ним растеклась... Марию Табелеву так просто не возьмёшь! А измором и подавно!

Вот только я вся горела, кости ломило от нетерпения и, похоже, было вполне вероятно,

что если он всё-таки сюда явится, то я сама накинусь на него.

Без сна я пролежала пару часов. Его всё не было.

— Пускай только посмеет не прийти после таких обнадеживающих слов, — я злобно пнула подушку, она с лёгким хлопком упала на пол, а через минуту дверь отварилась. Я тут же зажмурила глаза, но неистовое дыхание и покрасневшие щеки наверняка выдавали меня. Я слышала, как Роман негромко прошлёпал к кровати. Учитывая, что я распласталась на ней звёздочкой, ему было трудновато улечься.

— Маш, двигайся, — произнёс он небрежно. И куда делся тот сладкий голос?

— Ага, щас, — брякнула я. Зря, надо было двигаться. Я почувствовала, какой он присел на кровать, а потом и вовсе лёг на край. Правда лежал он там недолго и принялся ворочаться, оттесняя меня в сторону.

— Тут же есть ещё одна комната! — возмутилась я. И чёрт меня дёрнул поехать в это путешествие без цели. Ну, если только повалятся у моря и позагорать на солнышке. А разлучать этих сектантов изначально было глупой затеей.

— Вот и иди в неё, если тебе так хочется. А я хочу спать, — вздохнул он, переставая шевелиться. Ага, как же, спать ему хочется, вон как нервно дышишь...

Мне стало жарко и душно. Но нет, гордость мешала убежать в другую комнату. Я же сказала, чтобы не приходил сюда ночевать, хотя это его дом. Мне было плевать. Как я сказала, так и будет!

— Городовой, сгинь! — я выдернула у него из-под головы подушку, на что он недовольно зарычал. Сел в постели. В комнате царил полумрак, и я могла различить его силуэт и даже искажённую злобой мимику.

— Я пришёл сюда спать, — прорычал он, — Так что верни подушку и либо выметайся, либо спи, — он отобрал подушку и снова улёгся. Ишь ты, так я и поверила, что он пришёл только спать...

Но я смирилась. Свернулась калачиком на краю кровати и долго пыталась уснуть, стараясь не пускать глупые мысли... И как ни странно, мне это удалось, под размеренное дыхание Городового я вырубилась.

Этим утром пробуждение было куда более сладким. Я слабо улыбнулась, потеревшись обо что-то гладкое и очень горячее. В этом доме что, одеяла с подогревом? Я застыла, поняв, что щека у меня прикасается не к подушке, а пальцы гладят не одеяло. Я открыла один глаз и взгляд упёрся в загорелую кожу. Шея! А рука у меня... Ну, так и есть, пальцы размеренно поглаживали волоски на груди Городового. Мои руки, в отличие от рук парня, расположились во вполне приличных местах, а вот ладонь Романа недвусмысленно обхватила мою пятую точку, другую он подоткнул под голову.

— Вот ты козлина, — тихо фыркнула я. Он не отреагировал. Я прислушалась и поняла, что он ещё спит. А козлиной он был не потому, что лапал меня, а потому, что мне это нравилось и нравилось, просыпаясь, видеть его.

— Машка, ты сошла с ума, — вздохнула я, старательно выбираясь из его объятий. Стоило снять его руку с моей филейной части, как он тут же открыл глаза, пара лёгких манипуляций — и я уже под ним.

— Доброе утро, — его глаза были заспанными, но излучали свет и какой-то магнетизм. Что уж греха таить, я залюбовалась и даже позволила себе улыбку.

— Привет.

— Только не говори, что тебе не нравится вот так просыпаться, — заявил он. Я хотела

ответить что-то острое и сказать, что у него большое самомнение, но мне было жутко хорошо.

— Я и не говорю, — я чуть потянулась, — А теперь выпусти меня, мне нужно привести себя в порядок, — я отвернулась от него и стала делать вид, что меня больше интересует обои на потолке, чем его обнажённый торс, что было абсолютной неправдой.

— Ты и так выглядишь отлично, соня, — он склонился для поцелуя. Сердце моё тут же подпрыгнуло, и я задержала дыхание. Но он остановился, мерзко улыбнувшись. — Совсем забыл... — и он слез с меня. Я со злости запустила в него подушкой, но говорить ничего не стала, а тут же направилась в ванную, где простояла под прохладным душем пятнадцать минут, чтобы хоть как-то смыть с себя утреннее возбуждение. Гад, какой гад!

Переодевшись в повседневную одежду, я направилась вниз, чтобы приготовить завтрак. В целом, этот небольшой отпуск вызывал только положительные эмоции. Учитывая, что мне больше не хотелось предпринимать никаких попыток по разлучению будущей четы Матросовых, то его не омрачало почти ничего, кроме издевательств Городового, разумеется. Он ведёт себя по-идиотски, требует от меня того, что я не могу дать, и не хочет брать то, что я дала бы ему с большим удовольствием...

— Яду ему что ли подсыпать, — нахмурилась я.

— Кому? — пролепетала сонная Акулина. Я от неожиданности разбила яйцо мимо сковородки, и теперь оно стекало вдоль плиты.

— Тебе блин, — прошептала я еле слышно, поспешно стирая растёкшееся яйцо, — Городовому, кому же ещё.

— И что же он натворил? — девушка достала из холодильника сок и налила его в стакан.

— Вот именно, что ничего, — вздохнула я, и голос прозвучал куда более горько, чем мне казалось, — Ладно, хочешь помочь мне с завтраком? — добродушно спросила я и, слава Богу, получила отказ.

После плотного завтрака и небольшой уборки, было решено направиться на прогулку. Романыч предложил покататься на водных лыжах, а потом совершить прогулку на катере. Мы со Стасом лишь переглянулись от таинственного сочетания "водные лыжи" и двинулись за этими сумасшедшими. Я была заинтригована, но рисковать совсем не хотелось. По крайней мере, до одного момента...

— Ты посмотри как держится! — Роман с восхищением наблюдал за тем, как Акулина тянется за катером, как лыжи рассекают воду и как она восторженно визжит. Я стиснула зубы. Ну и что, если я этого не умею? Зато как готовлю!

— Это моя любимая! — радостно заверял Стас всех окружающих зевак, наблюдающих за Акулиной.

— Ну да. Неплохо... — усмехнулась я, недовольно морщась.

— Неплохо? — усмехнулся Городовой, — Можно подумать, что ты умеешь лучше! — он с насмешкой посмотрел на меня. Конечно, я не умела...и мне бы засунуть чувство собственного достоинства и гордость куда подальше, но вместо этого я решительно воскликнула:

— Конечно! Я что, не говорила, что прекрасно катаюсь? — ага, следовало бы до этого сказать, что я не катаюсь вообще ни на каких лыжах. Но я уже распалилась, всё внутри меня вспыхнуло. Уля, ты может и хорошая, но я не люблю, когда на меня вот так насмешливо смотрят...И уж если честно, меня сильно взбесило то, с каким восхищением Городовой

смотрит на неё.

— Ты уверена? — Роман принялся изучать моё лицо, ища подвох. И уж лучше бы он его на нём нашёл... — Ну ладно, попробуешь после Акулины.

Попробовала. Меня усадили на бортик, нацепили на ноги лыжи, дали в руки петлю, к которой был привязан канат, в свою очередь привязанный к лодке, дали какие-то инструкции, которые я не слушала, а лишь кивала с предостойным видом... И катер поехал. Я не сдержала визга, когда лыжи поехали по воде, а катер стал набирать скорость. Брызги разлетались от меня в разные стороны, ветер бил в лицо и мне с трудом удавалось дышать. Но было так классно! Я удержалась! Я смогла! От этого меня обуял такой восторг, что я решила помахать одной ручкой зевакам, наблюдающим за мной, а катер в этот момент как раз входил в поворот...

Честно сказать, плохо помню, что произошло. Но стоило мне попробовать удержаться одной рукой, как вдруг меня замотало в стороны, ноги задрожали, одна подкосилась и вот, я уже больно шлёпнулась брюхом на воду, всё тело жутко заболело, и я с головой ушла в воду. Стараясь не поддаваться панике и игнорируя боль, я стянула одну лыжню, и моя голова оказалась на поверхности. Ко мне уже спешили на помощь несколько спасателей. И как раз вовремя. Сил не было вообще, живот от удара об воду болел жутко, как и правая нога, которая подогнулась.

Странно, что первым до меня доплыл Романыч, а не профессиональные спасатели.

— Идиотка! Ты что, ни разу не каталась? — вместо благодарностей Богу по поводу того, что я жива и у меня ничего не отвалилось, сказал Романыч. Я лишь ухмыльнулась и ухватила за его шею, совершенно обессиленная.

— Мой спаситель! — с сарказмом сказала я, — Отбуксируйте меня к берегу, пожалуйста, я, похоже, хорошо приложилась об воду...

Спустя десять минут после осмотра в медпункте мне поставили диагноз умалишённая. Как же сетовала медсестра! И куда ты полезла, и что ты о себе возомнила... Но я ей всё простила, потому что она помазала мой раскрасневшийся от удара об воду живот какой-то мазью и боль отступила. Увы, относительно ноги не было таких утешительных прогнозов, и медсестра заявила, что она полностью пройдёт только через пару дней, разумеется, при полном покое. И уж тем более никакого плавания.

— Вам нужно лучше следить за своей девушкой, молодой человек, — я обрадовалась, что Романыч не сумел ускользнуть от нравоучений злой тёти в белом халате, — Куда мы, спрашивается, смотрели? Она могла и шею себе свернуть, вы только гляньте на её живот! — для пущего эффекта женщина ткнула мне под дых указательным пальцем и я взвизгнула от боли.

— Ни фиги себе методы лечения! — ахнула я. Городовой поспешил схватить меня на руки и вынести из медпункта. Около двери крутились обеспокоенные Стас и Акулина.

— Ну, как ты? — забеспокоилась девушка. Я пальцами показала ей, что всё окей, хоть и чувствовала себя какой-то обкуренной, голова кружилась, а лёгкие чуть пощипывало от того, что я наглоталась солёной воды.

— Она в целом в порядке, — вздохнул Роман и я осознала, что, несмотря на то, как он на меня орал, он очень беспокоился, и я крепче обхватила его за шею. — Повредила кожу от удара об воду, плюс ушиб ноги. Через пару дней всё пройдёт.

— Слава Богу. Всё же было прекрасно! Что случилось при повороте? — поставила на меня голубые зенки Уля.

— Решила поприветствовать поклонников, — слабо улыбнулась я. Ромка неожиданно поцеловал меня в макушку.

— Дура, — беззлобно бросил он. — Ребят, вы развлекайтесь, а мне нужно доставить больную домой и окружить заботой! — я сильно засомневалась, что он сумеет дотащить мою увесистую тушку до коттеджа.

— Может, помощь нужна? Мы не можем развлекаться, когда Маша больна, — нахмурился Стас, и я едва не послала ему воздушный поцелуй. Какой он трогательный!

— О нет, я желаю остаться со своим спасителем наедине и хорошенько отблагодарить его! — томно простонала я. Романыч укоризненно на меня посмотрел, покачал головой, но я заметила, что он пытается скрыть улыбку.

Через пятнадцать минут я уже лежала, вытянув ногу и легонько поглаживая живот. Романыч сидел напротив и пытался вызвать у меня чувство вины.

— Ну, и что это было? — спросил он.

— Это было самое эротичное падение за всю историю катания на водных лыжах, — смело заявила я, усиленно стараясь, чтобы потолок перед глазами не разбежался в разные стороны, получалось плохо и узоры на нём разбегались в разные стороны как напуганные тараканы.

— Какое самомнение! — вздохнул он. — И что мне с тобой делать?

— Сидеть у моей постели и держать за руку, когда я буду умирать! — я трагично возвела глаза к потолку. Ну вот, опять стал разбегаться. Я взглянула на Романыча, вернее сказать, на Романычей, потому как их было два.

— Хватит ломать комедию, отлежишься пару дней и всё пройдёт, — утвердительно кивнул он. — А теперь признайся, заревновала? — он хитро заглянул мне в глаза, и я тут же перестала ломать эту самую несчастную комедию.

— Ещё чего, — я упрямо выставила вперёд подбородок. Ромка тут же оказался рядом, коснулся пальцами моей скулы, другую руку он опустил на больной живот и стал чуть поглаживать ноющую кожу. Ох, жаль, я немного не в форме, его прикосновения заставили меня трепетать...

— Заревновала? — он снова пытливо уставился на меня.

— А не фига было так ей восхищаться, — не выдержала я. — Доволен?

— Очень, — прошептал он и поцеловал меня. Какой там нога? Какой там больной живот? Его тут же свело в приятном спазме, и я сама потянулась к Роме. Если он всё время будет так целоваться, то я непременно сдамся...

— Я смотрю, ты не так уж и больна, — его голос был хриплым. Я была рада, что не у меня одной сносит крышу от наших поцелуев.

— А ты меня совсем не жалеешь, — улыбнулась я, откинувшись на подушки. Нет, всё-таки я чувствовала себя не очень хорошо и целоваться сейчас лучше не надо... Но только стоило взглянуть в этом уже такое знакомое лицо, как у меня появлялось желание прижаться к нему крепко-крепко, вдохнуть его потрясающий запах...

— Хочешь чего-нибудь? — спросил он, поглаживая мои волосы. Я прикрыла глаза и получала удовольствие.

— Да, — я слабо кивнула. — Не уходи, — я подумала. — А ещё шоколадку, — ответом мне послужил смех, вызывающий волнение у меня в груди.

— Скоро буду, — он поцеловал меня в нос и его как ветром сдуло. А я позволила себе вздохнуть, и вздох получился очень печальным. Я залетела в клетку и дверь за мной

постепенно закрывается, ещё есть шанс улететь обратно в бескрайние небеса, но с другой стороны хочется чувствовать себя пойманной, чувствовать, что не только ты несёшь ответственность за себя, но и ещё кто-то несёт её за тебя...

До пятницы я притворялась полноценным инвалидом. Совершенно ничего не делала. А Роману, казалось, нравилось быть у меня на побегушках. Ночью он обнимал меня, крепко прижимая к себе и поглаживая волосы, утром приносил завтрак в постель, потом тащил к морю, где я типа купалась, а потом душ... Ух...это было самым приятным. Не знаю, как ему удавалось не изнасиловать меня, мне и самой это уже с трудом удавалось. Но медсестра прописала покой, и Городовой упрямо следовал её указанием, а я лишь кусала губы.

За все эти дни отдыха я почувствовала расслабленной. Мне было хорошо рядом с Ромой, а ему доставляло удовольствие ухаживать за мной. Я старалась не думать о будущем, живя только настоящим.

И вот, наступило утро пятницы. Я сладко потянулась в объятьях Городового, открыла глаза и встретила с каре-зелёными глазами, которые смотрели на меня с такой нежностью, что у меня заломило все кости. Нога прошла ещё вчера, а живот и того в вечер падения. Но я усиленно притворялась больной, а Городовой усиленно делал вид, что не замечает моего притворства. Я пробежалась пальцами по его лицу, чуть подёргала мягкие волосы, тронула ямочки на щеках, залюбовалась его улыбкой...и поймала себя на мысли, что готова проспаться так каждый день.

— Привет, — прошептал он.

— Угу, — я ещё раз потянулась. Мы были прижаты друг к другу крепко-крепко, и я потёрлась грудью о его грудь. Мы оба мгновенно напряглись. Меня изнутри всю стянуло, и я сжала его плечо сильнее, чем надо было. Ох, нет, только не сейчас...мне надо почистить зубы, принять душ и...

Рома притянул меня ещё ближе и поцеловал. Его рука по-хозяйски устроилась на моей пятой точке, а я, не желая отдавать первенства, оказалась сверху, старательно убирая волосы назад, стараясь, чтобы они не мешали целоваться. Я вся горела и он тоже. Что я там хотела сделать? А, нафиг...

Его руки скользнули под мою майку, и я судорожно вздохнула от прикосновения горячих пальцев, так подходящих к моей груди...Я не заметила как, но я снова была внизу, его тело было плотно прижато к моему и я улыбнулась сквозь поцелуй тому, что не я одна очень долго томилась в ожидании. Вот его пальцы принялись пуговица за пуговицей расстёгивать мою пижамную майку. Он делал это нарочно, не желая стягивать её через голову.

— Быстрее, — я чуть прикусила его язык, на что он промычал что-то неразборчивое. Вот с пуговицами было покончено и его пальцы заскользили по мне. Я еле успевала втягивать воздух. Терпеть больше не было сил. Я обхватила его ногами...Проклятая одежда, надо напоминать себе в следующий раз спать головой...Парень оторвался от моих губ, осыпая поцелуями шею и грудь, я уже не понимала, что происходит и тихо постанывала, стараясь не закричать в голос.

— Маша, посмотри на меня, — я с трудом разлепила затуманенные глаза. Они тут же впились в его глаза.

— Ну что же ты, — прошептала я, вытягиваясь дугой, предлагая своё тело для ласк. Но он не спешил, явно смакуя момент. Подлец, ему нравилось меня мучить, правда, он при этом мучился сам. На мою мольбу он лишь невнятно ухмыльнулся, вот его ладонь скользнула под

мои шорты, я ахнула и... Постучались в дверь. Мне чуть ли не до крови пришлось расцарапать спину Романа, чтобы не вскрикнуть от досады. Мы замерли в таком положении, прислушиваясь. Может, показалось? Нет.

— Чёрт бы их побрал, — я старалась дышать размеренно, но под таким горячим взглядом это было трудно. — А ну их? — я посмотрела в искажённое страстной эмоцией лицо парня.

— Нееет, — он издевается!

— Ты снова издеваешься надо мной! — злобно прошептала я, когда он слез с меня. — Такое ощущение, что ты меня совсем не хочешь и держаться тебе легче лёгкого, — всё это я бормотала, пытаясь застегнуть майку.

— Маша, — его голос прозвучал неожиданно серьёзно, — Взгляни на меня и попробуй ляпнуть ещё подобное хоть раз, — я посмотрела. На его сжатые кулаки, судорожное дыхание и мелкую дрожь, на бьющуюся жилку на шее, на плотно сомкнутые губы и дикое пожарище в глазах...

— Эта картина радует, — улыбнулась я, затем прокашлялась. — Чего надо? — спросила я громко.

— Я решила зайти узнать всё ли у вас в порядке, — раздался тихий голос Акулины за дверью. Мы с парнем оглянулись и чуть прыснули от смеха. Да уж, всё было просто замечательно, пока ты не явилась, — Просто вы долго не проспались и я подумала...

— Мы сейчас спустимся, — проговорила я, на дрожащих ногах поднимаясь с кровати. Городовой с удивлением на меня посмотрел. — Я тоже могу держать себя в узде, когда надо, — гордо заявила я и прошлёпала к комоду с вещами.

— Хорошо, завтрак уже готов, — эти слова привели меня в ужас.

— Ты приготовила? — я старалась, чтобы голос не был наполнен скептицизмом.

— Ага, надеюсь, что получилось. Ладно, ждём вас, — она ушла. Наступило затишье. Мы с Ромой переглянулись и одновременно рассмеялись.

— Ты тоже в курсе относительно её кулинарных способностей? — усмехнулась я, перед тем, как уйти в душ. Был огромный соблазн позвать Городового с собой, вот только мы вряд ли успеем к завтраку. И к обеду, вряд ли.

— О дааа, — многозначно ответил он. Я бросила ему улыбку и удалилась.

А улыбалась я весь день. Это был последний день отдыха, красивая сказка скоро закончится, но я по-прежнему не хотела смотреть в будущее... Нет, спасибо. Я как-нибудь без этого обойдусь. Поезд был только утром, а у нас ещё вся ночь впереди... Я глупо заулыбалась при этой мысли. Ночь... Что-то мне подсказывало — она будет особенной.

— Очень вкусно, — почти не соврала я, пробуя гренки а-ля Акулина.

— Правда? — с надеждой спросила девушка. — Ну, мне очень важно твоё мнение, ты же ведь так прекрасно готовишь!

— Правда, — кивнула я. Только немного суховаты и если не запить чем-нибудь, такое ощущение, что куски порежут пищевод. Видимо, она забыла обмочить их в смеси из молока и яиц.

— Я так рада! Добавки? — разулыбалась девушка. Мы с Ромой переглянулись и протянули тарелки. Всё-таки она хорошая.

Весь день мы были заняты ничего не деланьем. Акулина со Стасом за всё то время, пока я валялась больная, успели много чего переделать и теперь мы вчетвером прогуливались вдоль берега. Я уже без притворства целовала Рому, подала в его объятия, смеялась и

обнимала его. И он тоже. Я это видела. Но меня всё не покидала мысль о том, что он сказал... Ему нужно от меня нечто большее. Нечто большее, чем секс? Разве сейчас мы этим и не занимаемся? Прогуливаемся вместе, говорим всякую чушь, смеёмся и радуемся жизни. Ох...если бы. Но я прекрасно понимала, что как только мы окажемся в родном городе, я поступлю так, как должна поступить. Сбегу от него, сверкая пятками. Потому что он слишком сильно стал мне нравится...и чем дольше я позволяю ему думать о том, что я в его власти, тем потом труднее мне будет уйти. Вот только...разве я претворяюсь, что принадлежу ему или он уже когда-то успел украсть моё сердце?

Городовой был не похож ни на одного парня, с которым я встречалась. Вместо того, чтобы тут же уложить меня в постель, он сказал, что ему нужно большее. Ну, хотя он не отказался бы и от секса. И как он смотрел...как улыбался мне, как веселился со мной. И как мне нетрудно поделиться с тем, что у меня на уме. С ним действительно как за каменной стеной...

Именно поэтому я боялась. Я боялась раскиснуть и позволить себе доверять ему. А потом оказаться брошенной и разбитой. Что-то подсказывало — после этого я уже не соберу себя заново.

— Чего загрустила? — уже настал вечер. Мы мыли тарелки после праздничного ужина и я, наконец, задумалась о том, что же делать дальше. И сколько я не задавала себе этот вопрос, совершенно не было ответа. Одно было ясно точно. Наш план по разлучению Акулины и Стаса с треском провалился. И мне было не жаль, потому что это мне никогда и не было нужно...Катя права. Это было всего лишь моей прихотью. Но вот для Ромы...А вдруг он всё ещё играет в эту игру?

— Тебе нужна Акулина? — прямо спросила я, глядя ему в глаза.

— Нет, — уверенно ответил он, кладя тарелку на полотенце. Он положил руки мне на бёдра и притянул к себе. — Разве утром я не дал этого понять? — его губы скользнули по моему уху к шее.

— Ну, кто тебя знает, может ты такой ненасытный? — выдохнула я. Добраться бы до спальни...

— Я более чем уверен, что мне хватит тебя, — он заглянул мне в глаза. У меня внутри всё сжалось. Верить или нет? Я опустила глаза. Нет, я подумаю об этом завтра. — Маша, — позвал он. Нужно посмотреть ему в глаза. Господи, сколько эмоций плескается в этом каре-зелёном омуте... — Я думаю, мне хватит тебя одной надолго. Очень надолго.

— Насколько? — прошептала я. Так хотелось довериться, так хотелось, наконец, не бояться близости с кем-то. Хотелось показывать все свои истинные чувства. И я знала, что могу показать их Роману.

— Для начала навсегда, — любая девушка растает от таких слов и обещаний. Но только не я.

— Ты не знаешь, о чём говоришь и что мне обещаешь, — вздохнула я, пытаюсь вырваться из его объятий. Нет, это зашло слишком далеко. Нужно немедленно выбираться из этой клетки, дверка почти захлопнулась...Ещё чуть-чуть и я не смогу никуда деться. Ещё чуть-чуть и я поверю ему.

— Маша, неужели ты не понимаешь, что если я говорю что-то, то это на самом деле так, — он заставил меня взглянуть на него. Я вздохнула, вглядываясь в лицо, которое за такой короткий срок стало мне родным. Неужели так бывает в реальной жизни? Всю жизнь бежишь по поверхности, а потом встречаешь того, с кем готова нырнуть в глубь и, наконец,

замедлить бег...

— Мне трудно, — призналась я. — Очень, — ещё бы, создавалось такое впечатление, что меня распяли. Всё болело от необходимости принять выбор. Может этот страх и глуп, но я не могла от него отделаться. Я слишком боялась боли, поэтому и старалась ничего не воспринимать близко к сердцу. А доверять, это значит впустить кого-то в своё сердце.

— Иди сюда, — он прижал меня к груди, и я прикрыла глаза, с удовольствием вдыхая его запах. Такой родной, такой близкий... — Давай не будем торопиться. Сейчас отправимся наверх и ляжем спать, а потом... — он вздохнул и обхватил горячими ладонями моё лицо, — а потом вернёмся на родину и я приглашу тебя на свидание, — он улыбнулся, и я грелась в свете этой улыбке.

— Конечно, — он дал мне время, отсрочку. Теперь я могу убежать от выбора хотя бы на время. Временное облегчение то, что мне нужно. И пускай все твердят, что от проблем убежать не надо и решать их лучше сразу. Нет уж, я привыкла бежать так быстро, чтобы оглянуться назад не было возможности.

Через десять минут, окончательно разобрав на кухне, мы лениво поплелись в комнату. Ох, эта комната... Не помню, чтобы я так прекрасно проводила ночь. Так сладко засыпала и просыпалась. В наше время так мало мужчин, которые могут подарить сказку, пусть девушка и упрямится.

— Я скоро приду, — я взяла принадлежности и отправилась в ванную. Завтра всё это закончится. Я знала, что зря одобрила идею со свиданиями. Я знала, чем всё это закончится. Я была трусливым зайцем и надеялась, что в глубине души Рома это понимает.

Освежившись, я вернулась в комнату. Городовой стоял на балконе и всматривался в тёмное, казавшееся почти чёрным, море. Меня окатил такой прилив нежности и чего-то ещё, от чего сердце так сладостно сжималось и не хотелось его отпускать, что я обняла его со спины и потёрлась подбородком о его загорелую кожу.

— Здесь очень красиво, — заметила я, чтобы начать разговор. Мне хотелось услышать его голос.

— Да, — согласился парень, развернувшись ко мне лицом, — Знаешь о чём я думал в твоё отсутствие? — конечно, я не знала, потому что не обладала такой проницательностью, как он.

— Обо мне, разумеется! — хмыкнула я.

— Да, о нашей первой встрече, — я тут же придумала это событие трёхнедельной давности и улыбнулась. Я как всегда была в своём репертуаре.

— И что же ты надумал?

— Я подумывал поблагодарить Миху за то, что он в тот вечер в состоянии нестояния решил отправиться на День Города. А потом то кафе... Я вроде и не был романтиком, но кажется, поверил в судьбу, когда увидел тебя ещё и в бильярде, — говоря это, он смотрел мне в глаза. Я ещё никого не подпускала так близко... и больше ничего не хотелось, кроме него.

— Какие мы романтичные, — подкольнула я, — Надеюсь, ты не собираешься распевать мне серенады всю ночь? — я усмехнулась и постаралась развеселиться. Хватит быть серьёзной, нужно с оптимизмом смотреть в будущее.

— У меня есть идея получше... — его глаза хищно блеснули и я тут же оказалась у него в руках. Несколько секунд — и я уже тону в мягкой постели.

"Наконец-то" — пронеслась мысль у меня в голове, а потом уже думать не хотелось, я

лишь отдалась чувствам. Рома медленно стал раздевать меня, осыпая тело поцелуями, мне лишь оставалось удовлетворённо мурлыкать. Он был особенным, он направлял все силы на то, чтобы доставить мне удовольствие, а не получить его самому... Но этим займусь я. Только чуть позже...

— Смотри на меня, — велел он, когда его губы вернулись к моим губам. Я лихорадочно кивнула и отчего-то дрожащей рукой притянула его к себе. Это был мой далеко не первый опыт, но что-то подсказывало мне — в этот раз всё будет по-особенному.

Наконец, его губы перестали терзать мои и спустились ниже, к шее, к груди... Я лихорадочно обхватила его ногами. Но Рома ещё был одет и пока не собирался раздеваться. Я боролась с отчаянным желанием наброситься на него. Нет, Маша, медленнее, ещё вся ночь впереди...

Вот его губы снова нашли мою шею, а горячая ладонь скользнула между бёдрами.

— Ох, — только и вырвалось у меня, прежде чем он занял мои губы очередным сносящим голову поцелуем. Медленно, доверяясь ритму, который задавала его рука, я начала двигаться и вскоре улетела в какие-то невероятные космически просторы, с трудом соображая, как управлять собственным телом. Его губы то терзали мои, то кожу шеи, иногда спускались груди, тянулись к уху и шептали нежные слова...

Первая волна наслаждения настигла меня очень быстро. Но я не устала, о нет... это лишь распалило меня. Горячие поцелуи заставили губы припухнуть, трясущимися руками я стянула с парня футболку и, повалив его на кровать, устроилась сверху, покрывая великолепное тело поцелуями.

— Маша, — чуть слышно упрекнул он меня, явно собираясь главенствовать в наших утехах. Я всё-таки решила поддаться, нет, это не борьба, как раз наоборот. Расслабившись, я позволила ему снова уложить меня на постель, обвести горячими пальцами контуры моего тела. Он любовался, впитывал взглядом каждую частичку моего тела...

Наконец, он избавился от одежды окончательно и устроился между моими ногами.

— Глаза в глаза, — напомнил он. Это было настолько волнующе, я вцепилась в его плечи ногтями. Наконец, свершилось... Я тут же вскрикнула, но старалась не прикрывать глаз. Я лишь больно закусывала губы, стараясь не потеряться в космических пространствах, нужно быть с ним, нужно тонуть в его глазах. Но с каждой секундой становилось всё труднее, я в отчаянье цеплялась за его затуманенный взгляд и, наконец, не выдержала, закрыла глаза и отдалась эмоциям. Это было невыносимо... он владел моим телом, но глаза смотрели в самую душу.

Я оказалась права, эта ночь была на самом деле особенной. Не помня себя от усталости, я калачиком свернулась на груди Городового. Мыслей не было вообще. Я лишь чувствовала приятную боль во всём теле, тягучую и напоминающую о том, что было невыносимо хорошо...

8 РЕАЛЬНОСТЬ или БЕЖАТЬ И НЕ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ

Утром я едва смогла соскresti себя с постели. Я разлепила глаза и в них ударило солнце.

— Ух ты ж ё, — пролепетала я, стараясь потянуться в руках парня, но он так крепко прижал меня к себе, что я даже стала задыхаться, — Рома, — прошептала я, чуть толкая его в плечо. Пока я пыталась его разбудить, то попутно старалась хоть что-то вспомнить о вчерашней ночи. Я покраснела, прейдя к выводу, что помню только невероятное наслаждение и наполненные страстью каре-зелёные глаза.

— Ещё минуту, — прошептал он, прижав меня к своей груди. Да, соблазн поваляться был...будильник ведь ещё не прозвонил и...Но вот раздалась противная мелодия. Городовой со стоном открыл глаза и под звук будильника, стиснул меня ещё крепче и горячо поцеловал. Мне с трудом удалось вспомнить кто я и что я от такого умопомрачительного поцелуя.

— Привет, — промурчал он, — Надо вставать, — судя по голосу, ему не очень-то хотелось. А я боролась с отчаянным желанием последовать обычной схеме: удрать после секса. Хотя это не было сексом...Это было...Видимо такое и называют "заниматься любовью". Этой ночью меня любили, и это было невозможно не понять.

— Надо, — наконец, он разжал руки. Меня тут же обдало внутренним холодом. Я больше не почувствую этих рук...Стараясь не показать своего смятения, я ускользнула в ванную, где привела себя в надлежащий вид. Поезд у нас был девять, будильник поставили на семь. Надо собраться за полчаса. Я быстро освободила ванную и встретила в коридоре с Акулиной.

— Ну как, готова вернуться к реальности? — улыбнулась я. Но девушка, пробормотав что-то невнятное, прикрыв рукой глаза, скользнула в ванную. Я тут же постучалась в дверь. — Уля, всё нормально? — ответом мне был слабый всхлип. Я уже откровенно ломилась в дверь. — Уля! — сурово произнесла я. Наконец, дверь открылась. Передо мной предстало неутешительное зрелище: заплаканная и припухшая Акулина с красными глазами.

— Что случилось? — тут же забеспокоилась я.

— Ничего, — что ж, вполне ожидаемый ответ.

— Что-то в городе? Тебе позвонили и что-то сообщили? — предположила я, входя в ванную и закрывая за собой дверь. Акулина всхлипнула.

— Нет, там всё нормально...Я надеюсь.

— Тогда что? — я не понимала очевидного.

— Мы поругались.

— А? — выражение лица у меня было наитупейшее.

— Со Стасом! — воскликнула она, у меня внутри всё похолодело. Как так? Они же с Матросовым идеальная пара и у них всё так хорошо. Неужели нам с Городовым всё-таки удалось их поссорить? Но последние дни мы вообще мало с ними общались и уж тем более ничего такого не делали...

— Из-за чего? — может всё не так серьёзно? А она плакала потому, что они ссорились очень редко. Я взглянула в опечаленные глаза Ули. Стало не по себе. Судя по всему, ей очень плохо...

— Я сама не помню, — призналась она, — Слово за слово и вот мы уже не понимаем друг друга. Мы такие разные... — она снова всхлипнула. — До этого такого не было, но он... я не подхожу ему, — девушка разрыдалась, и я обняла её за плечи. Что за чушь? Да это самая подходящая друг другу пара, из всех, что я знаю.

— Уля, я уверена, что всё наладится... — прошептала я. Да не может быть, чтобы они взяли и расстались! После всего этого...

— Нет, — отчаянно проговорила она, — Я...думаю порвать с ним. Свадьба — это ошибка, — у меня глаза чуть не вывалились. Что она вообще несёт?

— Ты дура? — откровенно спросила я, — Да вы самая гармоничная пара, которую мне доводилось видеть! Ты что вообще несёшь? Вы же любите друг друга, в конце концов! И мелкие недомолвки должны меркнуть перед этим чувством!

— Но я слишком проста для него! — осевшим голосом возразила она. — Другое дело ты...

— Что? — ужаснулась я. Ну, Машка, молодец, получила свой приз. Вот только уже нафиг не надо.

— Да-да! Он много рассказывал о ваших с ним отношениях! Ты делала его счастливым, а со мной он словно спит...Я же вижу, ему нужно что-то другое, — она разрыдалась ещё сильнее.

— Я с тобой не согласна. Да я вообще на голову пришибленная. А ты будешь идеальной женой и матерью! Вы обязательно помиритесь! Не спеши так, Акулина! — разволновалась я. А если и правда свадьба сорвётся? Я чувствовала свою вину. Всё-таки всё то, что мы с Романом делали, не прошло бесследно и скапливалось на душе у бедной Акулины, пока всё не хлынуло. Они повздорили и всё выплыло...Господи, какие же мы идиоты! И зачем только лезли? Хотя нет, идиотка здесь как раз я, ведь именно в мою непутёвую голову пришла идея разлучить их.

Я ещё минут десять утешала девушку, наконец, она немного успокоилась и попросила оставить её одну. Я лишь кивнула. Ну что ж...Она разумная девушка и разберётся. Я не верила, что она способна разорвать отношения со Стасом. Тот, кстати, тоже не находил места внизу. Мерил шагами комнату и постоянно поглядывал на лестницу в ожидании Акулины. Мне не представилось возможности изложить Роману краткий обзор ситуации... Да и признаться, я избегала разговоров с ним. Внутри меня ещё не всё улеглось, и сейчас я отчаянно боролась с попытками бежать без оглядки. Все мои инстинкты вопили о том, что он слишком близко. Клетка почти захлопнулась, и я уже начинала чувствовать приступ клаустрофобии. Ещё немного и я не смогу уйти, привяжусь к нему так, что у меня не будет шанса освободиться...

Акулина спустилась к самому отъезду. Молча девушка села в такси на переднее сидение. Я же впихнула Стаса между собой и Романычем. Последний явно не заподозрил моего смятения и всё дорогу весело болтал...Оказавшись в поезде, Акулина тут же запрыгнула на верхнюю полку и сказала, что хочет спать. Я хотела было слазить с ней и поговорить, но не решилась. Стас психанул и ушёл прогуляться. Мы с Романычем остались вдвоём, сидя на противоположных койках.

— Что случилось? — одними губами спросил парень, указывая на Акулину. Я лишь слёзно взглянула на него и закрыла лицо руками. Он понял. Сел рядом.

— Они поссорились? — прошептал он мне на ухо. Я вздрогнула от его близости, на которую после случившегося стала реагировать ещё сильнее.

— Да, — кивнула я. Да, и теперь ты можешь идти клеить свою Акулину, а меня оставить в покое. Освободить от этого удушающего чувства привязанности к тебе, словно меня посадили в клетку... Но таким уж удушающим было это чувство? Мне нравилось быть с ним рядом, видеть его улыбку, слышать, как он говорит и что он говорит. Нравилось касаться его. Но, несмотря на всё это, внутри меня что-то отчаянно сопротивлялось этим чувствам. Какой-то животный страх быть в будущем отвергнутой не давал мне покоя.

Путь домой проходил в гнетущей обстановке. Стас и Акулина не перекинулись даже парой слов. Я же старательно прятала взгляд от Городового, который приписал моё настроение к тому, что наши сектанты поссорились. А ведь было так хорошо... Но райские каникулы закончились и настала суровая реальность. Я не могу позволить себя привязать. Я должна бежать.

Это я и сделала по приезду. Схватила багаж, коротко попрощалась и прыгнула в первое попавшееся такси под недоумённый взгляд Городового. Да, я тебя бросаю, а ты думал, что уже заполучил меня? Я не знаю, что вообще заставит меня отдаться человеку полностью, как говориться, со всеми потрохами...

С вокзала я тут же заехала к Кате, игнорируя звонки Романа. Мобильник лишь слабо вибрировал в кармане, и я буквально заламывала себе руки, чтобы не ответить на вызов. Сейчас я была уязвима, и он мог уговорить меня...

— Маша! — Катя встретила меня радостными объятиями. И это несмотря на то, что было уже поздно.

— Я пришла за котом по кличке Кот! — я так же радостно улыбнулась. Ох, вот она, моя реальность... суровые будни в виде рыжего кота, который смотрит на меня так, словно я утопила всех его родственников. — Ну, здравствуй, моя прелесть! — я потрепала кота за ухо. — Ладно, я побежала, а то такси ждёт, а счётчик включен, так что...

— Всё нормально? — эх, Катя, как бы мне хотелось, чтобы ты знала меня не так хорошо.

— Да, потом всё расскажу, — вот только соберусь по кусочкам. Может я и бежала от боли, но всё равно сделала себе очень больно, убегая от Городового.

Я вылетела из квартиры подруги, чуть ли не забыв кота, прыгнула в такси и назвала свой адрес. Лихорадочно поглаживая рыжую шерсть, я пыталась собраться с мыслями. Итак, Табелева, что мы имеем. Мы имеем умопомрачительную ночь с Романом и его обещание, что ему будет достаточно меня одной всегда. Мы имеем, что тебе очень понравилась эта ночь и его обещание. Но готова ли ты к нему? Готова ли я отказаться от свободы?

Мне вспоминалось, как я готовила, как мне нравилось его "Это прекрасно, дорогая", как мне нравилось болтать с ним и ничего не делать. Господи Боже, да я стала настоящей домохозяйкой! Я же привыкла быть независимой, словно кошка, выбирать мужчину, который будет считать себя моим хозяином, но только на одну ночь... Как так получилось, что я стала ручной?

— А он ещё называл меня дикой кошкой, — прошептала я Коту. — А я недалеко ушла от тебя, — на мои слова животное лишь зевнуло.

Я ведь почти доверилась Роме. Почти. Оставался этот страх, что он меня бросит. Но стоит ли считать его плохим лишь от того, что практически все мужчины, которых я знаю мерзавцы? Я могу отдать себя целиком лишь тому, кто искренне и всем сердцем будет меня любить, кто никогда не сделает мне больно, будет верным и искренним со мной... Разве такие вообще бывают? Но только такому парню я могу довериться без сожалений, целиком и

полностью.

Телефон в кармане всё ещё вибрировал. Я уже подумывала выкинуть его.

— Спасибо, — ох, наконец, я дома. Подъезд девятиэтажки встретил меня темнотой, в которой глаза Кота блеснули зелёным. Таща за собой увесистый чемодан, я забралась на третий этаж и так и замерла на последней ступеньке. Возле двери моей квартиры на чемодане сидел Роман. Он поехал за мной? Ноги предательски дрогнули. Парень поднял голову и взглянул мне в глаза. От такого взгляда хотелось самоуничтожиться... Он упрекал меня. Но в чём? Разве я что-то обещала? Нет! Именно поэтому я гордо прошествовала к двери.

— Что тебе нужно? — холодно спросила я так, словно между нами ничего не было. Правда, не обращать внимания на свои чувства оказалось куда сложнее, чем я думала.

— Этого я боялся, — наконец, произнёс он, когда я уже открыла дверь ипустила в дом кота. Я перевела усталый взгляд на Городового. — Именно поэтому я не уступил тебе в понедельник, но, увы, поддался вчера. И теперь жалею об этом. Ты отдала мне всё, на что была способна и теперь сбегает, трусливо поджав хвост, — его слова резали меня, его тон причинял боль. Он говорил с примесью горечи и злости. Ты прав, как же ты прав...

— Тогда зачем было ожидать от меня чего-то другого? Я ничего тебе не обещала, — я хотела войти в квартиру, но он помешал он. Я собралась с силами, чтобы возмущённо взглянуть на него.

— Ты ничего не говорила, но твои глаза... — я в тысячный раз пожалела, что смотрела ему в глаза той ночью...

— Тебе показалось, — невозмутимо ответила я. — Спасибо... эти дни были прекрасны, но думаю, ты прекрасно понимаешь, что я не намерена продолжать нашу связь, — я лишь немного отредактировала хорошо заученный текст. Как же разрывается сердце и не покидает ощущение того, что я рушу себе жизнь...

— Кошка, которая гуляет сама по себе, — он хмыкнул, — Думаешь, я хотел посадить тебя в клетку? — снова в точку. Таковы мои ощущения. — По глазам вижу, что так и думаешь. Какая клетка? Неужели для тебя любовь это клетка, Маша? — я чувствовала на себе его взгляд, но боялась посмотреть ему в глаза... Я и так с большим трудом держала оборону при воспоминаниях о том, как он смотрел на меня прошлой ночью.

— Клетка и ещё какая, — кивнула я. — Доволен? Теперь пусти.

— Любовь как раз даст тебе свободу, свободу от твоего глупого страха остаться одной. Но если ты будешь отвергать её, то в итоге останешься одна, наедине со своим страхом. И тебе будет куда больнее в одиночестве от осознания того, что у тебя была возможность стать счастливой, но ты побоялась, что тебя бросят, побоялась, что унизят твоё достоинство. Маша, любовь никак не унизит тебя, ты глубоко ошибаешься, — он порывисто прижал меня к себе, а потом я услышала его быстрые шаги по лестнице. Я обернулась в немом крике, но ничего не говорило о том, что он здесь был. А о том, что он вообще был в моей жизни, говорила лишь рваная рана на месте сердца, которое он унёс с собой.

— Ну вот, Кот, теперь я неполноценная дикая кошка... у меня не хватает органов, — я почувствовала горячие слёзы на щеках. Плевать... я имею право плакать. Или же нет? Ведь я должна быть счастлива, я ведь такая самостоятельная и никто не причинит мне боль! Никто, кроме меня самой...

Нужно прийти в норму. Нужно быть сильной. Вот и положен первый шаг к прежней жизни — кот орёт, хочет жрать. Всё как всегда. И нет глубокой раны и нет удушающей тоски

по единственному человеку, которому я могла отдаться полностью... которому я, кажется, теперь и так принадлежала...

На следующий день я чувствовала себя немного лучше, чуть лучше, чем человек, по которому проехался асфальтоукладчик. К букету ужасных чувств, царивших во мне, я к тому же ощущала вину, именно поэтому набрала номер Акулины.

— Алло? — моё настроение тут же упало. Голос девушки не обещал хороших новостей.

— Уля, привет, это Маша, — проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал нормально. Из нас двоих должен убиваться кто-то один. Как интересно получилось... Несколько недель назад я решила разбить эту пару и вот, получилось. А теперь я пытаюсь их воссоединить... И я надеялась, что это получится сделать куда быстрее.

— А! Здравствуй... я как раз хотела тебе звонить, кое-что сообщить... — моё сердце сжалось в надежде, — Думаю, тебе больше не придётся быть свидетельницей на свадьбе...

— Немедленно скажи мне, что просто нашла другую и забила на этот азиатский бред. Скажи мне это или я подумаю, что...

— Да, мы со Стасом решила расстаться, — твёрдо заявила Акулина. Трубка выпала из моей безвольной руки. Нет уж! Я не позволю этим сектантам разбежаться! Где они ещё найдут других таких друг для друга?

— Где ты сейчас? — невозмутимо пропустила я весть мимо ушей.

— Дома у родителей.

— Где?

— На Кузнецкой 116, 39 квартира, — на автомате ответила девушка. Я уже повесила трубку, натянула более или менее приличные джинсы и футболку, схватила ключи от Ларки, наспех заперла квартиру и понеслась на улицу. Может, я умру одинокой старой девой, но уж точно меня не будет грызть совесть!

Мне с трудом удалось добиться аудиенции Акулины. Оказывается, квартира её родителей была до отказа набита сочувствующими родственниками и подругами. Я, переругавшись практически со всеми, пробралась-таки в комнату девушки, встретившую меня неожиданной детской непосредственностью: плюшевые игрушки, всё розовое и мягкое. И сама Акулина напоминала маленькую девочку, у которой отобрали любимую игрушку, девушка свернулась маленьким клубочком на крохотной кровати и смотрела вникуда.

— Привет, — я села перед ней на пол. Она перевела на меня усталый взгляд.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала она срывающимся голосом. И как я могла подумать, что это невинное создание — стерва? Уж если кто и стерва, так это я.

— Спасая самую перспективную пару России, — отчеканила я. — Почему вы расстались?

— Маша... — промычала она.

— Я задала чёткий вопрос и жду чётного ответа. Хватит мямлить. Если уж так решила, то что раскисаешь? Должна радоваться, ведь ты наверняка считаешь, что это решение верное, что всем так будет лучше. Вот только что-то тебе не лучше. Ты посмотри на себя, из тебя как будто бы уходит жизнь. Что ты так на меня смотришь? Хочешь сказать, что самые важные решения в жизни не бывают простыми? Абсурд! Тебя бы не рвало на куски, если бы расстаться со Стасом было верным решением! — я говорила и говорила, но всё никак не могла понять, что сказанное Акулине вполне подходит и под мою ситуацию.

— Но... — проблеяла она, присев в кровати.

— Почему ты с ним рассталась? — спросила я снова. — Ты его не любишь?

— Люблю, — то, как неожиданно уверенно прозвучал её голос, дало мне надежду. Ну, они и дятлы, упускают счастье, когда оно, казалось, так очевидно!

— Тогда почему раскисаешь? Он сказал, что не любит тебя?

— Нет, не говорил, но...

— Хватит! — прервала я её, — Если не сказал, что не любит, значит любит. И так. Он сказал, что ты его бесишь или что он мог бы найти кого лучше?

— Не говорил, но...

— Но ты так считаешь? — она решительно кивнула. — А ты не думала, что ему лучше знать, что он хочет? И что он не зря так расцветает в твоём присутствии и смотрит на тебя так, как алкоголик смотрит на последнюю бутылку спиртного в мире? Он весь сияет, ты согреваешь его. Это же очевидно! И я более чем уверена, что сейчас твой Стасик в данный момент придаётся таким же депрессивным мыслям и карит себя за то, что он такой дубина, раз не смог удержать тебя... И он думает, что раз уж ты его бросила, то так для тебя легче и поэтому пытается мириться с этим. Но ему сейчас очень хреново. И тебе хреново. Вы оба думаете, что так лучше, потому что не хотите поверить в то, что вы действительно любите друг друга. Да, иногда поверить в чью-то любовь очень трудно, но когда она так очевидна, чего ещё вам не хватает? Все ваши проблемы из-за того, что вы как две депрессивные овцы, не желающие поставить друг друга перед фактом и спросить о чувствах. Если ты спросишь, любит ли он тебя, он ответит, что да. Ну, конечно поблеет что-то перед этим. И с твоей стороны всё будет так же. Но вы, блин, как два идиота блеете о том, что так будет лучше... Как же это будет лучше, если после расставания, вам так хреново, а во время отношений вам казалось, что небо усыпано алмазами? — я уже задыхалась от возмущения, говоря всё это. Пока их не стукнуть лбами, фиг решаться. Наконец, я решила прерваться. Акулина смотрела на меня огромными широко распахнутыми глазами, и я с удовлетворением отметила, что в них появился просвет.

— А ведь ты права... — прошептала она. Я чуть ли не взвыла от счастья. Всё-таки эти сектанты непостижимый народ! — Если бы нам лучше было бы поодиночке, нам бы не было так хорошо вместе и так плохо друг без друга, — Акулина видимо ощутила всплеск эмоций, потому как она подскочила ко мне и расцеловала в обе щеки. — Ты отвезёшь меня к нему?

— Разумеется, должен же кто-то проконтролировать, чтобы вы опять всё не испортили... — ухмыльнулась я.

Всю дорогу мы молчали. Судя по лицу Ули было очевидно, что она заговаривает речь. И когда мы притормозили возле нужного дома, я дала ей последнее напутствие:

— Отбрось все сомнения к чертям и говори то, что чувствуешь, — девушка кивнула и решительным шагом направилась к подъезду. А я смотрела ей в след и размышляла, почему же у меня нет такого человека, который даст мне хорошего пинка под зад...

Спустя час, когда я уже подъезжала к дому родителей, мне на телефон пришла смс-ка с благодарностью от Акулины. Почему только смс я догадывалась, видимо, были слишком заняты друг другом... Я глупо улыбнулась. Если уж этим сектантам действительно было бы суждено разойтись, помирить их было бы куда труднее.

Я окинула быстрым взглядом двор, в котором выросла и пошла к знакомому дому, поднялась на шестой этаж и позвонила в дверь. Мама не ждала меня, я сказала ей, что приеду только в понедельник. Вообще я навещала родителей крайне редко, хотя мы и жили в одном городе. На телефонные звонки так же было отведено мало времени. Я понимала, что они по мне скучают, но стремилась быть крайне самостоятельной.

— Маша! — удивлённо воскликнула мама, когда открыла дверь и тут же заключила меня в крепкие объятия. Я с удовольствием зарылась в густую копну её медных с проседью волос и ощутила знакомый запах духов. — Как я рада тебя видеть, дочка. Ничего не случилось? Ты вернулась раньше.

— Нет, всё хорошо. Но я умру с голоду, если ты меня не покормишь, — улыбнулась я. Хитрые зелёные глаза мамы прищурились, она пропустила меня в комнату. — А папа где? — поинтересовалась я.

— На рыбалку уехал, старый хрыч, так что у нас девичник, — разулыбалась мама. Снова обняла её. — У тебя точно ничего не случилось, дочка? — с сомнением спросила она.

— А что, я не могу приехать просто так? — притворно обиделась я. — Покорми, а потом может чего и расскажу.

Мама тут же принялась кашеварить и вскоре я уплетала спагетти с фрикадельками. Официально я уезжала на море отдыхать с друзьями, ну, это было почти правдой.

— Отдохнули вы хорошо. Ты загорела, — кивнула мама, — Но я же вижу, что у тебя на сердце беспокойно, — да уж, видимо, от матери и правда вряд ли что скроешь.

— Я давно хотела у тебя спросить... — я набрала в лёгкие побольше воздуха. — Как ты смогла довериться папе, после ухода... — было нелегко, — Ну ты понимаешь, — мой вопрос заставил маму призадуматься.

— Маша, я знаю насколько тебя ранил уход твоего биологического отца, — вздохнула она, — И за это я готова проклинать его всю жизнь. Но я когда-то любила его, и он причинил мне боль, — она задумалась. — А Саша... — мы с Андреем были официальными детьми отчима и носили его отчество, — Глупо, но я, вроде бы уже серьёзная женщина с двумя деться должна бы не верить во всякие глупости, но он явился, ей Богу, как принц на белом коне. Он долго ухаживал за мной, пытаясь доказать, что готов принять вас как родных и я действительно долго не могла поверить ему. А вдруг он уйдёт так же, как и он? Но, как видишь, я решила поверить, и теперь мы все счастливы, мы самая настоящая семья и я лишь жалею о том, что не встретила его раньше.

— Так почему же ты поверила? — напряглась я.

— Потому что любила так, что не смогла бы расстаться. Любовь победила страх и боль предыдущей потери. И я никогда не пожалею о том, что доверилась ему. Не стоит мерить всех мужчин по одному шаблону. Удивительно, но среди них попадаются достойные экземпляры, — мама тепло улыбнулась мне, а я судорожно вздохнула. Правильно ли я поступила, убежав от Романыча?

— А теперь, дочка, рассказывай, кто он, — отпираться было бесполезно.

— Ты ведь знаешь, что я буду свидетельницей за свадьбы у Стаса. Так вот, он бывший невесты. И мы с ним за эти недели неплохо узнали друг друга... Он видит меня насквозь, ма, и просит доверять. Но как я могу? Я ужасно боюсь, что отдам ему своё сердце, а он плюнет в него и растопчет, как ненужный хлам, — вздохнула я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

— Милая, а он давал тебе повод так думать? — стоило отдать должное маме — она умела задавать нужные вопросы.

— Нет, но он...

— Ты хочешь сказать "но он мужчина, так же, как и отец". Понимаю, очень трудно не подводить под ними черту и писать знак равно. Да, мужчины похожи, но...они все разные личности.

— Я никому не доверяла с тех пор, — призналась я, — Только тебе.

— Я знаю, милая, я видела, как ты общаешься с Сашей. Ты любишь его, но не подпускаешь слишком близко. Я понимаю твою боль, но не думаю, что прошлое это повод отказываться от будущего. Да, довериться трудно, но если поставишь на карту всё, то не пожалеешь. Разумеется, есть вероятность, что будет больно... Но разве тебе не больно от того, что он сейчас не с тобой?

— Очень больно, — призналась я маме и одновременно себе.

— И может всё-таки нужно отбросить все страхи и попробовать стать счастливой? Он же стоит того, что рискнуть? — тут я уже задумалась. Вспомнила всё и поняла, что стоит.

— Стоит, — кивнула я.

— Ну, вот видишь. Так что смело смотри вперёд. Ты сильная и ты научишься доверять ему, — мама чуть улыбнулась, — Только не спеши. А то у нас уже одна свадьба на носу... — я удивлённо на неё покосилась.

— Что, решился? А я думала, что опять девять лет ждать будет, — я устало рассмеялась, вспомнив о том, как помогала нерадивому братцу разобраться в собственных чувствах. Кто бы мог подумать, что со мной случится подобная неразбериха всего через пару месяцев?

— Да, заявился сегодня и сказал, что будут играть свадьбу. Если честно, я даже проверила, не скрестил ли он пальцы. Твой братец тот ещё тугодум. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Он не упустил момента и ты, милая, постарайся не опустить... — мама поцеловала меня в щёку и стала разливать по чашкам чай. А я задумчиво грызла печенье и размышляла над тем, что же всё-таки делать. Как поступить? Если быть откровенной, то не проходило и минуты без того, чтобы я не подумала о Городовом. Сегодня я доказывала Акулине, что ей не было бы так плохо, если бы она сделала правильный выбор... Может, и со мной то же самое?

Я посмотрела на маму. Она рискнула и теперь счастлива. Ей сорок пять, а она любит своего мужа так, будто бы они поженились только вчера. Моё сердце защемило от того, что я представила свои сорок пять лет. Да уж, при такой жизненной позиции я проведу старость с котом... Хотя, может это не так уж и плохо? Я любила свободу... А любовь будет её у меня отнимать. Но мне вспомнились слова Ромы. Любовь никогда не унижит меня, она даст свободу от страха... Но она делала меня слабой, а это меня унижало. Но опять же... Я была слабой рядом с ним, могла позволить себе быть слабой, но если я захочу, то он и придаст мне силы. Поддержит. Весь я доверяю ему.

— Ма? — слабо окликнула я родительницу, — А что надо слать мужчине, которого ты опрометчиво отшила? Думаешь, розы подойдут?

***

Он заподозрил неладное ещё утром, когда она проснулась в его объятиях. Её синие глаза были чуть нервными и метались из стороны в сторону как у пойманной дичи. Но он попытался отогнать от себя эти опасения. Этой ночью она по-настоящему открылась ему и вряд ли убежит. Он уже думал, что получил Машу и теперь она никуда не уйдёт...

Но Роман ошибся, и понял это, когда она сломя голову понеслась к такси, бросив лишь короткое "пока". В этот момент в нём что-то оборвалось. Было очевидно, что она бросает его после всего, что между ними было. Он не ошибся. Надо было подождать... Но Маша сбежала после близости, как делала это всегда. Она приравняла его к другим, хотя прекрасно знала, как он к ней относится. Роман прекрасно понимал её страх, который поселился в её душе из-за ухода отца и страданий матери, собственных страданий... Но он так же знал, что никогда с

ней так не поступит, со своим личным лучиком счастья в этой жизни.

Сломав голову Городовой помчался за ней, но получил лишь разбитое сердце. Она отвергла его так, словно между ними ничего и не было вовсе. Чёрт, а ведь сейчас он мог признаться себе, что организовал эту поездку исключительно для того, чтобы покорить Машу, которая незаметно для него самого, покорила его. И дело было даже не в её обольстительной красоте, а в том, как она умела его развеселить, как от её улыбки всё наполнялось светом, а от прикосновений — теплом. И как ему нравилось с ней говорить, её детская непосредственность и иногда такой серьёзный взгляд, словно она старше его лет на десять.

Но сейчас ему было пусто и холодно. Даже работать не было сил, хотя он всегда мог похвастаться тем, что работа могла отвлечь его от всего, что угодно. Вот только разбитое сердце он залечить не мог. Ему даже было всё равно, что у Акулины и Стаса произошла размолвка. Бывшая даже позвонила ему и сообщила, что свадьба отменяется, но в тот же вечер перезвонила и заявила, что произошла ошибка. Он и не сомневался в этом. Роман понял, что эта парочка создана друг для друга ещё на рок-фестивале. Наверное, после него Машка и украла его сердце. Да, а потом плюнула на него и растоптала.

И вроде бы надо идти дальше и постараться забыть, но было невозможно просто взять и выбросить её головы и вырвать из сердца. Она словно стала частью него и единственным выходом избавиться от мыслей о ней, было умереть. Но этого он себе позволить не мог.

Роман раньше и не думал, что может так попасть. Эта девушка настолько сильно подцепила его, что он уже и представить не мог, как ещё солнце светит после того, как она отвергла его. И ещё эта свадьба...им предстоит быть свидетелями. Может попробовать снова? Он и так каждый день боролся с отчаянным желанием набрать её номер хотя бы для того, чтобы просто услышать голос, который пообещает прибить вместо обычного "алло".

Как же она там со своими страхами открыться кому-то? Справилась или тоже думает о нём. Нет, она равнодушна к нему...он это знал. Но окажутся ли чувства к нему сильнее страха, который она приобрела, когда из её жизни ушёл человек, который должен был быть рядом всегда. И может Роману следовало бы оставить её в покое, но он просто не мог...И как можно быть такой слабой и сильной одновременно? Маша так боялась кому-то поверить...А что, если она всё-таки поверит и это будет не он? При этой мысли всё внутри сжималось от ярости. Ну, уж нет. Он добьётся того, чтобы она поверила в то, что он защитит её от целого мира. И он был готов на это. Если она полюбит его, он сможет защитить её от целой вселенной, что уж говорить о мире...

9 НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ или СТРАННЫЙ ДЕВИЧНИК

Я так и не решилась. Снова помешал страх. Ну как поступить? Явиться на порог и слёзно молить о прощении? Ну уж нет...он должен меня понять. Но почему-то от Романыча не было вестей. Неужели я так сильно его обидела своим недоверием? А ведь обидно, блин, он даже не позвонил. Хотя, что же я говорю? Сама виновата...Ох, какая же я идиотка...

В подобных мыслях прошло несколько дней. Я вернулась на работу в клуб и пару раз во время номера мне даже показалось, что я видела знакомое лицо дорогого мне человека...И что я тут загнебаю? Я втюрилась в Городового выше крыши, и от этого чувства я была готова разорваться на куски. Да пусть хоть в подвал меня посадит, лишь бы простил...Вот только чтобы простил, надо извиниться. А за что извиняться я не понимала. Я ведь боялась...и сейчас боюсь.

— Чёрт, — прошипела я. Наступила пятница, и я направлялась на девичник Акулины. Девушка обещала что-то загадочное, но мне, если честно, было всё равно. Я планировала расспросить её, не слышно ли там ничего о Романе.

Торжество проходило в каком-то загадочном месте. Поначалу, увидев какое-то заброшенное здание на самой окраине города, недалеко от трассы, я подумала, что прочла адрес вверх тормашками или неправильно его написала. Но нет. Вроде то место.

— Неужели решили жертвоприношение устроить, сектанты хреновы, — недовольно пробурчала я, опасливо выбираясь из машины. Как-то не хотелось оставлять свою ненаглядную Ларку на растерзание местным гопникам. Но с глубокой печалью я всё-таки это сделала и неуверенно поплелась в дом. Чёрт, и угораздило меня принарядиться? И почему я вообще не отказалась от звания свидетельницы? И что вообще за бред, Стас и Акулина и так друг для друга предназначены без всяких там благословений от первой любви...

— А вот и ты! — я как сидорова коза подскочила от голоса, раздавшегося за спиной.

— Уля? — я уставилась на непонятное существо передо мной. Акулина, а я всё-таки решила, что это она, была с ног до головы укатана каким-то белым полотном, словно мумия, лицо у неё было выбелено, губы были ярко-красными, а на глазах были толстые стрелки, доходящие до самых ушей. Гейша, блин!

— Да, это я, пошли быстрее, обряд уже пора начинать, — во мне ещё больше возникли подозрения относительно жертвоприношения, и, кажется, жертвой буду я.

— А может не надо? — я покосилась на хилое сооружение, что-то среднее между курятником и собачьей будкой, только трёхэтажное. — Ты вообще что задумала? — я почему-то говорила шепотом, с опаской смотря в кусты. А вдруг сейчас как высыплют другие сектанты, повяжут меня и закопают под ближайшем деревом и пусть земля мне будет пухом...Меня аж мурашки пробрали. Я в который раз прокляла туфли на высоком каблуке и симпатичное чёрное платье.

— Идём, переоденешься, и мы начнём.

Увидев свой "наряд", я возжелала проводить некий обряд совершенно голой. Я, конечно, понимала, что все свои и так далее...Но мне перед собой было стыдно надеть это. Огромные олени рога ютились на мелкой шляпе, завязывающейся под подбородком словно каска. Моя

голова постоянно стремилась перевесить тело, и мне с трудом удалось влезть в какой-то болотно-грязный мешок.

— Я же не разогнусь, — стиснув зубы, я пошире расставила ноги и всё-таки подняла голову. На меня с любопытством смотрели ещё три девушки в подобных Акулине нарядах. Рога это намёк? Что там Романыч успел натворить? Гадина...

— Всё нормально, дело за малым. Тебе осталось встать на одну ногу ласточкой, руки сложить за головой и спеть ритуальную песню. На этом обряд будет закончен и ты благословишь меня на брак.

— Позволь поинтересоваться, какой нации я обязана этим...обрядом? — прошипела я, раздумывая над тем, как бы мне добраться до ядерного оружия нашей страны и стереть с лица земли эту плешивую странёнку, заставляющую меня так унижаться. А рога всё тянули вниз...

— Это древнее племя в глубине джунглях Индии. Мы со Стасом случайно нашли их, кажется, кроме нас, об их существовании никто не знает, — голос Ули был наполнен гордостью. Ну, ещё бы, рога-то не у неё на голове, а я чувствую себя ничтожеством...

— Ну, хорошо. Что там за песня? — Акулина протянула мне листок, на котором красовались какие-то кривые буквы. — Эм...это на каком языке?

— На их местном, но с другой стороны расшифровка как произносить, — подсказала невеста. Я вздохнула и перевернула листок. Встала в позу. Три другие девушки зажгли свечи, и я принялась чего-то там бормотать, стараясь при этом не выпускать матерные словечки, крутившиеся на языке.

Читала долго, с выражением, как учили на уроках литературы. Моя учительница сия замечательного предмета, непременно бы меня похвалила. Акулина добродушно придерживала меня за рога несчастного оленя. Наконец, всё закончилось. Девушки потушили свечи.

— Ну, вот и всё, — Акулина с упоением вдохнула "свежий" воздух дома, в котором собрался букет протухших яиц, снова протухших яиц, чего-то мёртвого и разлагающегося, отходов жизнедеятельности и ароматизированных свеч, который вообще никак не вписывались.

— Теперь я могу это снять? — зло процедила я, приходя в равновесие. Хорошо хоть руки за голову убрать не заставила всё-таки, чтобы было чем держать листок. Да, ничего абсурднее я в жизни не делала. И зачем я на это повелась? Ну да, я хотела развеяться, но ведь не такими экстремальными способами...

— Конечно!

После переодевания, Акулина сообщила, что забила нам места в спа-салоне, который открылся ночью специально для нас. Я после такого подумала стать библиотекарем, сколько они там получают?

Ехали на моей машине. Спа-салон был самым крутым в городе, это можно было заметить даже по его внешнему виду: двухэтажное здание было облеплено искусственным камнем, а крыша была стилизована под пальмовые листья. Мы прошли по кривым ступенькам из камня и вошли в абсолютно другой мир: звучала расслабляющая музыка, витали приятные ароматы, всё было оформлено в стиле тропического острова. Вся эта обстановка мне тут же напомнила, что неделю назад я была очень счастлива у моря. И сама, блин, овца, всё испортила...Как всегда. От этого сердце стянуло тугой болью, но я не имела права быть сейчас грустной. Я всё-таки чувствовала вину до сих пор за размолвку между

Стасом и Акулиной, пускай сейчас всё и хорошо... Да и за то, что вообще думала о девушке так плохо.

— Я подумала, тебе понравится. Я видела, как ты была счастлива у моря, — девушка тронула меня за руку, — У вас с Ромой всё хорошо? — блин, а я уже и забыла, что они думают, будто бы мы встречаемся... Хм, как странно. Мы пообещали друг другу не останавливаться не перед чем, чтобы разлучить эту пару. А вот всё как вышло.

— Если честно, то нет, — призналась я. Мы оказались в большом массажном помещении, где нас, улыбаясь, встретили девушки с восточными чертами. И как выяснилось, с ловкими руками, потому как через три минуты я уже тонула в море блаженства и даже расслабилась.

— Вы поссорились? — спросила чуть глухо Уля. Её лицо было просунуто в специальную дырку на массажном столе, как и моё. Несмотря на то, что тело у меня было расслаблено, мысли отказывались разбежаться, и голова у меня была всё ещё забыта.

— Это всё я, — у меня вырвался вздох, массажистка принялась массировать мне ноги. Я тут же вспомнила, как этим занимался Рома и мне захотелось, чтобы он оказался рядом прямо сейчас... Но я сама во всём виновата. И вряд ли что-то изменится. — Я... отшила его.

— Как? — Акулина даже вскинула голову и, не обращая внимания на хмурую массажистку, села. Я последовала её примеру. Восточные девушки решили оставить нас в покое, и отошли в стороны. Три других подруги Ули находились чуть поодаль и явно прибывали в нирване, им было не до наших разговоров. А мне вдруг так отчаянно захотелось с кем-то поделиться...

— Не волнуйся, завтра на свадьбе всё будет нормально, — постаралась я уверить девушку, а заодно и себя. Ага, как же... не удивлюсь, если он вообще не явится или явится и посмотрит на меня так, что у меня случится разрыв сердца, печени и прочих жизненно-важных органов.

— Меня не это волнует. Меня волнует то, будет ли у вас всё нормально, — Акулина нахмурилась. — Я думаю, вы подходите друг другу. Что у вас произошло? Почему ты его отшила? — самой бы знать, единственным ответом на данный момент было: я просто идиотка. Вот и всё.

— Не знаю, — прошептала я. — Я боюсь серьёзных отношений, — призналась я ещё тише, но Уля услышала.

— Почему?

— Я боюсь быть брошенной. Боюсь, что мне разобьют сердце, — могла ли я почти месяц назад подумать о том, что буду изливать Акулине душу? Да никогда! Но сейчас мне казалось, что я всё-таки могу ей доверять. Уля не производила впечатление малодушного человека.

— Маша! — воскликнула Уля, никогда не видела её такой эмоциональной. — А кто мне совсем недавно втолковывал, что если бы я поступила правильно, то мне не было бы так хреново? — она выпучила на меня свои голубые глаза, а мне стало стыдно за свою трусость. Ей я была гораздо говорить всё, что угодно, а вот самой поверить в свои слова...

— А разве я говорю, что поступила правильно? — я чувствовала себя школьницей, отчитывающейся перед библиотекарем за испорченную книгу, из которой я вырвала последние страницы, повествующих, что герои жили долго и счастливо. Всё-таки библиотекари — страшные женщины, даже такие, как Уля.

— Тогда почему так поступаешь? — не поняла она. И правильно сделала. Одно дело

заблуждаться и говорить, что поступила так, потому что это думала, будто бы так надо. А другое дело осознанно сделать неправильный выбор. Хотя тогда я сделала это из-за того, что была идиоткой, не больше и не меньше.

— Потому что боюсь, я же уже сказала, — недовольно пробурчала я. Что непонятного-то?

— А мне казалось, что Мария Табелева ничего не боится. А сейчас, поджав хвост, она сидит здесь и прячется от чувств, хотя в мире есть вещи и пострашнее, — мне сейчас показалось, или она меня подначивает? Массажистка не успела даже коснуться меня, потому как я снова вскочила. Выругавшись на родном языке, девушка решила уйти насовсем.

— Что ты вообще обо мне знаешь! — возмутилась я. — Мужчинам верить нельзя, и я это как никто другой знаю!

— Ты думаешь, что знаешь, потому что тебя однажды кто-то бросил и причинил боль. Но не все такие. В мире есть и хорошие мужчины, — я фыркнула.

— Уля, ты слишком хороший человек... Я вижу мир таким, какой он есть — приличных людей не осталось. А уж мужчин в особенности. Им бы заглянуть тебе под юбку, удовлетворить свои потребности и приспокойненько двигаться дальше. Поверь мне, я знаю, я с такими встречалась. Им наплевать на твои проблемы и на то, что тебе больно или что-то вроде этого, — я вздохнула и тут меня пронзила мысль. А ведь Роман полная противоположность того, кого я описала. Я вздохнула и обессилено плюхнулась на стол, глядя в натяжной потолок, на котором скользили тени от листьев растений, стоящих повсюду.

— Но Рома совсем не такой! — возмутилась Акулина. — Да, я его бросила когда-то, но не потому что он был плохим. А потому что он не подходил мне. Он слишком сильный для меня. А вот для тебя в самый раз. И вот только не надо говорить, что ты лучше знаешь, что тебе нужно.

— Конечно, я знаю лучше, — пробормотала я не слишком рьяно. — Мне нужна свобода от обязательств, чтобы я смогла приходить и уходить когда угодно, делать всё, что хочу и веселиться.

— А чем тебе Рома-то мешает? — не поняла Акулина.

— Как чем? — я снова вскочила. — Он сразу же начнёт командовать, если поймёт, что я в его руках... Будет направо и налево мне запрещать. Наверняка заставить бросить танцы.

— А ты не думала о том, что он будет идти тебе на уступки, лишь бы ты была счастлива?

— Нет, — честно призналась я. Да уж, об этом я как-то не подумала... Но блин, я ведь знаю его меньше месяца. Разве можно довериться человеку, которого совсем не знаешь? Да может он какой-нибудь тиран, который посадит меня дома, и не будет никуда выпускать. Но ведь я этого не узнаю, если не попробую...

— Так может стоит дать себе и ему ещё один шанс? — ну да, ещё один... она же думает, что мы и раньше встречались. Мне стало стыдно за враньё, но рассказывать я не хотела, мне не хотелось, чтобы Акулина смотрела на меня осуждающе.

— А может мы просто расслабимся, а я как-нибудь уже сама решу? — вздохнула я и плюхнулась на стол. Массажистка, наконец, решив, что я успокоилась, выбралась из своего убежища и принялась успокаивать меня дальше. Но покой мне только снится, а сон только грезится. Я старалась думать, что всё хорошо, но за эти дни я жутко соскучилась по Роме,

хотелось поболтать с ним, обнять его, поцеловать...

— Маша, — Акулина растолкала меня, когда я как раз старалась вспомнить подробности нашей с Ромой ночи. И зачем я так терзаю себя? Ведь могла бы промолчать!

— Кому жить надоело? — простонала я, потягиваясь, потом пришла в реальность.

— Собирайся, мы едем в клуб, — невеста указала на стоящих за её плечами девушек, их, кстати, звали Ирина, Варя и Тася, последнюю я уже видела при походе в бильярд.

— Какой клуб? — слышать такое от библиотекарши, может я и жертва стереотипов, было странно.

— "Микс"! — воскликнула блондинка Ирина, коллега Ули. Она казалась скромницей, но судя по всему, ей очень хотелось приключений в своей нелёгкой жизни.

— Если честно, мне что-то не хочется, — да, сейчас я больше всего на свете желала оказаться в своей квартирке, свернуться клубочком на диване, обнять недовольного кота и пореветь, почувствовать себя жалкой и уязвимой. Последний раз, чтобы завтра явиться на свадьбу и покорить всех своей ослепительной и главное искренней улыбкой, показывающей, как у меня всё хорошо. И всё это опять будет направлено на одного человека... Что б он провалился! Как же было тяжело думать о нём со злостью или раздражением.

— А мне не хочется смотреть на твоё кисло лицо, — нахмурилась Уля. — Всё, идём!

И права прошли, в уже порядком надоевший мне клуб. Завтра уже первое сентября, потом на учёбу. Теперь я переходила на режим работы только по выходным. Вначале я вообще хотела уйти, но босс решила, что меня нужно удержать любыми путями и повысила мне зарплату в два раза. Я соблазнилась и решила пока что остаться, хотя куража мне уже не хватало.

Было непривычно развлекаться в клубе, в котором я обычно работала. Но я быстро втянулась и уже с удовольствием танцевала, обращая на себя всё больше и больше внимания. Девчонки кружили рядом, иногда пропадали, чтобы отлучиться к бару, ну а я не пила за рулём, да и вообще не хотелось.

Мелодии сменялись одна за другой. Парни чуть ли не каждую секунду подходили познакомиться, но я лишь посылала их и, закрыв глаза, отдавалась музыке. Так увлеклась, что не сразу заметила — рядом со мной кто-то танцует. Руки моего незамеченного партнёра скользили по моей талии, иногда спускались на бёдра, гладили спину. Я в возмущении решила повернуться и застыла как вкопанная посреди танцпола. Нет, не из-за партнёра, который приставал ко мне, а из-за того, кого я увидела за его спиной. Не знаю, почему мой взгляд тут же упал поверх Дон Жуана, решившего со мной поплясать, но я всё-таки посмотрела в сторону бара. Девчонки кружились где-то рядом со мной, и там их не было. Зато был мой знакомый... Городовой боком сидел на стуле и разговаривал с каким-то парнем. Он был небритый, чуть помятый, но от этого он стал только ещё ближе и родней. Я слегка дёрнулась вперёд, но тут же остановилась. К Городовому сзади подошла смутно знакомая мне девица с ужасными красными волосами и обняла его за плечи. Парень оглянулся на неё, и девица тут же вцепилась в него губами.

— Ты чего? — мой убийственный взгляд перешёл и на незнакомца. Он тут же отшатнулся, чуть ли не крестясь. Ну а я, не в силах остановить собственное бешенство, двинулась в сторону бара. Девица тут же оторвалась от Романа. Тот выглядел удивлённым, но ему явно было пофиг, вешаются на него или нет.

— Сука, тебе клиентов на панели мало? — язвительные слова полились из меня, когда я оказалась возле бара. Красная тут же отпустила плечи Романыча и, уперев руки в боки,

взглянула на меня. Силиконовые губы надулись.

— Нет, ты у меня всех украла, — ответила она.

— Вали отсюда по-хорошему, — предупредила я, стараясь не смотреть на парня, всё внутри тянулось к нему, но от этого я не меньше пылала от ревности. Недолго он горевал! Мне стало так горько, но я была слишком зла, чтобы позволить себе отчаянье.

— Да что ты мне сделаешь? — прошипела она как драная кошка.

— Я тебе твой силикон на нос натяну, пинка дам и по лестнице спущу. Будешь знать, как к чужим парням лезть, — судя по всему, вид у меня был ещё тот, потому что девица тут же ушла. Я почувствовала слабость в коленях, но, не сказав ни слова, развернулась и пошла в сторону выхода, кусая губы, чтобы не зареветь. Я в нём не ошиблась. Уже нашёл какую-то дуру взамен мне... Как же больно!

— Маша! — понеслось мне вслед, и я вздрогнула от знакомого голоса. Поёжилась, но продолжала идти дальше. Ничего, Акулина простит. На самом выходе меня схватили за руку, повернулись к себе как безвольную куклу и прижали к крепкой груди. У меня не было сил сопротивляться. Я тупо смотрела в пространство и думала о том, какая же я всё-таки дура. Все эти дни по нему страдала, а он...

— Пусти меня немедленно, бабник хренов, — зло прошипела я и наконец, решила оттолкнуть его. Каре-зелёные глаза буквально пожирали меня. Городовой лихорадочно пригладил лохматые волосы.

— Маш, ну что ты? Я её вообще первый раз вижу. Она просто ко мне подошла, — его оправдания звучали вполне мило, но я очень сильно злилась.

— А мне-то что? — хмыкнула я.

— Если бы тебе было всё равно, ты бы не устроила эту сцену ревности, — он нахмурился, голос прозвучал повелительно. Как же меня к нему тянет... Я даже заломила руки за спиной, чтобы не кинуться ему на шею. Я жутко соскучилась и внутри всё буквально разрывалось.

— А я просто хотела тебе насолить, — нашлась я. — Ты ей уже в вечной любви поклялся или это ты заполировал на завтра? А сегодня ты сказал ей доверять тебе? — я хмыкнула, но голос против воли всё равно звучал горько.

— Прекрати этот фарс! — рявкнул он. Я с готовностью приняла этот выпад, стараясь нацепить на лицо выражение холодности и неприступности. — Если тебе всё равно, тогда почему так реагируешь? — он испытывающе посмотрел на меня.

— А я собственница. Вечно беру вещи, которые мне нахрен не нужны. Но ты можешь к ней вернуться, мне плевать, — ох, это была неправда, здоровенная ложь...

— Ты просто невыносима, Табелева! — взревел он. — Как меня вообще угораздило влюбиться в такую Фому неверующую! — взвыл он. Я старалась пропустить из всего этого слово "влюбиться". Но оно прочно засело у меня в ушах. Учítывая, что я сама втрескалась по эти самые уши.

— А ты придурок! Да если бы... — я остановилась, хотелось сказать, что если бы он хоть немного на меня надавил, позвонил и сказал всё то, что сказал после приезда с курорта хоть раз, я бы тут же не выдержала и сиганула ему на шею. Но что теперь об этом говорить? Теперь я не могу...

— Что если бы? — он засверлил меня глазами, не дождавшись ответа, прижал к стене в небольшом коридоре, ведущем в сам танцевальный зал. Я судорожно вздохнула. Ну зачем он так со мной? Я же опять таю, моя гордость тает, а я не могу себе этого позволить.

— Если бы ты не был таким придурком, — вздохнула я, пытаясь отстраниться.

— Если бы ты не была такой упрямой и...ранимой, — он коснулся моей щеки. Я вздрогнула. — Маш, я соскучился... — вздохнул он.

— А мне-то что? Ты соскучился, ты и решай эту проблему! — рявкнула я.

— Хорошая идея, — он как-то удовлетворённо хмыкнул. — Спасибо за подсказку, милая, — и он взял и перекинул меня через плечо. Я взвизгнула.

— У меня платье короткое! — ахнула я, безрезультатно стараясь прикрыть свою пятую точку. Сердце ухнуло куда-то вниз. А ведь он уже так делал. — Дибииииил! — заорала я, мы как проходили мимо охраны и я взмолилась. — Ребята, спасите!

— Мужики! — кивнул Романыч с предостойным видом, — Моя девушка слегка возбуждена. Мы играем в неандертальца и невинную девушку, понимаете? — охранники заржали, а я насупилась.

— Кретин! Поставь меня немедленно! — я почувствовала, как порывом ветра юбка платья приподнялась.

— Будешь знать, как такие вещи надевать, — усмехнулся Романыч, даже не постаравшись прикрыть мою пятую точку.

— Ты вообще охренел! Да какое ты имеешь право от так со мной обращаться! А ещё что-то говорил про свободу! Какая свобода? Ты насильно куда-то меня тащишь, а я этого не хочу! — продолжала верещать я, пока мы шли вдоль улицы, по краям которой располагались деревья и лавочки. Возле одной такой лавочки Городовой остановился и посадил меня на неё.

— Маша, нам надо поговорить, — серьёзно заявил он.

— Мог бы так сразу и сказать, — нахмурилась я, — а не тащить силком.

— И ты бы пошла?

— Нет, конечно! — выкрикнула я. — Но раз уже ты говоришь про свободу, то мог бы поинтересоваться моим мнением... — я понимала, что это глупые отговорки и действительно иногда я по-хорошему не понимаю, но мне было жутко обидно. И ещё я боялась, что если ещё хоть пару минут проведу наедине с Ромой, то сама брошусь на него. Но я не могла. Перед глазами до сих пор стояла та крашенная дура.

— Ты ведёшь себя как ребёнок! — взвыл он.

— А ты думал в сказку попал? — выплюнула я, — Думал, легко будет?

— Действительно, размечтался. Всё у нас прекрасно, я и не думал, что помехой к нашему счастью можешь быть ты сама, — Романыч уже явно начинал раздражаться и мне это нравилось. Он уже не казался таким милым, а был собственником и кобелём, стремившимся пометить свою территорию.

— Нашему счастью? — ухмыльнулась я, стараясь не показывать, как меня зацепили эти слова. — Наше счастье по отдельности, Рома, — и что вот я сейчас здесь говорю? Сама же хотела с ним увидаться, поговорить...И так бы и было. Но эта девка! Я снова сцепила пальцы и стала их заламывать, стараясь успокоиться. А я чуть было ему не поверила! Дура!

— Ты действительно так думаешь? — его глаза сверкнули, видимо, заподозрил ложь. В могиле видела я его пронизательность! Я взбесилась ещё больше, встала и попыталась отвесить ему пощёчину непонятно за что. Он тут же скрутил меня и крепко прижал к себе, чтобы я не смогла его ударить. Я чуть ли не завизжала. Кажется, начинается истерика.

— Дикая кошка, — в который раз вздохнул он, а потом зарылся лицом в мои волосы. Ох, Маша, не расслабляйся, не надо покушаться на этом...Но я не могла. От его тёплого

дыхание я разомлела не хуже чем от массажа и прикрыла глаза. — Я очень соскучился, Маш, — его руки крепче сжали мои, а потом отпустили. Он развернул меня к себе и стал целовать лицо, не касаясь губ. Я лишь бормотала ругательства, но была не в силах отказаться от этого. — Маш, будь со мной, — прошептал он мне в ухо, потом царапнул зубами мочку. Я ахнула от удовольствия, но нашла силы отстраниться.

— Я же вроде всё ясно сказала в субботу, — нахмурилась я. Соберись, не расслабляйся...

— Это действительно то, что ты хочешь? — холодно бросил он, и я скукожилась. — Остаться одиночестве со своей гордостью и страхом? Что ж, видимо, я ошибся. Если ты так в этом уверена, то думаю, нет больше смысла бегать за тобой. У меня тоже есть гордость, — он развернулся и ушёл.

— Пстой, — прохрипела я, протягивая ему вслед руку. Но он не обернулся и даже не замедлил шаг. Я беспомощно осела на скамейку и почувствовала себя самым несчастным человеком на земле. — Довольна, дура? — я закрыла лицо руками и заплакала. И как он может думать, что я его не люблю? Да я с ума по нему схожу! Но вот такая я ревнивая идиотка...обидчивая и эксцентричная. Он ушёл. Чёёёрт.

Я в отчаянье побрела в сторону своей машины. Кинула Уле смс, чтобы они ехали домой на такси, и отключила мобильник. Домой не хотелось. Завтра важный день...Завтра мне придётся видеть Романа весь день. Он от меня отступился, и я его не виню. Сама доигралась, можно подумать, он бегал бы за мной всё это время? Какая же я дура!

Через полчаса я стояла и трезвонила в дверь и пинала её ногой. Конечно, нехорошо так вламываться посреди ночи к братцу, который живёт с девушкой, но мне было жутко одиноко, а распивать купленную бутылку водки в одиночестве не хотелось. Пить вообще-то не хотелось, но мне хотелось забыться.

— Кого черти принесли? — голос братца был очень злобным, кажется, я оторвала их с Риткой от очень увлекательного занятия.

— Твою несчастную сестру, — рыкнула я в ответ. Загремел замок и вот включенный братец в одних штанах с выпученными глазами смотрит на меня, всю такую зарёванную, в одной руке у меня была бутылка, а в другой туфли.

— Андрюш, кто там? — Ритка выплыла из-за спины братца, не менее включенная и заспанная. — Маша! — удивилась она. — Ну чего ты встал как баран? — он пихнула Андрея в бок, — Маша, проходи.

— Благодарю, — кивнула я, вошла, бросила туфли в сторону и сразу же поплелась на кухню, чувствуя на себе удивлённые взгляды.

— Что заставило тебя явиться в столь поздний час? — Андрей потянулся, налил из-под крана воды и осушил бокал. Рита присела рядом со мной, старательно приглаживая вставшую дыбом чёлку.

— Мне плохо, — просто сказала я, откупоривая водку. Братец тут же её отобрал, с отвращением поморщился и стал выливать содержимое в мойку. Я не сопротивлялась и пригорюнилась ещё больше.

— Что случилось? — задала вопрос Рита.

— У меня разбито сердце, — вздохнула я, — А перед этим жестоко вырвано, — я посмотрела на братца, сверлящего меня взглядом. — Влюбилась я.

— Наконец-то, — ухмыльнулся он, — Ну и как ощущения.

— Хреновые, — честно призналась я.

— Это сразу. Кто этот несчастный?

— Андрей, прекрати, — Рита пнула моего брата по ноге, — Расскажи подробнее, что между вами произошло, — ну я и рассказала. О том, как мы с Ромкой познакомились, о том, как оказались свидетелями на одной свадьбе, потом о том, как пытались разлучить жениха и невесту. Я даже рассказала о самой лучшей ночи в моей жизни. Под конец я горько заревела.

— Ну и дура ты, Машка, — нахмурился Андрей, потом полез куда-то в шкаф, откупорил коньяк и налил мне в стакан. Я залпом выпила его и закашлялась. Гаадость. — Я вообще не понимаю, что ты так на том придурке зациклилась, который нас бросил. Он кретин и многого лишился. У нас есть отец и прекрасный. И не надо всех мужиков ровнять, а судя по рассказу, этот твой Романыч нормальный мужик. Вот только у всех есть лимит терпения. Он и так тебя долго терпел. А ты как дура раскапризничалась.

— Да на нём сегодня другая баба весела! — возмутилась я.

— Но потом-то он её отшил? Отшил! И ещё раз предложил тебе быть вместе, а ты дура отказалась! — нахмурился Андрей. Я поняла, что он, скорее всего, вспоминает, как Ритка отшивала его три раза. Рита недовольно покосилась на своего возлюбленного, но ничего не сказала.

— Пошли, поговорим, у мужиков всё просто как пять копеек, им нас не понять, — нахмурилась моя будущая сноха и мы ушли в комнату пары. Я тут же плюхнулась на кровать.

— Маш, я понимаю твой страх. Какого было мне влюбиться в этого бабника? — Рита улыбнулась, глядя в сторону двери. — Я тоже жутко боялась, что он не изменится и будет изменять мне направо и налево. Наши ситуации похожи. А ты боишься его, потому что он мужчина, а один тебя уже оставил. Машенька, но пока не проверишь, ты точно не узнаешь.

— Мама проверила и была несчастной, — нахмурилась я.

— Зато потом встретила дядю Сашу...И теперь самая счастливая! — подбодрила меня подруга. — Ты как к нему относишься?

— Как? — я вздохнула. — Втрескалась по самое не могу, как я к нему отношусь. Скучаю жутко, но эта крашенная тварь, — я стала душить подушку и Рита меня прекрасно поняла.

— Если втрескалась, то борись. Поверь, как только тебя отпустит страх, и ты можешь разделить с кем-то свою жизнь, то ты станешь очень свободной. Разумеется, он будет командовать. Но разве в этом заключается свобода? Она заключается в том, чтобы тебе было легко на сердце, и чтобы ты была счастлива. А если ты уверена в том, что с Романом тебе хорошо, то надо бороться за это.

— Я хотела к нему пойти ещё в воскресенье...Но не смогла. И когда увидела его сегодня, то решила всё объяснить. Но...эта тварь, — я ещё немного подушила подушку и стало чуть легче. Вот бы ещё было эту подушку так же приятно целовать, как и Рому, так же приятно просыпаться в её объятиях...

— Это всё твоя гордость. Это уже другая проблема. Ты бы неуязвила себя никак, если бы пошла к нему. Ты же его любишь, Маш. И со временем научишься доверять. Я не говорю, что всё будет сразу, но спустя некоторое время я уверена, что ты станешь невообразимо счастливой...

— Тебе бы только искусительницей работать, — вздохнула я. Немного поворочалась, потом поднялась, обняла Ритку и направилась к выходу. Там меня уже поймал братец.

— Тебя может отвести? Ты же выпила всё-таки.

— Забей, все гаишники десятый сон видят, — вздохнула я.

— Сестра, не делай глупости и постарайся не нервничать. Всё наладиться, если ты немного умиришь свой нрав, — Андрей обнял меня, но я тут же выкрутилась и пошла прочь. Почему-то нрав укрощать не хотелось, хотелось, чтобы он мог терпеть мои самые безумные выходки... Но может я слишком много требую?

***

Спустя десять минут после того, как он оставил Машку на лавочке, Романыч уже жалел и летел обратно, чтобы на этот раз сказать ей о свои чувствах и говорить о них до тех пор, пока она не сдастся. Разумеется сразу он взбесился из-за её упрямства, психанул и ушёл. Но отступить от неё он не намерен. Он будет ждать столько времени, сколько Маше понадобится. Распугает всех её ухажёров и сделает для неё всё. Да, у неё невыносимый упрямый нрав. Но она нравилась ему и такой. В этот раз он просто немного не сдержался.

И поплатился. Машки уже не было на той лавочке. Он почувствовал укол. Вот дибил... Если бы не ушёл, то может быть и уговорил Машу. Роман видел её смятение, видел, как она разрывалась. И чёрт бы побрал ту крашенную дуру! Он даже видел её в первый раз, хотя, всё-таки она показалась ему знакомой... И когда она поцеловала его он растерялся. Идиот! Но Маша ведь подошла и заявила на него права... Но Городовой видел, что ей больно. Он снова разочаровал её.

— Приятель, ты в порядке? — спросил у него друг Дима. Городовой отказался идти на мальчишник к Стасу и вообще уже подумывал не идти на свадьбу. Но он тут же отогнал эти мысли. Завтра они проведут много времени вместе, и он обязательно убедит её. Если она его не любит — то непременно полюбит. Не верит — поверит. Она будет с ним счастлива, он сделает своё личное солнышко самой счастливой.

— Я супер, мля, — пробормотал Роман. — Опять она меня отшила, — нахмурился он.

— Нуу, ты сам втюрился в эту ципу с характером. В каждой бочке мёда есть ложка дёгтя, так что крепись.

— Да я хоть ведро этого дегтя слопаю, лишь бы она со мной была, — парень запустил пальцы в растрёпанные волосы. Всю неделю он с трудом работал, мало ел и много думал о том, как же всё-таки завоевать Машку. Слать цветы и подарки глупо. Она тут же подумает, что он решил её купить. Сюрпризы не проканают. Мария необычная девушка и всеми этими глупостями её не покоришь. Чёрт, а он ведь даже поговорить с ней нормально не может...

— И правда влюбился, — ухмыльнулся Дима. — Мне бы так, — Роман заметил, как друг скользнул взглядом по толпе и уцепился за кого-то. — Ладно, пойду, кости разомну.

— Ну а я, пожалуй, поеду. Завтра равно вставать. Ещё эта хренова свадьба, — Романыч распрощался с другом и вышел в прохладную ночь. Первый день осени уже наступил и парень надеялся, что он принесёт за собой изменения.

1 °СВАДЕБНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ или ТАК И БЫТЬ

Утром я была удивительно бодрой. Старалась поменьше думать про всякие глупости и тут же помчалась к невесте домой. Разумеется, покупка в данной ситуации была простой глупостью, так как Уля уже давно жила со своим женихом. Но родители девушки были людьми обыкновенными, в отличии от её странноватой дочери, которая в своей библиотеке начиталась про странные обряды для девичников.

Я со вздохом вспомнила, что не зря напялила те рога вчера. Как чувствовала. Романыч с этой шваброй... Было проще верить в то, что он меня предал, чем в то, что я снова отшила его из-за своей глупости и нерешительности.

Странно, но переполоха в семействе не было. Все были умиротворёнными, видимо, перенервничали, когда отменила свадьбу. Я юркнула в комнату невесты, где расположился причёсочно-красильный цех. Парикмахер как раз заканчивала причёску Ули. Откуда у девушки взялось столько волос я понять не могла. Вместо её тоненьких и жидких волосиков на голове были пышные локоны, приподнятые наверх и скреплённые диадемой, фаты не было. Платье на девушке было цвета шампанского, без всяких украшений, с простым корсетом и юбкой-колокольчиком. Акулина выглядела очень мило и была похожа на девственницу, которую вот-вот принесут в жертву. На гладком лице был лёгкий макияж, визажист нанесла много румян, чтобы скрыть волнение невесты.

— Ты само очарование, — не соврала я. — А теперь надо превратить меня во что-то, хоть отдалённо напоминающее человека, — я заявила в штаб невесты в сером спортивном костюме, с её влажными волосами и без капли макияжа. Визажист тут же с ужасом набросилась на меня и принялась делать яркий майкап. Платье свидетельницы для меня подбирала Акулина, узнав мои размеры. У меня было плохое предчувствие, но благо в этот раз пронесло. Платье было похоже на индийское сари, с перекинутым через одно плечо полотном, но было выше колена и из лёгкого материала, чтобы свидетельница не откинула босоножки от жары.

— Ух ты! Какое классное! — я немного преувеличила восторг, чтобы Акулине было приятно. Но бедняжка так волновалась, что на ней лица не было. — Говорю платье обалденное! — проорала ей на ухо и девушка перестала рассматривать себя в зеркале.

— А как я? — она несмело улыбнулась.

— А ты просто божественна, — с видом знатока кивнула я. — Так, а теперь свидетельнице надо сделать причёску, сейчас она похожа на рыжую ведьму, только прилетевшую с шабаша, — я уселась рядом с невестой и парикмахер принялась раздирать мои волосы расческой, потом она их чуть высушила, забрала в низкий пучок, завила пару прядей и выпустила из него.

— Ты просто волшебна! — тепло улыбнулась Акулина. А я снова почувствовала себя виноватой за то, что могла так плохо о ней думать.

— Ага, сейчас опишусь волшебной пылью, — усмехнулась я. — Во сколько приедет жених? — я, кажется, волновалась не меньше Ули, словно сама выходила замуж. Ох, если бы, если бы!

— К десяти, — Акулина посмотрела на часы. — Уже скоро. Роспись в 11.30. Здесь совсем недалеко до ЗАГСа, — после этих слов мы обе стали нарезать круги по комнате и

делать вид, что совершенно не волнуемся. В комнату то и дело заходили какие-то люди, что-то брали и что-то говорили. Но я не слушала, а то и дело подходила к окну и ждала, что вот-вот въедет свадебная демонстрация...

Явились в десять. Я едва не свалилась с кровати, на которую, наконец, присела и подлетела к окну. Акулина сделала то же самое.

— Мне страшно! — икнула девушка.

— И мне! — призналась я.

Побояться как следует мне не дали. Через две минуты я уже стояла у входа в подъезд вместе с родственницами Акулины, которые из милейших женщин, коими они были недавно, превратились в настоящих неприступных стражей. Прямо как десантники!

Процессия состояла из длинного белого лимузина и ещё кучи машин, из которых сыпали друзья и родственники Стаса. Похоже, дабы убедиться, чтобы выкуп состоялся, решили явиться все приглашённые. Стас был в сером костюме и выглядел очень милым и немного затравленным. Под руку его вела тётя Лера, с другой стороны была тётя Жанна намертво прилепившаяся к... Романычу. Я тут же встретила с ним глазами. Он улыбнулся, словно вчера не сказал, что устал и что у него тоже есть гордость.

— Мамочки, дамы, держите меня, оборона падает, — вздохнула я. Какая-то тётка обняла меня за плечи, не давая растечься лужицей по полу подъезда. Но я была свидетельницей, а значит надо было быть самой активной. Я собралась с силами и пошла встречать гостей.

— С чем пожаловали? — хмуро спросила я, сложив руки на груди.

— Не с чем, а с кем, — поправил меня Романыч, — С женихом. За невестой.

— Что-то это не наш жених, — я прищурилась. — Как вы думаете, дамы?

— Да, что-то непохож!

— Так он после мальчишника, — Романыч извиняющиеся улыбнулся и я почувствовала, что не привитые дамы против улыбки парня устоять не могли. Они едва не расступились перед его обаянием, поэтому я решила брать всё в свои руки и перегородила путь, могуче надувшись. Послышались смешки, оператор с удовольствием снимал происходящее. Я старалась улыбаться и делать вид, что не злюсь на свидетеля до потери сознания, ну, и то, что не люблю его до той же потери сознания...

Люблю... Кто бы мог подумать? Как же это странно.

— Нет, надо доказать, что он — наш жених. Дамы! — я лихо свистнула и кто-то одобряюще лопнул в ладоши. Дамы собрались с силами, благо были опытными и против обаяния Романыча быстро выработали иммунитет. Родственницы Акулины вынесли большой плакат с отпечатками губ. Целовали, как говорится, всем миром. Уля рассказывала, что вчера её мама прошлась по подъезду и теперь на ватмане красовалась чуть ли не сотня губ. Стас озадаченно посмотрел на это буйство помады, и я удовлетворённо улыбнулась. Сама даже поцеловала!

— Найдёшь губы своей невесты — докажешь, что ты тот жених! — я хитро прищурилась, — Ну или бабло гани.

— А можно внести изменения? — поинтересовался Романыч, видя, с каким лицом Стасик изучает плакат.

— Дамы? — те ответили, что можно. — Валяй, торговаться не запрещено.

— Госпожа свидетельница ведь тоже целовала этот ватман? — я нахмурилась, не понимая, к чему ведёт, кивнула. — Думаю, мне как приближенному человеку доверять

можно и если я найду губы свительницы, значит, жених тот! — я возмущённо ахнула. Да он в жизни их там не найдёт.

— Хорошая идея! Ново! — воскликнул кто-то за моей спиной.

— Вот и отлично! — Романыч подошёл ко мне совсем близко и принялся изучать плакат. — Нет, ну я так не могу, — вздохнул он.

— Что случилось, голубчик? — я грозно зыркнула на пожилую даму, сочувствующую Городовому.

— Надо провести эксперимент, а то я не уверен, что это вообще та свидетельница! — я открыла рот, в глазах Романыча плясали зелёные бесята. — С губами я вроде определился, но мне кажется, что они не похожи...

— Так чего же делать? — вот недалёкие! Повелись! А мне отдуваться.

— Эксперимент, говорю, провести надо! — Романыч улыбнулся и поцеловал меня. Я даже шарахнуться от него не успела. Толпа удовлетворённо завизжала. Я пыталась отбиться, но бесполезно. Наконец, Роман от меня отстал и указал на плакат. На мои губы. Я не скрывала удивление.

— Я всегда смогу найти губы моей девочки, — прошептал он мне на ухо интимным голосом. Нет! Маша, не поддавайся, он просто издевается!

После такого представления, решили пропустить ребят дальше. В последующих конкурсах я старалась не слишком высовываться. Мало ли что ещё взбредёт ему в голову? Родственницы Акулины молодцы, тоже не растерялись, и порядочно заработали. И вот, наконец, вошли в квартиру. Последнее испытание из личных вопросов Стасик прошёл с успехом и его запустили в комнату невесты. Гостей принялись поить, а я держалась в сторонке. Романыч находился у меня в поле зрения, но видимо, на моём лице было написано: "Не влезай! Убьёт!", потому что парень не подходил.

Потом спустились вниз, жених и невеста немного попозировали, счастливые и не отрывающие друг от друга глаз, а потом мы загрузились в лимузин. Благо он был просторным, и я отсела от Городового на другой конец.

— Круто ты с губами придумал! — просиял в улыбке Стас. — Акулина, милая, извини, но я не смог понять...

— Их там и не было, — улыбнулась девушка.

— Обманщицы! — рассмеялся Роман.

— Кто бы говорил про обман, — бросила я и отвернулась к окну. ЗАГС и впрямь был близко. Выгрузились всем составом. Гости принялись фотографироваться и выпивать, пока ждали своей очереди. Нас с Романычем заставили устроить целую фотосессию вдвоём, как почётных свидетелей. Я долго отпиралась, но парень обнял меня, и нас приняли фотографировать. Я специально морщилась и корчила рожицы, после десяти кадров фотограф не выдержал и послал нас. А Городовой продолжал меня обнимать.

— Фотограф ушёл, пусти, — решила сообщить я, а то вдруг этот кретин ослеп со вчерашнего дня.

— И что? — такая реакция меня возмутила.

— Ты ведёшь себя как дибил! — ахнула я, — Словно я твоя собственность!

— У нас свободная страна, собственностью человек быть не может. Но я бы не отказался от твоего сердца, — он поцеловал мне руку и что-то насвистывая, ушёл. Он ведёт себя так, словно вчера и не говорил мне, что оставит попытки меня добиваться! А я ведь так измучилась! Вот кретин, как же я зла!

Процедура в ЗАГСе прошла очень быстро. Я с удовольствием послушала свадебный марш. И вот Станислав и Акулина стали настоящим мужем и женой. Я почувствовала, как из правого глаза стекает слеза. Кинулась поздравлять молодых.

— Будьте самыми счастливыми! — улыбнулась я.

— Такими как мы! — Романыч тут же оказался рядом и обнял меня за талию.

— Нет, такого "счастья" я вам не желаю, — буркнула я.

После ЗАГСа родители поехали домой, молодожёны немного покружились и поехали домой для благословения. Я хвостиком ходила за ними, стараясь не оставаться с Романычем наедине. В итоге, когда приехали на банкет, я уже с ног валилась в босоножках на каблуках.

Наконец, сели за стол. Но тамада, пчелу ей в глаз, не дала и минуты поесть. Принялась что-то тараторить. Наконец, стали орать "горько". Молодожёны на радость гостям целовались до двадцати. Я активно участвовала в процессе и пыталась не смотреть на Рому. Всё шло просто прекрасно. Все по очереди поздравляли молодоженов, дарили подарки и конверты с деньгами. Крёстный и крёстная с удовольствием всё собирали. Тамада шутила и поднимала всем настроение. Звучала прекрасная музыка. Кричали "горько". Мне всё нравилось. Пока кто-то не заорал:

— Сладко! — что б тебя тараканы изнасиловали! Все подхватили и вот уже все гости оралли это страшное слово.

Романыч теряться не стал. Подошёл ко мне и поцеловал. Кто-то взялся считать, и получилось тридцать пять... Я едва стояла на ногах и не могла дышать, когда, наконец, меня перестали целовать. Я затуманено взглянула на Городового. Он довольно улыбнулся, усадил меня и ушёл на своё место.

Всё закрутилось с новой силой. Застолье продолжалось, потом тамада позвала всех танцевать. Начались смешные конкурсы. Увы, но свидетель и свидетельница были обязаны участвовать практически во всём. Между нами возникло негласное соперничество.

— А теперь делимся на две команды и начинаем тянуть канат! — воскликнула тамада. Мы с Романом стали около линий. Я сняла босоножки и осталась босиком, Романыч тут же ухватился своими ручищами за верёвку.

— Сделаем их! — заорала я своей команде и все потянули.

Борьба была напряжённой, я активно подгоняла свою команду, Роман занимался тем же, но мы не отрывали друг от друга глаз. Через десять минут тамада объявила, что победила дружба. Народ сзади стал расходиться, но я всё ещё тянула канат и когда мы с Романом остались один на один, парень резко дёрнул верёвку и потянул меня на себя. Я тут же в него врезалась.

— Пусти, гад! — сверкнула глазами я. Его наглое поведение меня бесило.

— Мы потанцуем.

— Я босиком, — нахмурилась я. Тут Романыч выдал! Поднял меня на руки, и мы стали кружиться в такт музыке. Я пыталась хмуриться, но не могла не признать, что мне это нравится. Песня закончилась, я отбрыкалась от Ромки, обулась и продолжила танцевать. Какой-то дружок стала явно решил за мной приударить, и я решила поощрить такую замечательную инициативу.

Мы с ним всю танцевали, развлекались и даже вместе выиграли в конкурсе на лучшую песню. Дуэт у нас получился прекрасным, но я осознавала, что всё это делаю с одной единственной целью — заставить Романыча ревновать. И судя по взглядам, которые он

посылал в сторону моего ухажёра, это у меня получилось.

Вскоре все отправились на второе застолье. Устроили соревнование по пению между родственниками жениха и невесты. К слову, сами молодожёны мало на что обращали внимания и наслаждались друг другом.

— А теперь проведём соревнование! — улыбнулась тамада. — Свидетели, прошу ко мне! — женщина поманила нас пальцем. Мы с Романычем вышли к ней. Парню всучили розовые ползунки, а мне — голубые. Я тут же просекла в чём дело. — Мои дорогие, вы должны пройти по залу и собрать как можно больше денег! Мы узнаем, кто же будет первенцем у наших молодожёнов. Как вы думаете, дорогие гости? Поехали! — ох, хороший шанс показать кто тут главный.

Я тут же понеслась к мужскому населению, строила глазки и уговаривала, что семейству нужен мальчик. Все охотно совали мне деньги даже по второму кругу. Романыч тоже времени не терял, очаровывал всю женскую половину своей улыбкой и те выкладывали ему последние деньги.

— Стоп! — сказала тамада, — А теперь свидетели отправляются в комнату для подсчета наших средств, вскоре мы узнаем результат! — снова зазвучала музыка, и все вернулись к застолью. Тамада притащила нас с Романом в какую-то комнату, приказав, чтобы мы всё посчитали, закрыла за собой дверь. Я тут же почувствовала себя неловко, повернулась к Роману спиной и принялась вываливать из ползунков всё добро.

— Ну, сколько там у тебя?

— Тебе-то чего? — огрызнулась я. — Зачем ты вообще целоваться сегодня полез? — нахмурилась я, поворачиваясь к нему лицом. Каморка стала просто крохотной от того, что в ней был такой парень. А мне стало дурно. Ох, ну что же это за наказание такое... Я вроде уже на него и не злюсь. Может, сделать шаг навстречу? Но внутри было странное чувство... Я всё ещё злилась на него. Хотя нет, скорее на себя.

— Ты видела Стаса? Он растерялся, а твои губы я узнал, — он это заявил с такой гордостью, словно явился ко мне с головой собственноручно убитого дракона.

— Тоже мне, — ухмыльнулась я. — Ладно, идём...

— Стой, — взгляд Романыча начал шарить по полу. — У меня что-то из ползунков вывалилось, — я рассмеялась на эту фразу и опустилась на корточки рядом с парнем, чтобы помочь ему найти. Но вот, неожиданно он чуть меня подтолкнул, и я опустилась на пол, Роман сел напротив меня. — А теперь ты будешь слушать.

— Да как ты... — он притянул меня к себе и, усадив на колени, поцеловал. Я лишь вздохнула от отчаянья.

— Слушай, — я слабо кивнула. В конце концов, сколько уже можно бежать? Клетка давно захлопнулась и я уже давно попала во власть этого парня. Если я не получу его, то уже никогда не буду свободной. Без него мне плохо... — Я понимаю, Маша, ты боишься доверять мужчинам из-за того, что отец бросил вас в детстве из-за того, что страдала твоя мама. Я понимаю, что этот страх сразу полностью не уйдёт, но ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь и, несмотря на то, что мы знакомы так мало, ты прекрасно знаешь, каков я на самом деле. Я это вижу. Поверь, я не собираюсь сковывать тебя и что-то вроде того... Ты такая какая ты есть, со своим вздорным характером и так далее. Маш, — он заставил меня посмотреть себе в глаза. — Я люблю тебя, — после такого признания моё сердце ухнуло куда-то вниз, а потом воспарило до невиданных небес. Любит? Он сказал, что меня любит!

— А той крашенной ты тоже самое говорил? — прищурилась я, чувствую, что начинаю

таять.

— Да что ты пристала-то с ней? — он вскочил. — Бабы! Я только что сказал, что люблю её, а она мне говорит всякую херню...

— Сказать одно, — пожала я плечами. Я что, опять всё испортила? Вот блин. Хотелось взвыть от собственной тупости...

— Маша! — он схватил меня за плечи. — Я тебя люблю. Люблю. Слышишь? Будь со мной, — я вздохнула, опустила глаза. И вроде всё трепещет от этих слов, но противный липучий страх не отпускал... Я никак не могла поверить в то, что могу стать счастливой.

— А что, если я тебя нет? — последнее испытание, Рома, вытерпи его, умоляю...

— Ты врёшь, — его глаза сузились. А потом на лице появилось такое выражение... Он словно рухнул с высоты, словно почувствовал отчаянье, — Или нет? — отчаянно спросил он, заглядывая мне в глаза. Я почувствовала, как счастье разливается внутри меня. И что я так долго бегала? Идиотка! Я бросилась на шею к Роме и сказала:

— Запомни это чувство, Рома, которое ты испытал, когда подумал, что я тебя не люблю, — я вздохнула и заглянула ему в глаза, — Но я люблю тебя, чёрт побери, я люблю тебя. И это вообще просто ужас... — я округлила глаза. Рома прижал меня к себе и принялся целовать.

— Ууууу, как я по тебе соскучился, — он прижался ко мне, — Маша?

— Ммм?

— Нам вроде как надо было куда-то идти, — пробормотал он.

— Слушай, — я посмотрела на дверную ручку, — А тут есть замок?

— Ты думаешь о том же, о чём и я? — он улыбнулся, и его рука скользнула к молнии на моём платье.

— Извращенец! — рассмеялась я, щёлкнув замком. Теперь нам никто не помешает.

— Люблю тебя, — прошептал он мне на ухо. А я подумала, пускай только не попробует шептать мне это каждый день... Уж теперь-то я от него не отстану. И я вцепилась так сильно, чтобы никогда не отпускать.

3 года спустя...

— Как ты мог так со мной поступить! — взревела я, мечась по квартире, в которой мы с Ромкой обитали уже два с половиной года. Я была так зла, что готова была разрушить всю мебель.

— Дорогая, ну что ты как заведенная? — усмехнулся Романыч и тут же получил по наглой роже подушкой.

— Дурааааак! — взревела я, подлетая к зеркалу. Я осмотрела свой пока что плоский живот. Посмотрела, пощупала, представила его огромным и...Вдруг почувствовала всепоглощающее счастье. У меня будет маленький! У меня и у Ромки будет маленький! — Ты нагло соблазнил меня, — вздохнула я, — И даже не удосужился воспользоваться презер... — я остановилась, когда вдруг увидела выражение его лица.

— Подлец! — взревела я. — Ты специальнооооо!

— Дорогая, у тебя уже разыгрались гормоны, — промурлыкал Роман, обнимая меня сзади. — Ты не хочешь маленького? — спросил он, заглянув мне в глаза.

— Конечно, хочу, дурак, — я лучезарно улыбнулась и снова потрогала живот. — Меня раздует, — прохныкала я. А Ромка неожиданно свалился передо мной на колени. — Что ты делаешь? — нахмурилась я.

— Маш, ты выйдешь за меня замуж? — прошептал Рома. Я хотела было сказать что-то вроде у нас с ним всё хорошо и так, то, что я говорила всегда, когда он предлагал. А предлагал уже два года. Но сейчас я почувствовала, что готова...потрогала свой живот, представила нашего сына с синими глазами и тёмными волосами, с моим вредным характером и прекрасным отцовским телосложением. Улыбнулась и кивнула.

— Как же я тебя люблю! — Роман подхватил меня на руки и понёс в спальню.

— И не устаёшь это доказывать, — прошептала я и посмотрела на мужчину, который сделал меня свободной от собственного глупого страха, которого я любила и который, блин, был жутко хитрым. Но я была благодарна ему за всё: за любовь, за маленького и за будущее замужество.

Вот блин! Я выхожу замуж по залёту! Нет, я его точно убью...Но сначала поцелую.

Больше книг на сайте - Knigolub.net